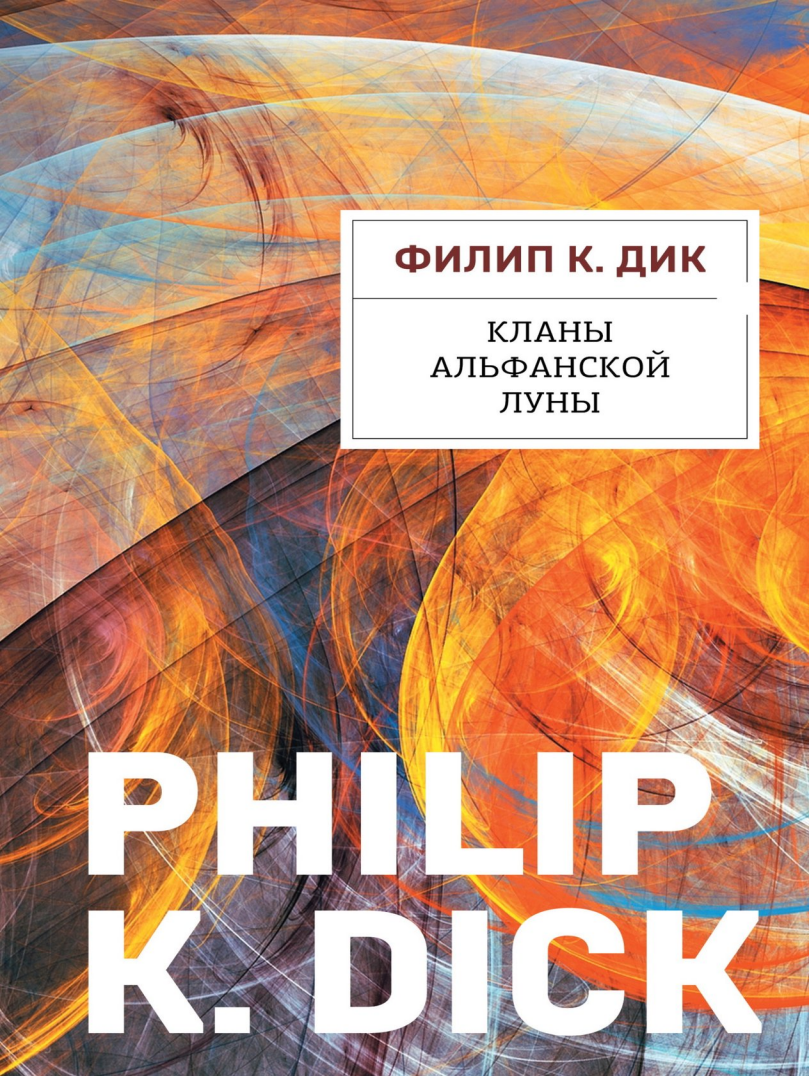
ФИЛИП К. ДИК
КЛАНЫ
АЛЬФАНСКОЙ
ЛУНЫ
PHILIP
K. DICK

Кланы альфанской луны
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Кланы альфанской луны

Аннотация

В течение многих лет третья луна в системе Альфа использовалась в качестве психиатрической больницы. Но когда началась война между космическими колониями, лечебница осталась без надзора, а пациенты создали свое собственное государство. Это клановое общество, основанное на диагнозах граждан. Когда Терра отправляет делегацию, чтобы вернуть колонию, она обнаруживает на спутнике анклавы людей с манией, депрессией, шизофренией и другими болезнями. И все они готовы защищать свою независимость.

Тем временем на Терре агент разведки Чак Риттерсдорф и его жена-психиатр Мэри переживают сложный развод, в результате которого Чак теряет все. Но когда ему поручают втайне контролировать андроида, сопровождающего Мэри на луну Альфа, он видит возможность отомстить.

Пронзительная история, стирающая все привычные различия между здравомыслием и безумием.

«Великолепный роман. Вначале кажется,

что о войне, политике и спецслужбах. Потом оказывается – о внутреннем мире человека и любви, о пути к себе и понимании, что тебе важнее всего.

Интересный сюжет, намешаны инопланетяне, ЦРУ, киборги, зловещие заговоры, очень странное общество». – Fantlab

Филип К. Дик
Кланы альфанской луны

Philip K. Dick
CLANS OF THE ALPHANE MOON

Copyright © 1964 by Ace Books, Inc. Copyright renewed by Laura Coelho, Christopher Dick, and Isa Hackett

Перевод *П. Мозжухиной*



© П. Мозжухина, перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

Прежде чем войти в зал Верховного Совета, Габриэль Бэйнс послал вместо себя симулякра, чтобы проверить, нет ли засады. Столь искусно сконструированный и во всем походящий на Бэйнса, симулякр умел многое. Его создал клан манов, где работали люди весьма изобретательные, но Бэйнса заботила лишь собственная безопасность, для чего он и использовал симулякра. Чувство

защищенности было для него единственным жизненным ориентиром, его притязанием на членство в клане пары из Адольфвилля, расположенного на северной оконечности луны.

Несомненно, Бэйнс много раз бывал и за пределами Адольфвилля, но чувствовал себя в безопасности — или, скорее, в относительной безопасности — только здесь, в крепких стенах города паров. Этот факт доказывал, что его желание стать членом клана не было надуманным, а происходящее — не отточенной уловкой, с помощью которой он мог жить в самом долговечном и построенном на совесть городе Альфы. Вне всякого сомнения, Бэйнс был искренен. Разве можно было в *нем* усомниться?

Вот взять, к примеру, его визит в богом забытые лачужки гебов. Не так давно он искал сбежавших работников бригады. Будучи гебами, они, возможно, вернулись в Гандитаун. Трудность поиска, однако, заключалась в том, что все гебы, по крайней мере для Бэйнса, выглядели одинаково: чумазые, сутулые существа в грязной одежде. Они вечно хихикали, не могли сконцентрироваться ни на одной сложной задаче, годились лишь для физического труда, и ничто другое им доверить было нельзя. Но постоянная

необходимость совершенствовать укрепления Адольфвилля из-за нападок манов сделала физический труд делом почетным. Никто из клана паров не хотел пачкать руки. Как бы то ни было, но рядом с полуразрушенными хижинами гебов Бэйнс испытал абсолютный ужас. Его не покидало ощущение почти безграничной уязвимости среди наиболее эфемерных человеческих жилищ, представлявших собой обитаемую мусорную свалку картонных домиков. Гебы, однако, ничего против не имели. Живя на своих же отбросах, они сосуществовали с ними в невозмутимом душевном равновесии.

Дважды в год в Адольфвилле проводилось собрание Совета, представляющее все кланы. У гебов, конечно, тоже был свой человек. Выступая от имени паров, Габриэлю предстояло встретиться с самым что ни на есть одиозным гебом. В этом году, как и всегда, их клан должна была представлять растрепанная и толстая Сара Апостолес. И Бэйнсу пришлось бы терпеть подобное соседство.

Но более зловещим был представитель манов. Как всякий пара, Бэйнс боялся манов. Его шокировало их безрассудное насилие, он не мог понять его бесцельности. Многие годы Бэйнс считал

манов враждебным кланом, но не мог объяснить себе их природу. Они *упивались* насилием, им доставляло извращенное удовольствие ломать все, что попадалось под руку, и запугивать остальных, особенно таких, как пары, как сам Бэйнс.

Но все же осознание их враждебности в полной мере не помогло, Бэйнс нервничал из-за ожидаемого противостояния с представителем манов Говардом Строу.

Задыхаясь, словно в приступе астмы, с застывшей улыбкой на искусственном лице, симулякр Бэйнса вышел в коридор.

— Все в порядке, сэр. Ни отравляющего газа, ни электрошокеров, ни яда в кувшине для воды, ни смотровых щелей для лазерных винтовок, ни одного следящего устройства. Полагаю, вы можете идти без опаски.

Внутри симулякра тихо что-то щелкнуло, и он замолчал.

— К тебе никто не подходил? — осторожно спросил Бэйнс.

— Там никого нет, — ответил симулякр, — за исключением, конечно, геба. Он подметает пол.

Бэйнс, всю свою жизнь проявлявший хитрость ради самозащиты, приоткрыл дверь, считая крайне важным мельком взглянуть на геба.

Геб в свойственной ему медленно-монотонной манере подметал пол. Лицо его имело обычное глуповатое выражение, будто его забавляла работа. По всей видимости, он мог заниматься ею месяцами и не скучать. Гебы от работы не уставали, потому что им не дано было постичь саму идею разнообразия. «Конечно, — размышлял Бэйнс, — в простоте есть некое достоинство». Знаменитый святой геб Игнат Ледебур странствовал по городам, излучал духовность и был безобидным, чем и произвел впечатление на Бэйнса. Этот геб тоже не выглядел опасным и казался совершенно лишенным агрессии.

Вообще-то гебы, по крайней мере их святейшества, не пытались обращать остальных в свою веру, как это делали шизы. Все, о чем они просили, — оставить их в покое, не хотели лишних волнений и с каждым годом все больше и больше избавлялись от жизненных сложностей. Бэйнс считал, что для гебов возвращение к существованию наподобие овоща было бы идеальным.

Проверив свой лазерный пистолет — он был в порядке, — Бэйнс решил, что может войти. Он прошагал в зал заседаний Верховного Совета, сел на стул и тут же пересел на другой. Первый стоял слишком близко к окну, и, выбрав его, Бэйнс

представлял легкую мишень для любого, кто находился снаружи.

Ожидая прибытия остальных, Бэйнс решил развлечься и подозвал к себе геба.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Джей-Джейкоб Симион, — ответил тот, подметая пол с неизменной глуповатой ухмылкой. Гебы не могли различить, когда над ними подшучивали, а если и могли, то им было все равно. Безразличие ко всему — таков путь геба.

— Тебе нравится твоя работа, Джейкоб? — спросил Бэйнс, закуривая сигарету.

— Конечно, — ответил тот и хихикнул.

— Ты подметаешь пол все свое свободное время?

— Хм…

Геб, казалось, не понимал вопроса.

Открылась дверь, и на пороге с сумочкой под мышкой появилась пухленькая, но притом миловидная Аннет Голдинг — делегат клана поли. Она тяжело дышала, ее круглое лицо раскраснелось, а глаза сияли.

— Я думала, что опоздаю.

— Это не так, — сказал Бэйнс, поднимаясь, чтобы предложить ей стул.

Взглядом профессионала он окинул вновь при-

бывшую и не обнаружил никаких признаков, что у нее при себе оружие. Однако поли вполне могла пронести капсулы со смертельными спорами, спрятанные в жевательной резинке у нее во рту. Бэйнс вновь сел. Он давно взял за правило выбирать стул в дальнем конце стола. Соблюдение дистанции — фактор весьма важный.

— Здесь жарковато, — сказала Аннет, вытирая испарину. — Я всю дорогу бежала вверх по лестнице.

Она бесхитростно улыбнулась в свойственной клану поли вечной наивности. Аннет и впрямь казалась Бэйнсу привлекательной. Ей бы только похудеть немного. Но тем не менее она ему нравилась, и он воспользовался возможностью, чтобы слегка, с эротической ноткой, подшутить над собеседницей.

— Аннет, — начал он, — ты очень приятная девушка и располагаешь к себе. Жаль, что ты не замужем. Вот выйди ты за меня…

— Да, Габи, — улыбаясь, ответила Аннет, — ты бы защитил меня. Лакмусовая бумажка в каждом углу, мерцающие анализаторы атмосферы, заземляющее оборудование на случай воздействия облучающих устройств…

— Отнесись к этому серьезно, — сердито сказал

Бэйнс.

Ему стало интересно, сколько ей лет. Определенно, не больше двадцати. И, как все поли, она была похожа на ребенка. Поли не вырастали, их особенность нигде специально не отмечалась, но что такое полиизм, как не искусственно затянувшееся детство? В конце концов, их дети, появившиеся на свет здесь, на Луне, тоже были поли. Они ходили в обычную школу и до наступления возраста десяти или одиннадцати лет их никак не выделяли. А некоторых, таких как Аннет, и вовсе не дифференцировали.

Открыв сумочку, Аннет вытащила упаковку леденцов и принялась торопливо их грызть.

— Я нервничаю, — пояснила она, — поэтому должна есть.

Она протянула пакетик Бэйнсу, но тот отказался. Никто не может знать наверняка, что в них. Бэйнс сохранял себе жизнь уже тридцать пять лет и не собирался терять ее из-за пустякового порыва. Все должно быть просчитано и продумано заранее, если он планировал прожить еще тридцать пять лет.

— Я полагаю, — сказала Аннет, — в этом году Луис Манфрети вновь будет представлять клан шизов. Он мне всегда нравился, у него такие

интересные вещи, про которые он может рассказать, его видение первобытных вещей. Земные и небесные твари, монстры, сражающиеся под землей… — Аннет задумчиво пососала леденец. — Как думаешь, Габи, то, что они видят, реально?

— Нет, — честно ответил Бэйнс.

— Тогда почему они все время только об этом думают и говорят? Для них все эти вещи реальны.

— Мистики, — презрительно сказал Бэйнс. Он принюхался, уловив тревожный неестественный запах чего-то сладкого, но, поняв, что он исходил от волос Аннет, расслабился. Или же аромат парфюма заставил его подумать, что он расслабился? Размышляя над этим, он вновь насторожился.

— У тебя прелестные духи, — притворно сказал Бэйнс. — Как они называются?

– *«Ночь дикости»,* — ответила Аннет. — Я купила их здесь, у продавца с Альфы II, они обошлись мне в девяносто долларов. Восхитительно, не находишь? Моя зарплата за целый месяц.

Ее темные глаза сделались грустными.

— Выходи за меня, — снова заговорил Бэйнс, но тут же осекся.

В дверях стоял представитель клана депов. Его искаженное страхом, вогнутое лицо с вытаращенными глазами поразило Бэйнса до глубины

души. «Боже милостивый!» — простонал он, не зная, испытывать ли к депу сострадание или лишь откровенное презрение. В конце концов, он мог и оживиться — все депы могли оживиться, будь у них хоть капля мужества. Но в поселении депов на юге мужества как раз и не хватало. Стоящий перед ними человек наглядно демонстрировал этот недостаток: замешкавшись у двери, он боялся войти, но всегда смирялся со своей судьбой и, спустя мгновение, все равно сделал бы это, сделал бы именно то, чего боялся. Тогда как представитель клана окры, конечно, досчитал бы до двадцати, повернулся и убежал.

— Входите, пожалуйста, — указывая на стул, любезно пригласила депа Аннет.

— В чем смысл этой встречи? — поинтересовался деп. Он медленно вошел в комнату и, казалось, поник от отчаяния. — Мы всего-навсего разорвем друг друга на части, я не вижу смысла собираться ради перебранки.

Вопреки своим словам деп смиренно сел, опустил голову и безнадежно сжал пальцы в кулаки.

— Аннет Голдинг, — представилась Аннет, — а это Габриэль Бэйнс, он пара. Я поли, а ты деп, верно? Я догадалась по тому, как ты уставился в

пол. — Она сочувственно рассмеялась.

Деп промолчал, так и не назвав своего имени. Бэйнс знал, что с депами говорить непросто, представителям их клана было трудно собраться с духом. И этот, вероятно, из-за боязни опоздать пришел раньше остальных, что было типично для гиперкомпенсации. Бэйнсу депы не нравились. Для себя и для других кланов они были бесполезны. Почему же тогда не вымерли? В отличие от гебов они не могли быть даже чернорабочими: депы ложились на землю и, лишенные надежды, смотрели в небо невидящими глазами.

— Давай, подбодри его, — наклонившись к Бэйнсу, прошептала Аннет.

— Да как же это сделать, черт возьми? — спросил он в ответ. — Какое мне до него дело? Он сам виноват, что такой, мог бы измениться, если б захотел. Мог бы поверить во что-то хорошее — стоило только приложить немного усилий. Эти ребята не хуже остальных наших, а может, и лучше. Работают они крайне медленно, в черепашьем темпе, вот бы мне сходило с рук работать так же мало, как обычному депу!

В открытую дверь вошла женщина — высокая, средних лет, в длинном сером пальто. Это была Ингред Хибблер из клана окры. Тихо считая себе

под нос, она обошла кругом стол, поочередно постукивая по каждому стулу. Бэйнс и Аннет ждали, подметавший пол геб посмотрел на вошедшую женщину и захихикал. Деп все еще смотрел отсутствующим взглядом в пол. Наконец мисс Хибблер отыскала стул, нумерология которого ее устроила, выдвинула его, неподвижно села, сомкнула руки в замок и быстро задвигала пальцами, словно вывязывая узор невидимого защитного одеяния.

— Я столкнулась на парковке со Строу, — сказала она и мысленно отсчитала пару цифр. — Ман. Тьфу… неприятнейший человек, он меня чуть не переехал. Мне пришлось… — Она замолчала. — Неважно. Как только его аура проникает в тебя, то избавиться от нее становится трудно. — Она вздрогнула.

— Если в этом году Манфрети будет все также балагурить, он, вероятно, войдет через окно, а не через дверь, — сказала Аннет, ни к кому конкретно не обращаясь, и весело рассмеялась.

Вместе с ней захихикал и геб.

— Геба мы, несомненно, тоже ждем, — добавила Аннет.

— Я д-делегат от Гандитауна, — объявил Джейкоб Симион, однообразно взмахивая метлой. — Я

п-просто по-д-думал, что буду подметать, пока ж-жду.

Он простодушно улыбнулся.

Бэйнс вздохнул. Делегат гебов — уборщик. Конечно, они *все* были в сборе. Остались только шизы и маны. Говард Строу явится, как только закончит метаться по парковке, пугая других делегатов. «Ему, — подумал Бэйнс, — ко мне лучше не соваться, ведь бластер у меня на поясе — не игрушка и не имитация. К тому же рядом в коридоре ждет всегда готовый прийти на помощь симулякр».

— По какому поводу встреча? — поинтересовалась мисс Хибблер и опять стала перебирать пальцами и быстро бормотать «раз-два», «раз-два».

— Поползли слухи, что был замечен странный корабль, — ответила Аннет. — Это не торговцы с Альфы II, мы в этом практически уверены.

Она все клала в рот леденцы и, как с удивлением отметил Бэйнс, почти успела расправиться с принесенным пакетиком. Бэйнсу было известно, что Аннет страдает диэнцифальным синдромом, что выражалось в расстройстве компульсивного переедания. Всякий раз, когда девушка волновалась или напрягалась, ее состояние ухудшалось.

— Корабль, — произнес вышедший из состояния ступора деп. — Может ли он помочь выбраться из нашей передряги?

— Какой передряги? — уточнила мисс Хибблер.

— А то вы не знаете! — пошевелившись, ответил деп.

Это было все, что он смог из себя выдавить, и вновь замолчал, впав обратно в мрачную кому. Депы видели хаос во всем. И, несомненно, они тоже боялись перемен. Бэйнс размышлял об этом все больше, и его презрение росло. Но в связи с появлением корабля презрение сменилось тревогой. Правда ли то, о чем говорят?

Строу и маны должны знать. У манов в Да Винчи-Хайтс было достаточно оборудования для обнаружения приближающегося объекта. Вероятно, слухи оттуда и поползли — если, конечно, мистики-шизы не предвидели подобного.

— Это может быть ловушка, — подумал вслух Бэйнс.

Все в комнате, включая депа, уставились на него. Даже геб на мгновение перестал подметать.

— Маны, — пояснил Бэйнс. — Они готовы на все. Это их способ стать выше остальных. Отплатить нам тем же.

— За что? — спросила мисс Хибблер.

— Вам известно, что маны ненавидят всех нас. Они жестокие головорезы, грязные штурмовики, которые хватаются за оружие каждый раз, когда слышат слово «культура». Так заложено в их природе, это старо как мир.

Но сказанное прозвучало не совсем правдиво. Если быть абсолютно честным, то Бэйнс не знал, почему маны так стремились причинить боль всем остальным, если только, как гласила его теория, это не делалось из чистого удовольствия. «Нет, — подумал он, — в этом *должно* быть что-то большее. Злоба и зависть. Они, должно быть, завидуют нам, завидуют тому, что мы в культурном плане их превосходим. Сколько разнообразия ни таил бы в себе Да Винчи-Хайтс, в нем не было ни порядка, ни эстетического единства. Он представлял собой мешанину из незавершенных, так называемых творческих проектов, начатых, но не доведенных до конца.

— Я признаю, — медленно произнесла Аннет, — что Строу немного неотесан. И даже безрассуден, что типично. Но зачем сообщать о чужом корабле, если его никто не видел? Вы не озвучили ни одной внятной причины.

— Но мне известно, — упрямо парировал Бэйнс, — что маны и в особенности Говард Строу

настроены против нас. Чтобы защитить себя, мы не должны сидеть сложа руки. — Он замолчал. Дверь открылась, и в зал бесцеремонно вошел Говард Строу.

Рыжеволосый, крупного телосложения, мускулистый, он ухмылялся. Появление на орбите их маленькой Луны инопланетного корабля его не смутило.

Теперь оставалось дождаться только представителя шизов, но, как обычно, тот мог и опоздать на час, блуждая где-нибудь в трансе, затерявшись среди туманных видений об архетипичной реальности, космических протосилах, лежащих в основе основ временной вселенной, в своей извечной философии о так называемом Urwelt [1].

«Можно немного расслабиться», — подумал Бэйнс.

Насколько это было осуществимо, учитывая присутствие Строу. И мисс Хибблер. Бэйнсу она тоже не очень-то нравилась. На самом деле, ему никто не нравился, за исключением Аннет, у нее была огромная, бросающаяся в глаза грудь. И у Бэйнса с Аннет ничего не получалось. Как обычно.

---

[1] Примечания: 1

Urwelt (*нем.*) — первобытный мир. — Здесь и далее примечания переводчика.

Вины Бэйнса в этом не было, все поли были такими — никто никогда не знал, в какую сторону их занесет. Поли намеренно противоречили друг другу и противились законам логики. И все же они — не похожие на моль шизы и не машины для уборки, как гебы. Поли достаточно живые, именно это в Аннет и привлекало — ее живость и легкость.

В действительности Аннет заставляла Бэйнса чувствовать себя черствым и грубым, закованным в толстую сталь, словно архаичное ружье, оставшееся от древней, никому не нужной войны. Ей было двадцать, ему тридцать пять. Возраст мог стать разумным объяснением происходящему, но Бэйнс в это не верил. «Держу пари, — думал он, — она хочет, чтобы я так себя чувствовал, она намеренно пытается заставить меня чувствовать себя плохо».

Изображая беспамятство, Аннет продолжала доставать из пакетика и класть за щеку остатки леденцов.

* * *

Направляясь на проводимые раз в два года встречи в Адольфвилле, представитель шизов Омар Даймонд окинул взглядом пространство и

увидел в недрах земли и на небе двух драконов-близнецов: красного и белого, дракона жизни и дракона смерти. Схлестнувшись в битве, они заставляли мир дрожать. Небо раскололось, а сморщенное, разлагающееся, серое солнце почти не приносило утешения Луне, быстро теряющей скудный запас жизненных сил.

— Остановитесь! — поднимая руку, окликнул драконов Омар.

Мужчина и девушка с волнистыми волосами, идущие навстречу по тротуару в центре Адольф-вилля, остановились.

— Что с ним? Что он делает? — спросила спутника девушка.

— Он просто шиз, — ухмыляясь, ответил мужчина. — Потерялся в своих глюках.

— Вечная война, — изрек Омар, — вспыхнула с новой силой. Силы этого мира на исходе. Неужели нет никого, кто сможет принять мужественное решение и пожертвовать собой, чтобы восстановить мир?

Подмигнув жене, мужчина сказал:

— Знаешь, милая, иногда ты можешь спросить о чем-то этих ребят и получить прелюбопытнейший ответ. Спроси его о чем-нибудь важном, касающемся каждого. Только не «где ножницы,

которые я вчера куда-то засунула?», а, к примеру, «в чем смысл бытия?».

Девушка осторожно обратилась к Омару:

— Извините, но мне всегда было интересно, есть ли жизнь после смерти.

— Смерти нет, — ответил Омар. Он был поражен абсолютной невежественностью вопроса. — То, что вы называете «смертью», это всего-навсего стадия прорастания, на которой новая форма жизни находится в состоянии покоя, ожидая призыва к перевоплощению. — Омар поднял руку, жестом указывая куда-то вдаль. — Видите? Дракона жизни невозможно сразить. Даже когда кровь его обагрит луга, появятся новые драконы. Семя, похороненное в земле, вновь прорастет.

С этими словами шиз двинулся дальше, оставив собеседников позади.

«Я должен идти в шестиэтажное каменное здание, — напомнил себе Омар. — Они ждут. Совет. Варварски ведущий себя Говард Строу. Окруженная своими числами и вечно раздраженная мисс Хибблер. Воплощение самой жизни, погруженная во все и вся Аннет Голдинг. Вынужденный придумывать способы защиты от того, чего нет, Габриэль Бэйнс. Простак с метлой, который ближе к Богу, чем каждый из нас. И никогда не

поднимающий взгляд печальный человек без имени. Как мне его называть? Быть может, Отто. Нет, думаю, я буду звать его Дино. Дино Уоттерс. Он ждет смерти, не зная, что живет в ожидании лишь призрака, ибо даже смерть не может защитить его от самого себя.»

Стоя у огромного шестиэтажного здания, самого большого в поселении паров в Адольфвилле, Омар левитировал, подпрыгивал у нужного окна, царапал ногтями стекло, пока, наконец, подошедший взглянуть на улицу человек не открыл ему дверь.

— Мистер Манфрети не придет? — спросила Аннет.

— В этом году доступа к нему нет, — объяснил Омар. — Он перешел в другое царство и просто сидит. Его, должно быть, насильно кормят через нос.

— Фу, — сказала Аннет. — Кататония.

— Прибей его, — резко вступил в разговор Строу, — и дело с концом. Эти шизоидные нежности бесполезны. Даже хуже: они истощают ресурсы д'Аркбурга. Нет ничего удивительного в том, что ваше поселение такое бедное.

— Да, — согласился Омар, — материально мы бедны, но богаты духовными ценностями.

Шиз держался подальше от Строу, ман ему совершенно не нравился. Строу уничтожал все вокруг. Ему нравилось крушить и ломать из любви к насилию, а не по необходимости. Он слыл жестоким человеком, для которого зло являлось высшим даром.

Таким же был и Габриэль Бэйнс. Как все пары, он тоже мог проявлять жестокость, но вынужденную, в целях собственной безопасности. Он был настолько помешан на защите себя, что порой, естественно, допускал промашки. Но его нельзя было осуждать так, как Строу.

Заняв свое место, Омар произнес:

— Будь благословенен этот Совет. Давайте же услышим новости о силе жизни, а не о действах дракона зла. — Он повернулся к Строу: — Что за информация у тебя, Говард?

— Корабль. Вооруженный, — ответил тот с широкой и плотоядно-мрачной улыбкой, он наслаждался их общим смятением. — Это не торговцы с Альфы II, они совсем из другой системы. Мы позвали на помощь телепата, чтобы прочесть их мысли. У них не торговая миссия, они здесь для того, чтобы… — Строу намеренно замолчал. Ему хотелось увидеть, как остальные смущенно переглядываются.

— Нам придется защищаться, — сказал Бэйнс.

Мисс Хибблер с неохотой кивнула, последовала ее примеру и Аннет. Даже геб перестал хихикать и выглядел встревоженным.

— Мы тут, в Адольфвилле, несомненно, организуем оборону, — сказал Бэйнс. — Мы обратимся к манам. Строу, нам нужны ваши средства защиты, мы на вас надеемся. Это единственный случай, когда мы ожидаем от вас усилий ради общего блага.

— «Ради общего блага», — передразнил его Строу. — Ты имеешь в виду: ради *нашего* блага.

— Господи боже, Строу, — возмутилась Аннет, — тебе всегда надо быть таким безответственным? Неужели ты не можешь хоть раз подумать о последствиях? Подумай хотя бы о детях. Если не себя, то их-то мы *должны* защитить.

Омар Даймонд мысленно молился. «Пусть силы жизни восстанут и восторжествуют на поле битвы. Пусть белый дракон скроет пятно приближающейся смерти, пусть лоно защиты его снизойдет на этот земной островок и укроет его от тех, кто в стане нечестивых».

Вдруг он вспомнил видение, нахлынувшее на него по дороге сюда, предвестие войны. Поток воды превратился в кровь, когда он переступал

через него. Теперь он знал, что увиденное было знаком войны, смерти и, возможно, разрушения семи кланов и семи городов — шести, если не считать мусорной свалки, которая служила местом обитания гебов.

Деп по имени Дино Уолтерс хрипло пробормотал:

— Мы обречены.

Все повернулись к нему. Даже геб Джейкоб Симион.

— Прости его, — прошептал Омар.

И где-то в невидимой империи дух жизни услышал, откликнулся, простил полумертвое существо, коим был Дино Уолтерс из поселения депов Коттон-Мазер-Эстейтс.

2

— Сойдет, — сказал Чак Риттерсдорф, окинув беглым взглядом старый конапт с потрескавшимися стенами из гипсокартона, встроенным освещением, которое, скорее всего, больше не работало, панорамным окном и потертыми, давно не модными плиточными полами времен Корейской войны.

Он вытащил чековую книжку и поморщился, заметив сделанный из кованого железа камин.

Ничего подобного не доводилось видеть с тысячи девятьсот семидесятого года, когда он был еще ребенком.

Посмотрев паспорт Чака, хозяйка этого полуразрушенного здания нахмурилась. «Подозрительно», — подумала она.

— Согласно вашим документам, мистер Риттерсдорф, вы женаты, и у вас есть дети. Вы не собираетесь привести в новое жилье семью? В рекламной полосе гомеопейп было сказано: «Аренда для холостяка без вредных привычек, постоянное место работы приветствуется», и…

— В том-то все и дело, — устало сказал Чак. Хозяйка квартиры — толстая женщина, одетая в сотканное из хитина сверчка венерианское платье и носившая меховые тапочки из вуба, была ему отвратительна. Ситуация повторялась.

— Мы с женой разошлись. Дети остались с ней. Вот почему мне нужен этот конапт.

— Но они ведь будут приезжать? — Подведенные фиолетовым карандашом брови вопросительно приподнялись.

— Вы не знаете мою жену, — сухо заметил Чак.

— Что вы, что вы, они приедут, уж мне-то известны эти новые законы о разводах! — горячо заметила хозяйка. — Это вам не как раньше! То-

гда государственный закон действовал! Вы уже были в суде? Бумаги получили?

— Нет, — признался Чак.

Для него все только начиналось. Вчера поздно вечером он перебрался в отель, а предыдущая ночь прошла в последней борьбе за достижение невозможного, в стремлении сохранить жизнь под одной крышей с Мэри. Он протянул хозяйке чек, она вернула ему удостоверение личности и вышла. Чак тут же закрыл дверь, подошел к окну и посмотрел на шумящую внизу улицу, на машины, скоростные подъемники, на пандусы и перекладины нижних этажей. Скоро ему придется набрать номер своего адвоката Нэта Уайлдера. Очень скоро.

В расставании Чака с супругой было слишком много иронии. В профессии брачного консультанта жена Риттерсдорфа добилась больших высот. Здесь, в округе Марин в Калифорнии, располагался ее офис, она сделала блестящую карьеру. Одному богу известно, сколько разрушенных человеческих отношений ей удалось исцелить. И все же именно талант и умения жены одним отточенным ударом несправедливости привели Чака в этот мрачный конапт. Добившись успеха в карьере, Мэри не смогла сдержать росшее с

годами чувство презрения к мужу.

Пришлось признать, что в своей работе он и близко не подобрался к вершинам, которые покорила Мэри. Причина разрыва была именно в этом.

Чак программировал речь симулякров для разведывательного агентства «Шайенна», их нескончаемых пропагандистских программ и агитации против кольца коммунистических стран вокруг США. Чак страстно верил в свою работу и любил ее, но никакими рациональными доводами ее нельзя было назвать высокооплачиваемым призванием или статусным делом. Речь, которую он писал, должна была звучать раздуто и по-детски. Основной посыл был направлен на школьников как в США, так и в соседних коммунистических странах, а также на огромную аудиторию взрослых с низким уровнем образования. По правде говоря, Чак был халтурщиком, и Мэри много раз говорила ему об этом.

Халтурщик или нет, но он продолжал работать на прежнем месте, хотя за шесть лет супружества ему предлагали другие должности. Возможно, Чак не хотел менять работу потому, что ему нравилось слышать придуманные им же слоганы и реплики, произносимые человекоподобны-

ми роботами, а возможно, потому, что видел другую, жизненно важную, причину. Соединенные Штаты оборонялись в политическом и экономическом плане. Америке нужны были люди, работающие на правительство за заведомо низкую заработную плату и на должностях, не требующих героических или иных возвышенных качеств личности. Кто-то должен был программировать симулякров для пропаганды. Их следовало рассредоточить по всему миру, чтобы они стали представителями контрразведки, чтобы агитировали, убеждали, оказывали влияние. Но…

Все дало трещину три года назад. Один из женатых клиентов Мэри, попавший в весьма сложную ситуацию с тремя любовницами, оказался телепродюсером. Звали его Джеральд Филд, он создал знаменитое телешоу Банни Хентмана и обладал правами на большую часть подобных передач. Пытаясь немного подзаработать, Мэри передала Филду несколько текстов, которые Чак написал для отделения ЦРУ в Сан-Франциско. Ознакомившись с рукописями, Филд нашел их интересными и полными юмора, поэтому-то Мэри их и выбрала. В этом заключался талант Чака, он создал нечто иное, отличимое от напыщенного тона экранов телевизоров. Его тексты были полны

остроумия и искры. И Филд клюнул. Он попросил Мэри устроить ему встречу с Чаком.

Теперь же, стоя у окна старого, маленького, землистого цвета конапта, в который он заехал, не прихватив ни одного чемодана с вещами, Чак смотрел на улицу и вспоминал перепалку, вспыхнувшую между ним и Мэри. Это было особенно жестоко и, безусловно, соответствовало классическому разрыву, разводу между ними двумя.

Мэри прекрасно понимала проблему. Появилась возможность устроиться на работу, и в новое дело нужно было вникнуть. Филд предлагал достойную оплату, да и сама работа было весьма и весьма престижной. Каждую неделю в титрах шоу Банни Хентмана появлялось бы имя Чака, и это имя мог видеть весь мир. Мэри бы гордилась, что было самым важным, гордилась бы его *творческой* работой. Для нее творчество было сродни ключу, открывающему все двери в этой жизни. Работа на ЦРУ, написание пропагандистских речей для симулякров, которые тараторили свое послание малограмотным африканцам, азиатам и латиноамериканцам, не несла в себе творчества. Текст, как правило, всегда был примерно одинаковым. ЦРУ же имело дурную славу в свободомыслящих, утонченных и обеспеченных

кругах, где обитала Мэри.

— На этой своей госслужбе ты как уборщик в спутниковом парке, — в ярости говорила Мэри. — Там удобно, уютно, безопасно и не надо ни за что бороться! Тебе тридцать три, а ты уже бросил все попытки, отказался от желания чего-то добиться!

— Послушай, Мэри, — защищался Чак, — ты мне жена или мать? Это что, твоя работа — подталкивать меня? Я должен продолжать расти? Стать президентом ТЕРПЛАНа, ты этого хочешь?!

Помимо денег и статуса было нечто большее. Видимо, Мэри хотела, чтобы Чак стал другим человеком. Она единственная, кто знал его лучше всех — и она стыдилась его. Если бы он взялся писать для Банни Хентмана, то стал бы другим. Так гласила ее логика.

Этого Чак отрицать не мог. Но все же упорствовал, не уволился с работы и не изменился. В его характере проскальзывала пассивность и чрезмерная инертность. На благо или на беду, но присутствовал в нем некий гистерезис, от которого было непросто отделаться.

Чак увидел внизу новенький блестящий «Шевроле Делюкс», белый шестидверный, только с конвейера. Он лениво наблюдал за приземлив-

шейся у бордюра машиной и вдруг осознал, что это его бывший автомобиль! Невероятно! Мэри! Уже успела его отыскать!

Чак испугался, понимая, что все погубил. Он даже не смог снять жилье в таком месте, где Мэри не смогла бы его найти. Через пару-тройку дней его адвокат Нэт мог бы обеспечить своему клиенту юридическую защиту, но сейчас Чак оставался беспомощным и должен был принять неизбежность предстоящей встречи.

Как Мэри нашла его, было ясно: устройства слежения среднего радиуса действия были доступны и стоили недорого. Вероятно, жена обратилась в «Прай-вай» — агентство по обнаружению роботов и взяла у них *снифф ер*. Аппарат начал работать, следуя за Чаком повсюду, где бы тот ни находился с момента их расставания. Разыскать кого-то в наши дни стало делом техники.

«Что ж, — подумал Чак, — женщина, решившая тебя поймать, сделает это». Быть может, и существовал закон, регулирующий подобные действия, Чак мог бы назвать его законом Риттерсдорфа. Желание спрятаться шло вразрез с задачами отслеживающих устройств.

В полую дверь конапта постучали.

Ноги Чака налились свинцовой тяжестью, он

неохотно побрел к двери, размышляя о том, как произнесет речь, в которой прозвучат все самые известные и благочестивые порывы. «Я не стану возражать, но у меня такое чувство, что мы не можем жить вместе, что твое презрение ко мне олицетворяет собой момент, из-за которого наш разлад слишком серьезен и дальнейшая близость неразумна».

Чак открыл дверь. У входа стояла она, темноволосая, хрупкая, без макияжа, в дорогом, ее лучшем пальто из натуральной шерсти; спокойная, собранная, образованная женщина, во многих отношениях превосходящая его.

— Послушай, Чак, — сказала она, — я этого не потерплю. Я договорилась с транспортной компанией, они заберут твои вещи и отправят их на хранение. Я здесь ради денег и хочу, чтобы все наши средства оставались на общем счете. У меня много обязательных платежей, и их необходимо гасить вовремя.

Итак, Чак оказался неправ. О милой рассудительности не шло и речи. Напротив, его жена ставила точку. Чак был ошеломлен, и все, что он мог сделать, — уставиться на Мэри.

— Я поговорила с моим адвокатом Бобом Альфсоном, — продолжала она, — и попросила его

подать заявление о расторжении договора на дом.

— Что попросила? — переспросил Чак. — Зачем?

— Чтобы ты мог переписать свою долю на меня.

— Зачем?

— Чтобы я могла все продать, — терпеливо пояснила Мэри. — Мне не нужен такой большой дом, а вот деньги нужны. Я собираюсь отправить Дебби в ту школу-интернат на Востоке, о которой мы с тобой говорили.

Дебора была их старшим ребенком, но все же требовалось еще лет шесть, чтобы отпустить ее из отчего дома. Господи боже!

— Позволь, я поговорю с Нэтом Уайлдером, — неуверенно попросил Чак.

— Мне нужны деньги немедленно! — отрезала Мэри.

Она так и не переступила порог, оставшись стоять при входе. И Чак почувствовал накатившее на него отчаяние, безысходную панику, горечь поражения и страдания. Он проиграл. Она могла заставить его сделать все что угодно.

Когда Чак отправился за чековой книжкой, Мэри сделала пару шагов и вошла в конапт. Это

место вызвало у нее невыразимое отвращение, но она сдержалась и ничего не сказала. Чак мысленно отстранился от происходящего и принялся выписывать чек.

— Кстати, — сказала Мэри, — теперь, когда ты окончательно съехал, я хочу принять предложение правительства.

— Какое предложение? — машинально, без интереса спросил Чак.

— Им нужны психологи-консультанты для межпланетного проекта, я говорила тебе об этом, — напомнила Мэри.

Она не собиралась обременять себя, просвещая Чака и заново пересказывая все подробности.

— Ах да… — что-то смутное всплыло в его памяти. — Благотворительная деятельность.

«Конфликт терран и альфанцев десятилетней давности. Изолированная Луна в системе Альфа, заселенная людьми. Началась война, и два поколения назад это место было отрезано от цивилизации. Скопища малочисленных кланов населяли Альфу, где находились десятки лун и двадцать две планеты».

Мэри взяла чек, сложила его и убрала в карман пальто.

— За эту работу платят? — спросил Чак.

— Нет, — отстраненно ответила она.

В таком случае бывшая жена будет жить и содержать детей только на его зарплату. И тут до Чака дошло: она добивалась судебного урегулирования, которое вынудило бы его подать ответный иск и в итоге отказаться от того, что разрушило их шестилетний брак. Мэри благодаря своему влиянию в округе Марин добилась бы такого судебного решения, при котором Чаку пришлось бы отказаться от службы в отделении ЦРУ в Сан-Франциско и искать совершенно другую работу.

— Сколько… Сколько тебя не будет? — осмелился спросить он.

Очевидно, Мэри намерена использовать промежуток времени для качественного преобразования их жизни, она добьется всего, в чем якобы получала отказ, рядом Чак или нет.

— Около полугода, — невозмутимо отозвалась она, — как получится. Не жди, что я буду поддерживать с тобой связь. В суде мои интересы будет представлять Альфсон, на заседаниях я не появлюсь. И да… Я подала иск о раздельном содержании детей.

Даже здесь Мэри опередила его, инициатива вновь ускользнула из его рук. Чак был, как всегда, слишком медлителен.

— Ты можешь все забрать, — обратился он к Мэри.

«Но того, что ты можешь дать, недостаточно», — говорил ее взгляд.

«Все» было ничем, пшиком его достижений.

— Я не могу дать тебе того, чего у меня нет, — добавил он.

— Нет, можешь, — холодно возразила Мэри. — Ведь судья признает в тебе то, что всегда признавала я. Если понадобится, если тебя заставить, ты сможешь соответствовать нормальной планке, предъявляемой ко взрослым мужчинам, несущим ответственность за жену и детей.

— Но… — он отважился поспорить, — я должен иметь и свою жизнь.

— Перво-наперво ты должен своей семье, — жестко напомнила Мэри.

Ответить было нечего, Чак мог только обреченно кивнуть.

* * *

Позже, когда Мэри ушла, он нашел в шкафу стопку гомеопейп, сел на старинный, в датском стиле, диван в гостиной и стал просматривать выпуск за выпуском, ища статьи о межпланетном проекте, в котором намеревалась поучаствовать

Мэри. «Ее новая жизнь, — сказал он себе, — заменит ту, в которой она была замужем».

В гомеопейпе за прошлую неделю Чак обнаружил более-менее полную статью, закурил сигарету и начал внимательно читать.

Международная служба здравоохранения и социального обеспечения США нуждалась в специалистах психологического профиля. Луна изначально представляла центр психиатрической помощи для иммигрантов, прибывших в систему Альфа, сломанных под ненормальным, чрезмерным давлением межсистемной колонизации.

Терране оставили Луну в покое, теперь туда наведывались лишь торговцы. О том, что происходило на Альфанской Луне сейчас, можно было узнать только у них.

По словам торговцев, за те десятки лет, что лечебница была отрезана от Терры, там возникла новая цивилизация. Однако оценить обстановку они не могли, поскольку знания были недостаточными. В любом случае там производились товары местного производства, велась торговля, существовала внутренняя промышленность, и Чак задавался вопросом: зачем правительство Терры посчитало нужным вмешиваться? Он

прекрасно знал Мэри. Именно такую, как она, и выбрало бы агентство ТЕРПЛАН. Люди, подобные Мэри, всегда добивались успеха.

Подойдя к старинному панорамному окну, Чак вновь остановился и некоторое время смотрел вниз. И вдруг почувствовал, как в нем постепенно пробуждается знакомое желание. Чувство, что продолжать жизнь бессмысленно. Что бы ни говорили закон или церковь, в эти мгновения самоубийство казалось ему единственно верным решением.

Чак нащупал открывающуюся боковую фрамугу и, подняв ее, услышал рев реактивного самолета, приземлившегося на крышу на противоположной стороне улицы. Вскоре все стихло. Чак подождал, затем одной ногой перелез через край окна и повис над потоком летящих внизу машин.

Внезапно внутри него зазвучал чужой голос, спокойный, но требовательный:

«Пожалуйста, назовите свое имя, вне зависимости от того, собираетесь вы прыгать или нет».

Обернувшись, Чак увидел желтого ганимедского слизевика, бесшумно просочившегося под дверь конапта. На полу собиралась воедино куча маленьких шариков — слизевик возвращал себе

форму.

«Я снимаю квартиру напротив вашей», — сообщил нежданный гость.

— У терран принято стучать, — сообщил Чак.

«У меня нет конечностей, чтобы стучать, — пояснил слизевик. — Но я хотел попасть в комнату, прежде чем вы выйдете в окно».

— Это мое личное дело, прыгну я или нет, — сухо заметил Чак.

«Но любому человеку порой нужна помощь, — сердечно напомнил пришелец. — Добро пожаловать в наш конапт, мы называем его “Отбросы”. Здесь есть еще постояльцы, с кем вам стоит познакомиться. Парочка терран, они похожи на вас, плюс инопланетяне. Некоторые из них имеют довольно неприятные физиономии, что может оттолкнуть, другие же, без сомнения, будут вам интересны. Я хотел одолжить у вас чашечку закваски для йогурта, — вспомнил он о цели визита, — но, учитывая вашу занятость, моя просьба видится мне оскорбительной».

— Я еще не переехал. Пока не переехал.

Чак перекинул ногу обратно через подоконник и отошел вглубь комнаты, подальше от окна. Увидев ганимедского слизевика, он не удивился. Инопланетяне имели свои гетто, независимо от

того сколь влиятельными они были среди своих собратьев на Терре и какой статус занимали в обществе. Они были вынуждены жить в старых конаптах, подобных этому.

«Будь у меня с собой визитка, — сказал слизевик, — я бы вам ее оставил. Я Раннинг Клэм, занимаюсь импортом необработанных драгоценных камней, торгую подержанным золотом, а при благоприятном стечении обстоятельств еще и безудержно скупаю филателистические коллекции. Прямо сейчас у меня в конапте есть отличная коллекция ранних американских марок, ее жемчужина — четыре особенные марки из набора “Колумб” в идеальном состоянии. Хотите… — он замолчал. — Вижу, что нет. В любом случае вы уже не думаете прыгать из окна. Это хорошо. Да, и мое предложение…»

— Разве по закону во время пребывания на Терре вы не обязаны ограничивать свои телепатические способности? — уточнил Чак.

«Обязаны, но ваша ситуация, мистер Риттерсдорф, показалась мне исключительной. Я не могу нанять вас лично, пропагандисты мне не нужны, но у меня есть связи на девяти лунах, и со временем…»

— Нет уж, спасибо, — грубо перебил его Чак. —

Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое.

Ему уже пытались помочь в поиске работы, и с него было достаточно.

«В отличие от вашей супруги у меня нет никаких скрытых мотивов. — Слизевик подполз ближе. — Как у многих мужчин на Терре, ваше чувство самоуважения связано с возможностью получать достойную заработную плату, а вы в этом плане имеете серьезные сомнения и чувство вины. Я могу кое-что для вас сделать, но мне нужно время. Я скоро покину Терру и вернусь на свою Луну. Я готов заплатить вам пятьсот долларов, американских, конечно, чтобы вы полетели со мной. Считайте это ссудой, если хотите».

— Что мне делать на Ганимеде? — с раздражением спросил Чак. — Вы мне тоже не верите? У меня есть работа, я считаю, что она мне подходит, и увольняться не собираюсь.

«Подсознательно вы…»

— Не надо лезть в мое подсознание! — сердито потребовал Чак. — Убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое!

Он повернулся к слизевику спиной.

«Я опасаюсь, что ваше стремление свести счеты с жизнью вернется, возможно, еще до наступления вечера».

— Пусть так, — безучастно отозвался Чак.

«Есть только одна вещь, — сказал слизевик, — которая способна вам помочь, и это не мое жалкое предложение о работе».

— Тогда что же? — спросил по инерции Чак.

«Женщина, которая заменит вам жену».

— Вы что себе позволяете?!.

«Ничего лишнего, — убежденно возразил слизевик. — Я говорю не о физиологической основе или же мимолетной увлеченности. Меня волнует практическая сторона вопроса. Вы должны найти женщину, которая сможет принять и полюбить вас таким, какой вы есть. Иначе вы погибнете. Дайте мне поразмыслить над этим, а пока постарайтесь держать себя в руках. Мне нужно пять часов. Не уходите никуда».

Через щель под дверью слизевик медленно протек в коридор. В голове Чака прозвучали слова:

«Как импортер, дилер и покупатель, я имею много связей с терранами разного социального статуса».

Затем наступила тишина.

Пошатываясь, Чак закурил сигарету. Отойдя на значительное расстояние от окна, он присел на старинный датский диван и стал ждать.

Было трудно понять, как реагировать на подоб-

ное предложение о работе, Чак был одновременно разгневан и тронут, и кроме того, порядком озадачен. Мог ли слизевик и впрямь помочь ему? Казалось, это невозможно.

Прошел час.

В дверь конапта постучали. Вряд ли это недавний визитер, ведь стучать он не стал бы, да и не мог.

Поднявшись, Чак подошел к двери и открыл ее.

На пороге стояла девушка.

3

В департаменте здравоохранения и социального обеспечения компании ТЕРПЛАН США у Мэри была куча неотложных дел, связанных с ее новой волонтерской деятельностью, но, несмотря на это, она взяла отгул по личным обстоятельствам. Как и всегда, Мэри заказала аэротакси и отправилась в Нью-Йорк на Пятое авеню, в офис Джерри Филда, продюсера шоу Банни Хентмана. Неделю назад она передала Филду стопку последних и самых лучших текстов, написанных Чаком для ЦРУ. Пришло время выяснить, появился ли у ее мужа — или бывшего мужа — шанс получить эту работу.

Если Чак сам не ищет место получше, то Мэри сделает это за него. Это был ее долг по той простой причине, что она и дети весь следующий год будут полностью зависеть от заработка Чака.

Такси приземлилось на крышу. Мэри спустилась по пандусу на девяностый этаж, подошла к стеклянной двери, на миг засомневалась, но позволила створкам открыться и вошла в приемную, где сидела секретарь мистера Филда — ярко накрашенная хорошенькая девушка в обтягивающем свитере из паучьего шелка. Девушка вызвала у Мэри раздражение, и только лишь потому, что бюстгальтеры уже вышли из моды. Тут же напрашивался вопрос: должна ли девушка с такой шикарной грудью идти на поводу у моды? В данной ситуации практичность диктовала наличие бюстгальтера, и стоявшая у окна Мэри чувствовала, как краснеет от осуждения. Еще и искусственное увеличение сосков, это было слишком откровенным.

— Добрый день, — поздоровалась секретарша, взглянув на Мэри сквозь изящный монокль. Встретившись с холодным взглядом посетительницы, она почувствовала, как ее соски напряглись, словно испугавшись подчинения.

— Мне нужно увидеться с мистером Филдом.

Меня зовут Мэри Риттерсдорф, у меня не так много времени, я должна вылететь на лунную базу ТЕРПЛАНа в три часа дня по нью-йоркскому времени. — Мэри старалась говорить требовательно и бодро, насколько умела.

После ряда бюрократических действий со стороны секретарши ее направили в нужный кабинет.

За письменным столом из искусственного дуба — настоящего не существовало уже лет десять — сидел погруженный в работу Джерри Филд. Рядом работал видеопроектор.

— Одну минуточку, доктор Риттерсдорф.

Филд кивнул в сторону стула, Мэри села, скрестив ноги, и закурила сигарету.

На мини-экране Банни Хентман разыгрывал спектакль, в котором изображал немецкого промышленника. Одетый в двубортный костюм, он объяснял Совету директоров, как новые автономные сохи его собственного производства могут быть использованы на войне. Если будет объявлено начало военных действий, четыре сохи легко соединить в большой плуг, превращавшийся в боевую ракетную установку. Речь Банни усиливалась акцентом и звучала так, словно сообщала о великом достижении науки, что

рассмешило Филда.

— У меня не так много времени, мистер Филд, — решительно напомнила Мэри.

Он был вынужден остановить запись и повернуться к ней.

— Я показал сценарий Банни. Ему понравилось. Остроумие вашего мужа сухое и неактуальное, но оно настоящее. Это и впрямь когда-то было…

— Я знаю. Мне приходилось слышать его реплики много лет, он всегда сначала читал их мне. — Чувствуя напряжение, Мэри сделала еще одну затяжку. — Как, по вашему мнению, Банни сможет использовать эти тексты?

— Мы вряд ли продвинемся дальше этого обсуждения, — ответил Филд, — пока ваш муж не увидится с Банни. Нет смысла в нашем…

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошел Банни Хентман.

Мэри впервые воочию увидела знаменитого комика. Ей стало любопытно, чем он отличается от публичного образа. Он, решила Мэри, немного ниже ростом, немного старше, чем на экране, немного лысоват и выглядит устало. На самом деле, в жизни Банни напоминал сумасшедшего старьевщика из Центральной Европы: в мятом костюме, плохо выбритый, с растрепанными

редеющими волосами и, в довершение образа, курящий обрезанные остатки сигары. Но его глаза… Они смотрели настороженно и в то же время тепло. Мэри поднялась и повернулась к вошедшему. На экране сила его взгляда терялась. Это был не просто взгляд человека умного, это было нечто большее, что Мэри понять не могла. И…

Вокруг Банни витала аура страдания. В ней, казалось, застыли его лицо и тело. «Вот что читается в его глазах, — поняла Мэри, — память о боли. О боли, которую он испытал давным-давно и которую не забудет, не сможет забыть». Банни жил здесь, на этой планете, чтобы страдать, родился для этого. Неудивительно, что он стал великим комиком. Так у него получалось противостоять реальной физической боли, давать ей отпор, его борьба достигла огромного, впечатляющего размаха.

— Бан, знакомься, — сказал Джерри Филд, — это доктор Мэри Риттерсдорф, ее муж пишет те речовки для цэрэушных роботов, которые я показывал тебе в прошлый четверг.

— Мистер Хентман. — Мэри протянула комику руку.

Пожав ей руку, комик ответил:

— Прошу вас! Банни Хентман — всего лишь

мой псевдоним. Мое настоящее имя, данное при рождении, Лайонсблад Регал. По понятным причинам его пришлось сменить. Кто придет на телевидение с именем Лайонсблад Регал? Вы можете звать меня Лайонсблад или просто Блад, Джер в знак близости зовет меня Ли-Рег. — Все еще держа Мэри за руку, он добавил: — Если мне что-то и нравится в женщине, так это близость.

— Ли-Рег — твой телеграфный адрес, — уточнил Филд. — Опять ты все перепутал.

— Что верно, то верно, — отпустив руку Мэри, отозвался Хентман. — Итак, фрау Раттенфэнгер…

— Риттерсдорф, — поправила его Мэри.

— Раттенфэнгер, — сказал Филд, — по-немецки означает «крысолов», Бан, тебе не стоит так оговариваться.

— Простите мою ошибку, — извинился комик, — фрау… доктор *Риттельсдоф*. Прошу вас, обращайтесь ко мне по-свойски, мне так будет приятнее. Я люблю общество хорошеньких женщин. Это во мне говорит голос детства. — Он улыбнулся. Но в его лице и особенно в глазах все еще читалась тяжесть давно минувших дней, боль человека, утратившего вкус жизни. — Я найму вашего мужа. При условии, что мне удастся иногда видеться с вами. Если он поймет *насто-*

ящую причину сделки, то, что в дипломатии называется «секретный протокол». Джерри, ты же знаешь, как для меня в последнее время важны эти протоколы.

— Чак сейчас в захолустном конапте на Западном побережье, — сказала Мэри. — Я оставлю вам адрес.

Она схватила лист бумаги, ручку и записала адрес.

— Скажите ему, что он вам нужен, скажите…

— Он мне не нужен, — спокойно перебил ее Банни Хентман.

— Разве вы, мистер Хентман, не убедились в обратном? У Чака невероятный талант, но, боюсь, если его никто не подтолкнет…

Потирая нижнюю губу, комик ответил:

— Вы боитесь, что ваш муж не воспользуется этой возможностью и все пойдет прахом?

— Да, — кивнула Мэри.

— Но это *его талант.* И ему решать.

— Моему мужу, — добавила она, — нужна помощь.

«И мне нужно знать, как будут обстоять дела, — подумала она. — Понимать людей — моя работа. Чак — человек зависимый и инфантильный, его необходимо подталкивать и вести за руку,

если он вообще хочет куда-либо двигаться. В противном случае он сгинет в этом богом забытом конапте, который снял. Или выбросится из окна. Эта работа — единственное, что его спасет. Хотя Чак будет последним, кто в этом признается».

Пристально глядя на нее, Хентман произнес:

— Могу я вам еще кое-что предложить, миссис Риттерсдорф?

— Что вы имеете в виду?

Мэри посмотрела на Филда, но его лицо оставалось бесстрастным. Филд словно спрятал голову в панцирь, подобно черепахе, отстранился от разговора.

— Видеться с вами время от времени, — ответил Хентман, — по личной нужде.

— Меня не будет на Терре. Я собиралась поработать на ТЕРПЛАН, у меня командировка в систему Альфа на несколько месяцев, а может, и лет. — Мэри почувствовала волну поднимающейся внутри паники.

— Тогда мне нечего предложить вашему мужу, — подвел итог Хентман.

— Когда вы уезжаете, доктор Риттерсдорф? — спросил Филд.

— Прямо сейчас, — ответила Мэри. — У меня есть четыре дня, чтобы собрать вещи и устроить

детей в…

— Четыре дня… — задумчиво произнес Хентман, продолжая оглядывать ее с головы до ног. — Вы разошлись с мужем? Джерри сказал…

— Да, разошлась, — ответила Мэри. — Чак уже съехал.

— Поужинайте со мной завтра вечером, — предложил Хентман. — А я пока загляну к вашему мужу или отправлю кого-нибудь вместо себя. Мы дадим ему шанс и полтора месяца времени. Пусть напишет нам сценарий. Как вам такое предложение?

— Я не против поужинать с вами, — сказала Мэри. — Но…

— Это все, о чем я прошу. Только ужин. В любом ресторане, какой выберете, в любом уголке Соединенных Штатов. Но если дальше пойдет… — Он улыбнулся.

* * *

Прилетев обратно на Западное побережье, Мэри пересела на городской монорельс и добралась до центра Сан-Франциско — филиала ТЕРПЛАНа, компании, с которой она сотрудничала по поводу своей весьма желанной новой работы.

Когда она поднималась на лифте, рядом с ней

стоял представитель ТЕРПЛАНа по связям с общественностью — хорошо одетый, подтянутый молодой человек, которого, как узнала Мэри, звали Лоуренс Макрей.

— Нас ждет толпа репортеров, — сказал он. — И вас засыплют вопросами. Они будут намекать и попытаются заставить вас подтвердить, что наш медицинский проект является прикрытием для захвата Террой Альфы III M2, что наша цель — восстановить колонию, заявить на нее свои права, добиться ее развития, а затем отправить туда поселенцев.

— Разве колония не принадлежала нам до войны? — поинтересовалась Мэри. — Как иначе мы бы создали там госпиталь?

— Так и есть, — сказал Макрей.

Они вышли из лифта и направились вдоль по коридору.

— Но ни один терранский корабль, — продолжил он, — не посещал Альфу III M2 уже двадцать пять лет, и с юридической точки зрения это прекращает наши притязания. Пять лет назад Луна вернулась к политической и правовой автономии. Однако, если мы прилунимся и восстановим больничную базу, вернем техников, врачей и все, что потребуется, сможем вновь заявить о себе. Ес-

ли этого не сделали альфанцы — а они, очевидно, не сделали. Возможно, они все еще оправляются от войны. Или же, исследовав Луну, решили, что ее экология чужда их биологии и это не то, чего они хотят. — Макрей придержал дверь, и Мэри вошла в комнату, оказавшись лицом к лицу с репортерами гомеопейп. Их было пятнадцать или шестнадцать, некоторые держали наготове фотокамеры.

Глубоко вдохнув, Мэри подошла к оборудованной микрофоном кафедре, на которую указал Макрей.

— Дамы и господа, — сказал в микрофон Макрей, — это доктор Мэри Риттерсдорф, известный брачный консультант из округа Марин, которая, как вы знаете, безвозмездно предложила свои услуги для нашего проекта.

Один из репортеров тут же уныло произнес:

— Доктор Риттерсдорф, как называется этот проект? «Психотик»?

Присутствующие в зале корреспонденты рассмеялись.

— Операция *«Пятьдесят минут»*, — ответил Макрей. — Это рабочее название.

— Куда вы отправите больных с Альфы III М2? — спросил другой репортер. — Или это сек-

ретная информация?

— Сначала, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, мы проведем исследования, — сказала Мэри. — Нам уже известно, что пациенты — по крайней мере некоторые, и их потомки — живы. Мы не претендуем на то, чтобы знать, насколько жизнеспособно общество, которое они сформировали. Осмелюсь предположить, что оно вообще не жизнеспособно, за исключением примитивных человеческих нужд. Мы попытаемся провести корректирующую терапию с теми, с кем сможем. Несомненно, больше всего нас беспокоит состояние детей.

— Когда вы ожидаете прибыть на Альфу III M2, доктор?

Щелчки фотокамер зазвучали тише, как удаляющееся хлопанье крыльев.

— Думаю, в течение двух недель, — ответила Мэри.

— Вам за это не заплатят?

— Нет.

— Значит, вы убеждены, что это на благо общества? Что вы выступаете за правое дело?

— Я… — нерешительно протянула Мэри. — Это…

— Значит ли это, что терране получат личную

выгоду от вмешательства в культуру бывших пациентов психиатрических больниц? — спокойным тоном спросил репортер.

Мэри повернулась к Макрею.

— Что мне ответить? — спросила она.

— Это не входит в компетенцию доктора Риттерсдорф, она психолог, а не политик. Она не будет отвечать на ваш вопрос, — заявил публике Макрей.

Высокий, худощавый, явно опытный репортер поднялся со своего места и, растягивая слова, спросил:

— А руководству ТЕРПЛАНа не приходило в голову просто оставить Луну в покое? Отнестись к ее культуре так же, как и к любой другой, уважая ее обычаи и ценности?

— У нас… у нас пока нет достаточной информации, — запинаясь, ответила Мэри. — Возможно, когда мы узнаем больше… — Она замолчала, с трудом подбирая слова. — У Альфы III М2 нет традиций. Это общество психически больных индивидуумов и их потомков, которое возникло всего двадцать пять лет назад… Вы не можете оправдывать его, сравнивая его культуру, скажем, с ганимедской или ионийской. Какие ценности могли бы развить психически больные

люди? И за столь малый промежуток времени!

— Но вы сами сказали, — не сдавался репортер, — что на данный момент ничего о них не знаете. Из всего, что вам известно…

Макрей резко перебил его:

— Если у них сложилась хоть сколько-то стабильная, жизнеспособная культура, мы оставим их в покое. Но данное решение зависит от таких экспертов, как доктор Риттерсдорф, а не от вас, не от меня и не от американской общественности. Говоря откровенно, мы считаем, что нет ничего более потенциально взрывоопасного, чем общество, где доминируют психопаты, где они определяют ценности и контролируют средства коммуникации. Из этого может вырасти все что угодно: новый культ религиозных фанатиков, параноидальная националистическая концепция государства, варварская маниакальная деструктивность. И опасение их неизученных возможностей оправдывает наше исследование Альфы III М2. Этот проект направлен на защиту наших собственных жизней и ценностей.

Репортеры гомеопейп молчали, слова Микрея их явно убедили. Мэри также была солидарна с коллегой.

Позже, выходя из комнаты, она спросила:

— Это на самом деле так?

Макрей посмотрел на нее.

— Вы имеете в виду, летим ли мы на Альфу III M2 потому, что боимся ментально нестабильного анклава, или потому, что ненормальное общество как таковое вызывает нашу обеспокоенность? Думаю, что любой из этих причин достаточно. Для вас это определенно должно быть так.

— Мне не стоит об этом спрашивать? — Мэри посмотрела на молодого, внешне привлекательного сотрудника ТЕРПЛАНа. — Моя работа…

— Вы должны выполнять свою задачу, и все. Я не говорю вам, как лечить людей. Почему вы указываете мне на то, как справляться с политической ситуацией? — Он задержал на Мэри холодный взгляд. — Я назову вам еще одну цель операции «Пятьдесят минут», о которой вы, возможно, и не подумали. Может так сложиться, что через двадцать пять лет общество психически больных людей придумает и воплотит в жизнь технологические идеи, которые мы сможем использовать, особенно те, у кого маниакальный синдром — они представляют самый активный класс. — Он нажал кнопку вызова лифта. — Они изобретательны. Как и параноики.

– *Поэтому раньше туда никого не отправи-*

ли? — спросила Мэри. — Вы хотели посмотреть, как будут развиваться их идеи?

Улыбаясь, Макрей молча ждал лифт.

«Он абсолютно в себе уверен», — решила Мэри. Согласно ее знаниям в области психиатрии, это могло привести к ошибке. И, возможно, к серьезной.

Около часа спустя, возвращаясь домой в округ Марин, чтобы упаковать вещи, Мэри вдруг поняла главное противоречие в позиции правительства. Поначалу они хотели исследовать Альфу III M2, опасаясь, что зародившееся там общество может угрожать безопасности, а позже стремились узнать, не придумали ли там что-нибудь полезное для Терры. Почти сто лет назад Фрейд показал, насколько ложной может быть двойная логика, подобная этой. Одна проблема исключала другую. Правительство не могло следовать двумя путями одновременно.

Психоанализ показывал четкое правило; когда для совершения поступка приводились две противоречащие причины, то настоящим мотивом не могла служить ни одна из них. Существовала третья, о которой человек или в данном случае группа чиновников и не подозревали.

Каков был настоящий мотив? Вот о чем заду-

малась Мэри.

Проект, для которого она была готова добровольно лететь на Альфу III M2, уже не виделся ей таким идеалистическим и прозрачным.

Каким бы ни оказался скрытый план правительства, интуиция Мэри подсказывала, что он продиктован пусть и жесткими, но благими намерениями.

Понимала она и еще кое-что — истинного мотива ей никогда не узнать.

Увлеченно собирая вещи, Мэри вдруг почувствовала присутствие посторонних. Она обернулась. В дверях стояли двое мужчин.

— Где мистер Риттерсдорф? — спросил старший из них, показав удостоверение личности.

«Агенты ЦРУ из Сан-Франциско», — прочла Мэри.

— Он здесь больше не живет, — ответила она. — Я дам вам его новый адрес.

— Мы получили наводку от неизвестного лица. По имеющимся у нас данным, ваш муж планирует совершить самоубийство.

— Для него это нормально, — отмахнулась Мэри, записывая адрес лачуги, где теперь жил Чак. — Не стоит о нем беспокоиться, он всегда вот-вот покончит с собой, но по-настоящему ни-

когда этого не сделает.

Старший агент ЦРУ укоризненно посмотрел на Мэри:

— Вы с мистером Риттерсдорфом расстаетесь, я правильно понимаю?

— Верно, раз уж вам до этого есть дело. — Мэри улыбнулась агенту мимолетной улыбкой профессионала. — Могу я дальше собирать вещи?

— Наш офис стремится обеспечить определенную защиту своим сотрудникам, — пояснил агент. — Если ваш муж покончит с собой, то будет проведено расследование, чтобы определить степень вашей причастности. И, учитывая вашу специализацию на семейных отношениях, это может привести к неловкой ситуации, вы не находите?

— Вы правы, — после небольшой паузы ответила Мэри. — Полагаю, вы правы.

Второй агент продолжил:

— Считайте это нашим неофициальным предупреждением. Не стоит торопиться, миссис Риттерсдорф, не давите на мужа. Вы понимаете, о чем я?

Он задержал на лице Мэри безжизненный, холодный взгляд.

Она кивнула. И вздрогнула.

— Если он появится, — сказал старший, — попросите его связаться с нами. Он взял отпуск на три дня, но мы бы хотели поговорить с ним.

Агенты вышли из комнаты и направились к входной двери.

Мэри, оставшись одна, вздохнула с облегчением и вернулась к своему чемодану.

«ЦРУ не будет указывать мне, что делать, — подумала она. — Я буду говорить своему мужу все, что захочу, и буду делать все, что захочу. Они не защитят тебя, Чак, — уверила Мэри джемперы, бережно складывая их в чемодан. — На самом деле, тебе будет только хуже, мой дорогой, потому что это ты привлек их. Так что будь готов отвечать за свои поступки, бедненький напуганный слюнтяй. Отличная идея — подослать своих коллег и тем самым запугать меня! Ты, может, их и боишься, а я — нет. Они всего лишь тупые, пустоголовые копы».

Пакуя чемодан, Мэри подумала было связаться со своим адвокатом и рассказать о попытке ЦРУ надавить на нее, но решила отложить звонок и подождать, пока судья Бриззолар не рассмотрит дело о разводе. Тогда она приведет этот факт в качестве доказательства, какую жизнь была вынуждена вести, будучи замужем за таким

человеком, как Чак. Постоянно подвергалась преследованиям со стороны полиции и искала ему работу, бегая по собеседованиям.

С радостью убрав последний джемпер в чемодан, Мэри закрыла его и закрепила надежные замки.

«Бедняжка Чак, — подумала она, — у тебя не будет ни единого шанса, как только я подам в суд. Ты никогда не узнаешь, что это была я. Ты будешь расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Пока ты жив, дорогой, ты никогда по-настоящему от меня не освободишься. Это и есть твоя расплата».

Она начала аккуратно складывать свои многочисленные платья в кейс со специальными вешалками.

«Это обойдется тебе дороже, — решила она, — *чем ты можешь позволить себе заплатить».*

4

— Меня зовут Джоан Триест, — тихо и неуверенно представилась стоящая в дверях девушка. — Раннинг Клэм сказал, что вы только что въехали. — Она смотрела мимо Чака вглубь комнаты. — Вы еще не перевезли свои вещи? Помочь вам? Если захотите, я могу повесить занавески и прибраться на кухне.

— Я пока справляюсь, спасибо, — ответил Чак.

Его растрогала эмпатия соседа, то, что сделал для него слизевик.

«Девушке нет еще и двадцати», — решил Чак. Ее волосы, заплетенные в спускавшуюся по спине толстую косу, были ничем ни примечательного каштанового цвета. Кожа у нее была белой, если не сказать, бледной, а шея, как определил для себя Чак, длинноватой. Стройная, но на первый взгляд казалось сложным оценить достоинства ее фигуры. Просто одетая в облегающие темные брюки, легкую мужскую рубашку и тапочки, Джоан Триест не носила лифчика, как того требовала мода. Под хлопчатобумажной тканью рубашки ее соски выступали темными кружочками. Джоан не могла позволить себе — или не хотела — делать популярную операцию по увеличению сосков. Чак подумал, что у нее недостаточно средств. Возможно, девушка была студенткой.

— Раннинг Клэм прилетел с Ганимеда, — пояснила Джоан. — Он живет напротив.

Девушка улыбнулась, и Чак отметил, что у нее очень красивые зубы: мелкие, ровные, безупречно правильной формы.

— Да, — сказал Чак, — он просочился под эту дверь около часа назад. И сказал, что пришлет

кого-то. Полагаю, он думал…

— Вы правда пытались покончить с собой? — прозвучал неожиданный вопрос.

Помолчав, Чак пожал плечами:

— Так слизевик решил.

— Но он был прав. Я даже сейчас по вам вижу. — Джоан прошла в комнату. — Я — пси.

— Какого рода? — Чак оставил ведущую в общий коридор дверь открытой и вернулся в комнату за пачкой «Пэлл Мэлл». — Есть же разные… Кто-то может двигать горы, а кто-то лишь…

— Я… — перебила его Джоан. — Мои способности невелики, вот… — повернувшись, она подняла лацкан рубашки, — видите значок? Член Американского Пси-союза. Я могу заставить время течь вспять. Но в ограниченном пространстве, скажем, в комнате двенадцать на девять, вот примерно как ваша гостиная. Интервал действия — пять минут.

Она улыбнулась, и Чак вновь посмотрел на ее ровные зубки. Улыбка преображала ее юное лицо, делая его краше. Когда она улыбалась, на нее было приятно смотреть, и Чаку казалось, что эта особенность что-то говорит о Джоан. Ее красота была потаенной, она светилась изнутри, и с годами свет ее души постепенно становился виден

внешне. К тому времени, когда ей исполнится тридцать или тридцать пять, она будет неотразима. Сейчас она все еще оставалась ребенком.

— Ваш талант полезен? — спросил Чак.

— Его применение ограничено, — ответила Джоан.

Присев на подлокотник старого датского дивана, она засунула руки в карманы своих узких брюк и пояснила:

— Я работаю в полицейском управлении Росса: выезжаю на серьезные дорожно-транспортные происшествия, и — вы будете смеяться, но это и правда работает — поворачиваю время вспять, до аварии, или, если уже поздно, если с момента аварии прошло более пяти минут, я могу вернуть погибшего. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — кивнул Чак.

— Платят за это мало. И, что еще хуже, я должна быть на связи двадцать четыре часа в сутки. Они присылают сообщение, и я отправляюсь на место на скоростном реактивном самолете. Вот, посмотрите. — Она указала на свое правое ухо. Чак увидел маленький цилиндр, вставленный в ушную раковину, и понял, что это полицейский приемник. — Я всегда на связи. Конечно, это значит, что постоянно я должна быть в паре

секунд ходьбы от транспорта, я могу посещать рестораны, театры, ходить в гости… Но…

— Что ж, — сказал Чак, — может, когда-нибудь вы спасете меня.

«Если бы я прыгнул, — подумал он, — она бы вернула меня. Отличная услуга».

— Я спасла много жизней, — Джоан протянула руку. — Можно мне сигарету?

Чак угостил ее и тоже закурил, как обычно чувствуя вину за свою оплошность.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовалась Джоан.

Неохотно, не из-за секретности, а потому, что его работа имела низкий статус общественного уважения, Чак описал свою работу в ЦРУ. Джоан Триест внимательно слушала.

— Вы помогаете удержать наше правительство от краха, — с восторженной улыбкой сказала она. — Как здорово!

— Спасибо, — обрадованный ее реакцией, ответил Чак.

— Подумать только, что вы делаете! Прямо в эту минуту сотни симулякров по всему коммунистическому миру повторяют ваши слова, останавливая людей на улицах и в джунглях… — Ее глаза сияли. — А все, что делаю я, — это помогаю

полицейскому управлению Росса.

— Есть закон, — поведал Чак, — который я называю Третьим законом уменьшения отдачи Риттерсдорфа. Он гласит, что пропорционально тому, как долго вы занимаете некую должность, вы чувствуете, что она имеет все меньшее и меньшее значение для вас.

И Чак улыбнулся в ответ на улыбку Джоан, начиная потихоньку забывать свое давешнее тягостное и отчаянное настроение.

Джоан конапт понравился.

— Вы привезете свои вещи? Или будете так жить? Я помогу вам привести комнату в порядок, и Раннинг Клэм тоже. Дальше по коридору живет Эдгар — разумный жидкий металл с Юпитера, сейчас он в спячке, но, когда проснется, тоже захочет помочь. А в комнате слева живет чудо-птица с Марса, у нее разноцветные перья на макушке, рук нет, но она может перемещать предметы с помощью психокинеза. Она тоже захочет помочь, только вот сегодня не получится: она высиживает яйцо.

— Боже мой, — сказал ошеломленный Чак. — Какое многогранное соседство!

— Этажом ниже, — продолжила Джоан, — живет гриб-снул с Каллисто, его место обитания

— трехсторонний торшер, стандартное оборудование конапта с 1960 года. На закате, как только гриб проснется, он отправится за продуктами. Со слизевиком вы уже знакомы. — Джоан неумело, но энергично затянулась сигаретой. — Мне здесь нравится, тут можно встретить кого угодно. До вас в этой квартире обитал венерианский мох. Однажды я спасла ему жизнь, он чуть было не засох. Ему нужно поддерживать влажность. Климат здесь, в Марин, стал слишком сухим, и мох перебрался на север, в Орегон, там постоянно идут дожди.

Обернувшись, Джоан оглядела Чака:

— Похоже, у вас много неприятностей.

— Ничего серьезного, — отмахнулся он. — Все у меня в голове, все неприятности воображаемы, и их можно избежать.

«Неприятности, — подумал Чак. — Думай я головой, то никогда бы не женился».

— Как зовут вашу жену? — вдруг спросила Джоан.

— Мэри, — вздрогнув, ответил Чак.

— Не убивай себя из-за того, что ты ее оставил, — сказала Джоан, перейдя на «ты». — Через несколько месяцев или даже недель ты вновь почувствуешь себя цельным. Сейчас ты чувству-

ешь себя оторванным из-за вашего расставания. Разрыв всегда причиняет боль, я знаю это от протоплазмы, которая раньше жила здесь. Она страдала каждый раз, когда делилась, но должна была делать это, чтобы расти.

— Думаю, рост причиняет боль, — согласился Чак.

Подойдя к панорамному окну, он еще раз посмотрел вниз на бордюры, машины и снующие туда-сюда аэротакси. Он стоял так близко…

— Жить тут можно, — сказала Джоан. — Я точно знаю, мне много где удалось пожить. Конечно, в полицейском управлении Росса все знают об «Отбросах». Здесь произошло немало неприятностей: мелкие кражи, драки и даже убийство. Место это неспокойное, сам понимаешь.

— И все же…

— И все же я считаю, что тебе стоит остаться. Тут весело, особенно по ночам. Как ты скоро узнаешь, обитающие здесь атипичные постояльцы ведут ночной образ жизни. Раннинг Клэм — очень хороший друг, он многим тут помогает. Жители Ганимеда обладают тем, что святой Павел называл *каритас*. Помнишь, Павел учил, что каритас — величайшая из всех добродетелей? Полагаю, выражаясь современным языком, он

говорил о сочувствии.

Дверь конапта открылась, Чак обернулся. Он увидел своих давних знакомых: босса Джека Элвуда и Пита Петри, коллегу-сценариста. Увидев Чака, мужчины вздохнули с облегчением.

— Черт возьми, — сказал Элвуд. — Мы боялись, что опоздали. Заезжали к тебе домой, думая, что застанем тебя на месте.

— Я работаю в полицейском управлении Росса, — холодно представилась Джоан. — Могу я взглянуть на ваши документы?

Элвуд и Петри послушно показали ей удостоверения и подошли к Чаку.

— Что здесь делает городская полиция? — спросил Элвуд.

— Это мой друг, — ответил Чак.

Элвуд пожал плечами, не горя желанием расспрашивать подчиненного о деталях.

— Ты не мог подыскать себе комнату получше? — сморщился босс.

— Это временно, — ответил Чак, ощущая неловкость.

— Не стоит заниматься саморазрушением, — сказал Пит Петри. — И твой отпуск… они его отменили. Они считают, что тебе лучше быть на работе. Для твоего же блага. Не следует оставать-

ся одному там, где тебя могут посещать всякие мысли.

Он посмотрел на Джоан Триест, явно задаваясь вопросом, не помешала ли она попытке самоубийства. Однако никто не посвятил его в детали встречи.

— Так ты вернешься с нами в офис? Там чертова уйма дел! Судя по всему, работать придется всю ночь.

— Спасибо, что беспокоитесь обо мне, — поблагодарил Чак. — Но мне нужно перевезти вещи и привести в порядок комнату.

Чак оценил неравнодушие коллег, но все еще хотел побыть один. Это было в его крови — некий инстинкт — отползти подальше и спрятаться.

— Я могу побыть с ним какое-то время, — обращаясь к агентам ЦРУ, сказала Джоан. — Если только мне не поступит экстренный вызов. Обычно он приходит около пяти, когда начинается интенсивное движение пригородных поездов. Но до этого времени…

— Послушайте! — резко перебил ее Чак.

Все трое вопросительно повернулись к нему.

— Если кто-то хочет покончить с собой, вы не сможете его остановить! Может быть, вы сумеете отсрочить этот поступок. Может быть, пси,

подобная Джоан, сможет вернуть человека обратно. Но даже если его и задержат на время, он все равно сделает это, и, даже если его вернут, он снова найдет способ покончить с собой. Так что оставьте меня в покое! — Чак почувствовал, как устал. — На четыре часа у меня назначена встреча с адвокатом и масса других дел! Я не могу стоять и болтать тут с вами.

Взглянув на часы, Элвуд решил:

— Я отвезу тебя к адвокату. Мы как раз успеем, — и коротко кивнул Петри.

— Надеюсь, еще увидимся, — сказал Чак Джоан. Он слишком устал, чтобы всерьез задуматься о возможной встрече. — Спасибо, — добавил он, до конца не понимая, за что именно благодарит девушку.

— Раннинг Клэм у себя в комнате, — чеканя слова, заговорила Джоан, — и он способен читать твои мысли. Если ты снова попытаешься покончить с собой, он услышит и вмешается. Если ты и впрямь думаешь сделать это…

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Чак. — Здесь мне нет смысла пытаться.

Он направился к выходу. Элвуд и Петри двинулись за ним, Джоан вышла последней.

Шагнув в коридор, Чак увидел, что дверь в

конапт слизевика открыта. Огромный желтый холм колыхнулся в знак приветствия.

— И я рад встрече, — с ноткой иронии поприветствовал соседа Чак и в сопровождении коллег из ЦРУ проследовал дальше.

* * *

Когда они ехали на машине в офис Нэта Уайлдера в Сан-Франциско, Джек Элвуд сказал:

— В операцию «Пятьдесят минут» мы попросили включить в первую группу высадки нашего человека. Это обычная просьба, которую они удовлетворили. — Он задумчиво взглянул на Чака. — Полагаю, мы будем использовать симулякра. — Риттерсдорф рассеянно кивнул. Использование симулякра в операциях, связанных с враждебными группировками, являлось стандартной практикой: в ЦРУ было мало оперативников, и Управление не любило терять своих людей.

— На самом деле, — продолжил Элвуд, — симулякра сделал Джи Ди из Пало-Альто. Он сейчас у нас в офисе. Вот, ознакомься. — Элвуд достал из кармана и подал Чаку небольшой блокнот. — Дэниел Мэйджбум, двадцать шесть лет, англосакс. Окончил Стэнфорд, магистр полито-

логии. Год преподавал в университете Сан-Хосе, затем поступил на службу в ЦРУ. Это то, что мы расскажем участникам проекта, и только мы будем знать, что он симулякр и собирает для нас информацию. Пока еще не решили, кто будет им управлять. Возможно, назначим Джонстона.

— Ему мозгов не хватит, — фыркнул Чак.

До определенного момента симулякр может действовать автономно, но для подобной операции требовалось принимать слишком много решений. Находясь в автономном режиме, Дэн Мэйджбум быстро себя выдаст. Он может ходить и разговаривать, но в момент принятия важного решения к управлению подключается толковый оператор, находящийся в полной безопасности на первом этаже здания ЦРУ в Сан-Франциско.

Припарковав машину на крыше офиса Нэта Уайлдера, Элвуд задумался и произнес:

— Сдается мне, Чак, ты захочешь поработать с Дэнни, раз считаешь Джонстона не лучшим в своем деле.

— Почему я? Это не моя работа. — Слова коллеги застигли Чака врасплох.

ЦРУ держало целый штат сотрудников, обученных управлять симулякрами.

— В качестве… одолжения, — уронил Элвуд,

вглядываясь в висевшее плотной дымкой над городом послеполуденное транспортное движение. — Ты сможешь, так сказать, побыть с женой.

Помолчав, Чак ответил:

— Я категорически против.

— Ты сможешь понаблюдать за ней, — предложил босс.

— Зачем?

— Давай будем реалистами, — попросил Элвуд. — Для наших психологов очевидно, что ты все еще любишь ее. И нам нужен оператор на полный рабочий день. Для Дэна. Текстами пока займется Петри, а ты возьмешь на себя дистанционное управление и посмотришь, понравится тебе или нет. Если не пойдет, сможешь вернуться к своей писанине. Господи, ты же годами программировал их речь, ты должен управлять ими с закрытыми глазами! Я бы на твоем месте написал об этом книгу! Представь: ты полетишь на том же корабле, что и Мэри, прилунишься вместе с ней на Альфу III M2…

— Я против, — твердо повторил Чак. Он открыл дверь машины и вышел на крышу. — Еще увидимся, — кивнул на прощание. — Спасибо, что подвезли.

— Знаешь что, — сказал Элвуд, — я бы мог отдать тебе прямой приказ и сделал бы это в твоих интересах. Я достану у ФБР дело твоей жены и ознакомлюсь с ним. В зависимости от того, какой она человек, — он махнул рукой, — я приму решение.

— Каким же человеком она должна быть, чтобы я следил за ней глазами симулякра? — съехидничал Чак.

— Таким, чтобы ты захотел к ней вернуться, — улыбнулся Элвуд и захлопнул дверцу.

Петри завел мотор, машина взмыла в небо. Вечерело. Чак стоял и смотрел ей вслед.

«Подумают они!» — едко усмехнулся он. Что ж, к этому следовало давно привыкнуть. Но в одном Элвуд был прав. Чак запрограммировал речь сотням симулякров, проработал ее риторически убедительное звучание. Будь у него пульт управления, он мог бы не просто с успехом управлять Дэном Мэйджбумом, или как его там, а превратить симулякр в тонко настроенный инструмент — машину, которая бы направляла, обманывала и даже развращала находящихся рядом людей. Сам Чак подобным красноречием не обладал, но в ремесле своем слыл мастером.

В отношениях с Мэри Риттерсдорф Дэн Мэйдж-

бум, управляемый Чаком, мог добиться многого. И никто не знал этого лучше, чем Джек Элвуд. Неудивительно, что он предложил Чаку эту работу.

Но было в этом и что-то недоброе. Сама идея вызывала у Чака отвращение; интуитивно ощущая одиозность затеи, он не хотел в ней участвовать.

И все же он не мог просто отказаться. Все окружающие его вещи, сама жизнь, само существование на Терре уже не обладали прежней искренностью.

Возможно, решение заключалось в том, чтобы нанять для удаленной работы надежного человека. К примеру, Петри. Кого-то, кто мог бы позаботиться об интересах Чака. «А какие у меня интересы?» — спросил себя Чак, спускаясь по трапу. Ему пришла в голову ускользнувшая от босса идея.

Чак подумал, что можно извлечь выгоду из данной ситуации. Симулякр вместе с Мэри на далекой Луне в другой звездной системе, среди психически неуравновешенных членов ненормального общества. Учитывая особенные обстоятельства, что-то могло пойти не так.

Чак не мог ни с кем обсудить эту идею и даже себе самому не мог высказать ее до конца. Однако преимущества перед самоубийством были нали-

цо, и он почти добился того, чего хотел.

«При подобных обстоятельствах я бы действительно мог убить ее, — подумал Чак. — С помощью ли конструктивных гениев ЦРУ или же благодаря железкам “Дженерал Дайнемик”. Юридически у меня были бы серьезные шансы на оправдание, поскольку симулякр, работающий на таком расстоянии, нередко функционирует сам по себе. Его автономные поведенческие схемы обретают приоритет над удаленно поступающими командами. В любом случае попробовать стоит. В суде я буду утверждать, что сим действовал сам по себе, и смогу предоставить бесчисленные технические документы, доказывающие, что симулякры часто вытворяют подобное. История операций, проводимых ЦРУ, полна похожих промахов, особенно в критические моменты.

Суд вряд ли сможет доказать, что это я отдал команду симу».

Чак открыл дверь кабинета Нэта Уайлдера и, все еще погруженный в свои мысли, прошел в комнату.

Может, его план и хорош, а может, и нет. Конечно, его плюсы стоило бы обсудить хотя бы по моральным соображениям, если не по чисто практическим.

Но в любом случае замысел такого рода, возникнув, чаще всего никуда не исчезает. Подобно навязчивой идее, он проник в сознание Чака и, оставшись там, стал ждать своего часа.

Задуманное даже теоретически нельзя было назвать «идеальным преступлением». Чак сразу бы стал главным подозреваемым. Окружной прокурор или прокурор штата — кто бы ни занимался такими делами — легко поймет истинную картину. Репортеры гомеопейп пришли бы к такому же умозаключению, ведь в их среде работают самые проницательные умы в США. Но подозревать и доказать свои подозрения — абсолютно разные вещи.

В какой-то степени Чак мог спрятаться за сверхсекретной завесой, постоянно покрывавшей деятельность ЦРУ.

Между Террой и системой Альфа пролегло огромное расстояние, более трех световых лет. Безусловно, при обычных обстоятельствах это слишком большая отдаленность для совершения преступления, караемого смертной казнью. В любом случае разумно предположить, что отклонения электромагнитного сигнала при входе в гиперпространство и выходе из него существуют постоянно. Любой мало-мальски

неплохой адвокат мог бы выиграть это чертовски привлекательное дело, опираясь лишь на один вышеизложенный факт.

И таким адвокатом был Нэт Уайлдер.

5

Вечером, поужинав в ресторане «Голубая лисица», Чак позвонил Джеку Элвуду.

— Я бы хотел увидеть этого… как вы его называете… Дэна Мэджбума, — нерешительно начал Чак.

На маленьком видеоэкране появилось лицо его босса и расплылось в довольной улыбке.

— Я тебя понял, Чак, — кивнул он. — Возвращайся в ту квартирку, где остановился. Я попрошу Дэна заскочить к тебе. Он тут, у меня дома, моет посуду. Что заставило тебя передумать?

— Ничего, — ответил Чак и отключил связь.

Он вернулся в свою захудалую квартирку. Ночью, при старом мерцающем освещении, она смотрелась совсем уныло. Чак присел на диван и стал ждать Дэна. Вскоре он услышал в коридоре мужской голос, назвавший его имя. И тут же внутри прозвучал голос слизевика с Ганимеда:

«Мистер Риттерсдорф, вас ищет некий господин. Поговорите с ним, пожалуйста».

Чак шагнул к двери, открыл ее и вышел в коридор.

Его поджидал одетый в старомодный костюм мужчина средних лет, невысокий, с выступающим брюшком.

— Вы мистер Риттерсдорф? — уточнил он хмуро. — Боже, что тут за помойка! И соседи у вас странные, ни одного терранина. Что вы здесь забыли? — Он вытер вспотевшее красное лицо носовым платком. — Меня зовут Банни Хентман, — представился он запоздало. — Вы пишите сценарии, верно? Или я, может, что перепутал?

— Я пишу речи симулякрам, — ответил Чак, понимая, что визитом нежданного гостя он обязан Мэри. Это она постаралась, желая убедиться, что он зарабатывает достаточно, чтобы содержать ее при разводе.

— Вы, что же, не узнали меня? — поинтересовался Хентман. — Я известный комик. Или вы телевизор не смотрите?

Он раздраженно пыхнул сигарой.

— Итак, я здесь, — добавил Хентман многозначительно. — Вы хотели поработать на меня или нет? Послушайте, Риттерсдорф, я не привык ходить и выпрашивать милостыню. Но должен признать, ваши тексты хороши. Это же ваша

квартира? Нам обязательно стоять в коридоре?

Хентман бесцеремонно прошел в комнату. Быстро сообразив, что так просто от дерзкого гостя не отделаться, Чак последовал за ним. На самом деле, присутствие Хентмана ничем не мешало. Наоборот, оно послужило бы хорошей проверкой эффективности Дэна Мейджбума.

— Поймите, — обратился к Хентману Чак, — я к этой работе не стремлюсь.

— Конечно-конечно, — закивал тот. — Я знаю, вы патриот, работаете на ЦРУ. Послушайте-ка меня, — продолжил он, ткнув в Чака пальцем, — я могу заплатить вам в три раза больше, чем они. И у вас будет гораздо больше творческой свободы. Хотя, конечно, последнее слово за мной относительно того, что написано и как…

Хентман с отвращением оглядел комнату.

— Уныло тут. Напоминает мое детство в Бронксе. Беднота, вот что я хочу сказать. Что произошло, заставив вас здесь поселиться? Жена все забрала при разводе? — В умных глазах Хентмана блеснуло сострадание. — Дело дрянь, я знаю. Сам трижды был в подобной ситуации, три раза меня обманывали, и каждый раз мне это чертовски дорого обходилось. Закон на стороне женщин. Ваша жена, она милая, но… — Он махнул рукой. — Не

знаю… как по мне, она холодна. Понимаете, о чем я? И хитра отчасти. Я вам не завидую. С такой женщиной вы должны быть уверены, что при новых серьезных отношениях у вас не возникнет юридических проблем. Убедитесь, что все законно, интрижка, и не более.

Он внимательно посмотрел на Чака:

— Вы из тех, кто женится, я вижу. Играете по-честному. Такая женщина может задавить вас, растоптать обеими ногами. И вы станете плоским, как задница червя.

В дверь постучали. В голове Чака вновь зазвучали слова слизевика:

«Второй посетитель, мистер Риттерсдорф. Этот помоложе».

— Прошу меня извинить, — сказал Хентману Чак. Он подошел к двери и открыл ее.

— Кто это с вами мысленно общается? — сердито пробормотал Хентман у него за спиной.

В коридоре стоял симпатичный молодой человек с энергичным лицом, весьма хорошо одетый в самый модный костюм от братьев Хардинг.

— Мистер Риттерсдорф? — обратился он к Чаку. — Меня зовут Дэниэл Мейджбум. Мистер Элвуд попросил меня зайти.

«Отличная работа, — подумал Чак. — Сам бы

никогда не догадался, кто перед ним».

Осознав это, он пришел в восторг.

— Да-да, проходите, — сказал Чак, пропуская симулякра в комнату. — Мистер Мейджбум, знакомьтесь, это знаменитый комик Банни Хентман, помните, да? Бум-бум, и Хентман выбегает в костюме большого косоглазого кролика с хлопающими ушами.

— Какая честь, — отреагировал Мейджбум. Оценивая друг друга, они обменялись крепкими рукопожатиями. — Я много раз смотрел ваши выступления и каждый раз от души смеялся.

— Да-да, — пробормотал Хентман, бросив на Чака суровый взгляд.

— Дэн у нас новичок. Мы только познакомились, — сказал Чак. — И с этого момента будем работать вместе.

— Нет, — с резкой уверенностью перебил его Хентман, — вы будете работать на меня. Разве не понятно? У меня с собой контракт, над ним потрудились мои юристы.

Сдвинув брови, он принялся шарить в кармане пальто.

— Я не вовремя? — осторожно спросил Мэйджбум, делая шаг назад. — Я могу зайти попозже, мистер Риттерсдорф… Чак. Если можно, я буду

вас так называть.

Хентман пристально посмотрел на Чака. Затем, пожав плечами, стал разворачивать контракт.

— Посмотрите, посмотрите, сколько вам заплатят. — Хентман ткнул Чака сигарой. — ЦРУ в состоянии столько предложить? Смешить Америку — это патриотично, укрепляет моральный дух и побеждает коммунизм. Это даже патриотичнее того, что вы делаете. Эти ваши симулякры такие холодные. У меня от них мурашки по коже.

— Согласен, — сказал Дэн Мэйджбум. — Но, мистер Хентман, тут есть и другая сторона. Если я могу занять минутку вашего времени, то поясню. Мистер Риттерсдорф, Чак, выполняет работу, которую никто другой выполнить не может. Программирование речи симулякров — это искусство. Без опытного программиста они всего лишь пустые оболочки, и любой, даже ребенок, способен отличить их от живых людей. Но толково запрограммированный… — Он улыбнулся. — Вы никогда не видели ни одного из симулякров Чака в действии. Это невероятно! Но мистер Петри тоже неплохо справляется со своей работой, в каком-то смысле даже лучше!

Очевидно, именно Петри запрограммировал Дэна и сам же им управлял. Чак не смог сдержать

усмешки.

— Может, мне стоит нанять этого вашего Петри? — мрачно спросил Банни Хентман. — Если, как вы говорите, он настолько хорош.

— Для того, что вам нужно, — ответил Мейджбум, — мистер Петри, возможно, подошел бы лучше. В текстах Чака есть стиль, который вам нравится, но проблема заключается в том, что он непостоянен. Сомневаюсь, что Чак сможет удержать необходимую вам планку. Однако пусть частично…

— Замолчите уже! — оборвал его Хентман. — Я не люблю обсуждать бизнес втроем! Риттерсдорф, мы можем пойти куда-нибудь еще?

Дэниел явно раздражал Хентмана. Казалось, комик почувствовал неладное.

В сознании Чака вновь зазвучал голос слизевика:

«Та милая девушка, мистер Риттерсдорф, которой, как вы заметили, стоит увеличить соски, входит в дом. Она ищет вас, и я уже сказал ей подниматься».

Банни Хентман, тоже, вероятно, уловивший мысли слизевика, в отчаянии застонал:

— Неужели нет возможности спокойно поговорить? Кто там на этот раз?

Он повернулся к двери.

— Мисс Триест нам не помешает, — уверил Дэн.

Чак взглянул на симулякра, удивленный способностью Дэна высказать свое мнение о Джоан. Было ясно, что это не заложенная модель поведения. Это дело рук Петри, руководившего симулякром из здания ЦРУ в Сан-Франциско.

Дверь открылась. На пороге стояла Джоан Триест, одетая в серый свитер и дирндль [2], без чулок, но на высоких каблуках.

— Я не помешала, Чак? Мистер Хентман, — Джоан густо покраснела. — Я сотни раз смотрела ваши шоу, вы лучший современный комик. Вы, как Сид Сизар [3], как все великие комики!

Ее глаза заблестели, она шагнула к Банни Хентману и встала рядом, близко, но так, чтобы не коснуться его ненароком.

— Ты дружишь с Банни Хентманом? — спросила она Чака. — Жаль, не сказал этого раньше.

— Мы пытаемся, — вновь заговорил Хентман, —

---

[2] Примечания: 2

Дирндль — современный костюм, стилизованный под традиционный наряд населения немецкоговорящих альпийских регионов.

[3] Примечания: 3

Айзак Сидни «Сид» Сизар (1922–2014) — американский комедийный актер и сценарист.

заключить договор. Но пока есть небольшие сложности.

Комик стал расхаживать по комнате, вытирая пот.

— Сдаюсь! — сказал он решительно. — У меня не получится подписать с вами контракт, об этом и речи быть не может. У вас слишком много знакомых. В моем понимании писатели — это затворники, и в их жизни никого нет.

Джоан Триест оставила входную дверь открытой, и теперь, волнообразно передвигаясь, на пороге конапта появился слизевик.

«Мистер Риттерсдорф, — зазвучали его слова в голове Чака, — у меня к вам срочное дело. Мы должны поговорить наедине. Не могли бы вы зайти ко мне через минутку?»

Хентман, издав похожий на визг звук, подошел к окну и замер, глядя на улицу.

Озадаченный услышанным, Чак проследовал за слизевиком в его комнату.

«Закройте дверь и подойдите ко мне, — негромко телепатировал тот. — Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь прочел мои мысли».

Чак приблизился.

«Этот Дэн Мейджбум, — тихо транслировал свои мысли слизевик, — не человек. У него внутри

пусто. Им управляет другой человек, дистанционно. Я подумал, что нужно вас предупредить, поскольку мы соседи».

— Спасибо, — сухо ответил Чак, — я в курсе.

Он почувствовал себя неуютно. Не хватало еще, чтобы слизевик совался ему в голову, учитывая его последние размышления!

— Послушайте, — начал Чак, но ганимедянин опередил его.

«Я уже посмотрел этот материал в вашем сознании, — сообщил тот. — Вашу враждебность к жене и мысли об убийстве. У каждого есть момент, когда возникают подобные желания. Конечно, с моей стороны было бы неуместно обсуждать это с кем-либо еще. Это как долг врача или священника. Телепат должен…»

— Давайте не будем об этом, — перебил его Чак.

То, что слизевик теперь знает о его намерениях, затрудняет их воплощение в жизнь. Если прокурор вызовет Раннинга Клэма в суд…

«На Ганимеде месть священна, если вы мне не верите, попросите вашего адвоката Нэта Уайлдера ознакомиться с нашим законодательством. Я ни в коем случае не осуждаю ваши мысли. Они предпочтительнее, чем порыв наложить на

себя руки. Самоубийство противоречит природе. Подождите, — попросил Раннинг Клэм, видя, что Чак хочет уйти, — еще один момент! В обмен на мое молчание я хотел бы попросить вас об одолжении».

Значит, подвох все-таки был. Чака это не удивило, его сосед прекрасно понимал, что такое деловой подход.

«Мистер Риттерсдорф, я настаиваю, чтобы вы приняли предложение мистера Хентмана».

— А как же моя работа в ЦРУ? — напомнил Чак.

«Вам нет необходимости ее бросать. Вы можете работать на двух работах. Халтурить», — уверенно транслировал свои мысли слизевик.

— Халтурить? Откуда вам известно такое слово? — удивился Чак.

«Я разбираюсь в терранском обществе, — ответил Клэм. — Я вижу это так: днем вы работаете в ЦРУ, а ночью пишете тексты для Банни Хентмана. В таком ритме вам не продержаться без допинга, нужно будет стимулировать мозг. Для этой цели вполне подойдет гексоамфетамин. На Терре он запрещен. Однако для меня это не проблема, мои связи легко помогут достать все, что нужно. Как только ваш мозг получит необходимую дозу,

потребность во сне исчезнет».

— Работать шестнадцать часов? — ужаснулся Чак. — Лучше сдайте меня полиции!

«Нет, — отказался слизевик. — Зная, что ваши мысли могут стать известны полиции, вы не станете убивать эту жестокую женщину. Вы оставите ее в живых».

— С чего вы взяли, что Мэри жестока? — спросил Чак.

«И что ты вообще можешь знать о земных женщинах?» — подумал он.

«Из ваших мыслей я понял, сколько ошибок по отношению к вам, пусть и незначительных, совершала миссис Риттерсдорф все эти годы. По меркам любой культуры она воплощение зла. Из-за этого вы нездоровы и не можете трезво воспринимать действительность. Только посмотрите, как упрямо вы сопротивляетесь столь желанной работе, которую предлагает мистер Хентман».

В дверь конапта постучали. В комнату заглянул Банни Хентман. Он явно был рассержен.

— Мне нужно идти, мистер Риттерсдорф, — заявил он. — Так что вы ответите на мое предложение? Согласны вы или нет? Если идете, то не стоит тащить с собой ваших нетерранских желе-

образных соседей.

«Мистер Риттерсдорф примет ваше предложение о работе, мистер Хентман», — мысленно произнес слизевик.

— Кто вы такой? — спросил комик. — Вы его агент?

«Коллега».

— Пусть так, — протягивая Чаку контракт, сказал Хентман. — У вас восемь недель. В неделю вы должны сдавать один часовой сценарий и, кроме того, принимать участие в конференциях с другими сценаристами. Ваш гонорар составит тридцать две тысячи долларов в неделю, вас устроит?

Чака это более чем устраивало, предложенная заработная плата была в два раза больше, чем он ожидал. Взяв копию контракта, он под бдительным взглядом слизевика подписал ее.

— Я засвидетельствую вашу подпись, — сказала вошедшая в комнату Джоан.

Она подписала три экземпляра и вернула бумаги Хентману. Он убрал их в карман пальто, затем, вспомнив, что один полагается Чаку, достал листы обратно.

«Поздравляю! — сказал ганимедянин. — Это нужно отпраздновать».

— Я — пас, — отозвался Хентман. — Мне пора. До свидания, Риттерсдорф. Я буду на связи, поставьте в своей гнилой комнатенке видеофон. Или перебирайтесь куда получше.

С этими словами он покинул квартиру слизевика.

«Что ж, мы можем отпраздновать втроем, — предложил Раннинг Клэм. — Я знаю бар, где обслуживают инопланетян. Выпьем за мой счет. Я угощаю».

— Отлично, — ответил Чак.

Он не хотел оставаться в конапте, давая тем самым Мэри лишнюю возможность для встречи.

Открыв дверь, они увидели в коридоре молодого человека. Дэн Мейджбум ждал их.

— Прошу прощения, — извинился Чак. — Я совсем о тебе забыл.

«Мы идем отмечать новую должность Чака, — сообщил слизевик. — Можешь пойти с нами, пусть ты всего-навсего робот».

Джоан Триест с любопытством взглянула сначала на Мэйджбума, а затем на Чака.

— Мейджбум — симулякр ЦРУ, — объяснил ей Чак. — Им управляют из нашего офиса в Сан-Франциско. — Это Петри, да? — спросил он Дэниела.

— Сейчас, мистер Риттерсдорф, я нахожусь в автономном режиме, — улыбаясь, ответил Мэйджбум. Он был весьма доволен собой. — Мистер Петри отключился, когда вы вышли из комнаты. Как я справляюсь? Вы думали, что я не сам говорю, но это не так. На самом деле, я могу весь вечер работать автономно, могу пойти с вами в бар, выпить, отпраздновать, вести себя как человек, может быть, даже лучше.

«Итак, — думал Чак по пути к трапу, — с помощью него я должен получить компенсацию от супруги».

«Не забывайте, мистер Риттерфсдорф, мисс Триест работает в полиции Росса», — уловив мысли Чака, предупредил ганимедянин.

— Именно, — ответила Джоан. — Почему же ты транслировал свои мысли мистеру Риттерсдорфу, а не мне? — укорила она слизевика.

«Я почувствовал, что, знай ты сей факт, не одобрила бы любовную активность со стороны мистера Риттерсдорфа», — ответил он.

Услышанное, казалось, удовлетворило Джоан.

— Думаю, тебе не стоит совать нос в чужие дела, — сердито сказала она. — Способность к телепатии сделала жителей Ганимеда ужасно назойливыми.

«Мне жаль, — огорчился слизевик, — если я неверно оценил ваши желания, мисс Триест, прошу меня извинить. Очевидно, — обратился он к Чаку, — мисс Триест одобрит вашу симпатию к ней».

— Господи боже! Не лезь, пожалуйста, не в свое дело! Оставим эту тему! — Джоан побледнела, с трудом сдерживая досаду.

«Терранским девушкам не угодишь», — подумал обиженный слизевик и остаток пути до бара старался ни о чем больше не думать.

Позже, когда они сидели, а слизевик лежал на обтянутом искусственной кожей сиденье за столиком, Джоан сказала:

— Думаю, это замечательно — работать на Банни Хентмана и, должно быть, волнующе.

«Мистер Риттерсдорф, — телепатировал слизевик, — я подумал, что вам не следует сообщать жене о том, что у вас теперь две работы. Если она узнает, то может потребовать гораздо большую компенсацию и алименты».

— Согласен, — отозвался Чак.

Совет прозвучал разумно.

«Поскольку она узнает, что мистер Хентман вас нанял, — продолжил слизевик, — вам лучше это признать, скрыв факт о работе в ЦРУ. Попросите

коллег, в частности вашего непосредственного начальника мистера Элвуда, прикрыть вас».

Чак кивнул.

«В результате, работая в двух местах, вы будете иметь больше средств на безбедную жизнь, несмотря на мировое соглашение и алименты. Вы не думали об этом?»

Честно говоря, Чак не загадывал так далеко. Слизевик был гораздо предусмотрительнее, и это огорчало.

«Вы понимаете, — сказал Раннинг Клэм, — насколько я от чистого сердца забочусь о ваших интересах. Я настаиваю на том, чтобы вы приняли предложение мистера Хентмана…»

— Думаю, — вмешалась в их разговор Джоан, — это ужасно, что вы, ганимедяне, играете в бога.

Она укоризненно посмотрела на слизевика.

«Но учтите, — вежливо напомнил тот, — это я свел вас с мистером Риттерсдорфом. И я предвижу, хоть и говорят, что я не пророк, успех в ваших сексуальных отношениях».

— Заткнись наконец! — в ярости вскричала Джоан. — Ты просто невыносим!

* * *

Чак не стал устраивать долгие посиделки и вскоре оставил слизевика догуливать в баре, попрощался с Дэниелом, вызвал такси и проводил Джоан домой.

В дороге она призналась:

— Я была рада убраться подальше от этого Клэма. Он настоящая заноза в заднице, постоянно лезет в голову. Но в одном он прав — это он нас познакомил… — Она замолчала, наклонив голову на бок и прислушиваясь. — Произошел несчастный случай. Мне нужно туда, — обратилась она к автопилоту. — Есть жертвы.

Добравшись до места происшествия, они увидели перевернутый самосвал. На посадке у него, вероятно, отказал главный пропеллер, и машина врезалась в стену, выбросив своих пассажиров. Укрытый свитерами и пальто, на земле лежал пожилой мужчина, бледный и молчаливый. Дежурный полицейский не давал никаких комментариев по поводу происшедшего и просто отмахнулся от вопросов Джоан. Пси поспешила к пострадавшему. Видя, что полиция не препятствует, Чак пошел за ней. Машина скорой помощи уже была на месте и нетерпеливо гуде-

ла, стремясь поскорее отправиться в больницу Росса.

Наклонившись, Джоан изучала погибшего.

— Он скончался три минуты назад, — констатировала она, обращаясь и к себе, и к Чаку. — Мне все ясно. Подожди немного, я верну его на пять минут назад.

Она внимательно рассмотрела бумажник мужчины, который ей передал один из полицейских.

— Мистер Эрл Экерс, — пробормотала Джоан, закрывая глаза. — Переместится только он, по крайней мере в теории, но невозможно быть уверенной наверняка… — Она сосредоточилась, лицо ее окаменело. — Тебе лучше отойти, чтобы не зацепило.

Чак подчинился. Он прогуливался, вдыхая холодный ночной воздух, курил сигарету и прислушивался к шуму раций из полицейских машин. Собралась толпа зевак, движения почти не было, полицейские иногда махали ему.

«С какой необычной девушкой я связался, — подумал Чак. — Работает в полиции и к тому же пси… Интересно, что бы она сделала, узнав, что я задумал для Дэниела. Вероятно, Раннинг Клэм прав: если бы он позволил ей все узнать, это стало бы ужасной ошибкой».

— Иди сюда! — позвала Джоан.

Чак быстро подошел к ней.

Лежа под импровизированными одеялами, пожилой мужчина дышал, его грудь тихонько поднималась и опускалась, а на губах образовывались едва заметные пузырьки слюны.

— Он вернулся на четыре минуты назад, — сказала Джоан, — жив, но сильно ранен. Это все, что я смогла сделать. — Она кивнула врачам-симулякрам, те подошли и склонились над ожившим мужчиной. Включив сканирующее устройство, симулякр осмотрел пострадавшего, оценив степень повреждений. Затем повернулся к своему товарищу, они обменялись мыслями, после чего тот раскупорил свой металлический бок, вытащил из него картонную коробку и открыл ее.

Внутри лежала искусственная селезенка, в свете фар полицейских машин Чак увидел информацию, отпечатанную на крышке коробки. Симулякры начали операцию. Один ввел раненому анестетик местного действия, второй, используя хирургическую руку, сделал надрез брюшной полости.

— Мы можем идти, — сказала Джоан Чаку. — Моя работа закончена. Он нехотя оторвался от наблюдения за симулякрами. Их действия за-

хватили и увлекли его. Засунув руки в карманы пальто, маленькая и стройная, Джоан вернулась к их летающему такси, села и стала ждать Чака. Она заметно устала.

Удаляясь от места аварии, он признался:

— Впервые видел, как работают медицинские симулякры.

Он пребывал под большим впечатлением и еще ярче осознал огромные возможности, заложенные в искусственных людей, разработанных и сконструированных компанией «Дженерал Дайнемик». Конечно, он бесчисленное количество раз видел симулякров ЦРУ, но там не было ничего подобного, в жизненно важном, основополагающем смысле. Здесь же врагом была не группа людей с иными политическими убеждениями — врагом здесь оказалась сама смерть.

А с симулякром по имени Дэниэл все происходило бы наоборот: со смертью никто бы не боролся, ее бы поощряли.

Став свидетелем увиденного, Чак все понял: он никогда не решится рассказать Джоан о своих планах. Разве в таком случае логика не говорила ему избегать встреч с ней? Инсценировать убийство и в то же время общаться с сотрудником полиции казалось затеей сумасшедшего. Он что,

хотел, чтобы его поймали? Присутствовал ли во всем этом извращенный порыв к самоубийству?

— О чем ты думаешь? — спросила Джоан.

— Что, прости? — Чак рассеянно моргнул.

— Я не Раннинг Клэм, я не могу читать твои мысли, — улыбнулась девушка. — Ты кажешься таким серьезным. Думаю, это из-за твоих семейных проблем. Я бы хотела как-то подбодрить тебя. Зайдешь ко мне?

Джоан вдруг покраснела, очевидно вспомнив слова слизевика. — Просто выпьем, — уточнила она.

— Почему бы и нет? — ответил Чак, тоже вспомнив сказанное соседом.

— Послушай, — сказала Джоан, — то, что этот ганимедский деляга засунул свой псевдоподий, или что там у них, в нашу жизнь, не значит… — Она раздраженно замолчала, ее глаза оживленно заблестели. — Черт бы его побрал! Ты знай, он не так прост! Он может быть потенциально опасен. У этих ганимедян столько амбиций! Вспомнить хотя бы условия, на которых они вступили в войну между Террой и Альфой. Все они одинаковы, как и миллионы других разумных существ, всегда ищущих выгоду. — Она нахмурилась. — Может, тебе стоит съехать, держаться от него подальше?

Но Чак прекрасно понимал, что делать это уже поздно. Они добрались до дома Джоан. Перед ними стояло симпатичное современное здание. Как большинство новых построек, оно было весьма простым в дизайнерском решении и по большей части подземным. Вместо того чтобы стремиться к небу, оно уходило вниз.

— Я живу на шестнадцатом этаже, — сказала Джоан, — это немного похоже на жизнь в шахте. Надеюсь, ты не страдаешь клаустрофобией.

Минуту спустя, доставая ключ и вставляя его в замочную скважину, она философски добавила:

— Однако если на нас нападут альфанцы, то мы будем в безопасности, между нами и ударом водородной бомбы пятнадцать уровней.

Джоан открыла дверь. В квартире зажегся мягкий, туманный свет. Яркая вспышка ослепила Чака. Щурясь, он посмотрел вперед и увидел стоящего в центре комнаты человека с фотоаппаратом в руках. Это был его недавний знакомый, которого Чак терпеть не мог.

— Привет, Риттерсдорф! — бодро поздоровался Боб Альфсон.

— Кто это? — спросила Джоан. — И зачем он нас фотографирует?

— Не беспокойтесь, мисс Триест, — сказал

Альфсон. — Я адвокат Мэри Риттерсдорф — жены вашего любовника. Нам нужны доказательства для судебного разбирательства, которое, кстати… — он многозначительно посмотрел на собеседника, — назначено на следующий понедельник в десять утра в зале суда судьи Бриззолара. Мы перенесли заседание. Ваша жена хочет, чтобы все было сделано как можно скорее.

Альфсон торжествующе улыбнулся.

— Убирайтесь вон отсюда! — потребовал Чак.

— Был рад повидаться, — направляясь к двери, шутовски раскланялся тот. — Кадры, что я снял — очевидно, вы с таким сталкивались в ЦРУ, — стоят дорого, но и пользы приносят достаточно. Я снял все на «Эгфом». — Это задело вас за живое? То, что я сфотографировал, это запись не того, что вы только что сделали, а того, что произойдет в этой комнате в течение следующего получаса. Я думаю, судью Бриззолара это заинтересует.

— В ближайшие полчаса здесь ничего не произойдет, — разочаровал его Чак, — потому что я ухожу.

Он протиснулся мимо адвоката и вышел в коридор. Нужно было убираться отсюда как можно скорее.

— Думаю, вы ошибаетесь, — холодно усмех-

нулся Альфсон. — Поверьте, в фильме будет кое-что ценное. В любом случае вас это не должно волновать. Это всего лишь технический прием, с помощью которого Мэри может получить постановление. Доказательства должны быть официальными. Я, право, не понимаю, как это вас заденет.

Сбитый с толку Чак обернулся:

— Это вторжение в частную жизнь!

— Вам прекрасно известно, что последние лет пятьдесят ни у кого нет частной жизни, — парировал Альфсон. — Вы работаете на ЦРУ, не обманывайте меня, Риттерсдорф.

Он вышел в коридор, прошел мимо Чака и неторопливо направился к лифту.

— Если вам нужна будет копия пленки…

— Обойдусь, — огрызнулся Чак, глядя Альфсону вслед, пока тот не скрылся из виду.

— Ты мог бы и остаться, — сказала Джоан. — Он все равно уже все записал.

Она придержала дверь, и наконец Чак с неохотой зашел.

— То, что он сделал, конечно, незаконно. Но я полагаю, в судебных разбирательствах это частая практика.

Джоан прошла на кухню и начала готовить

напитки. Чак услышал звон бокалов.

— Как насчет «Харпера»? — прокричала девушка. — У меня есть неоткрытая бутылка.

— Мне все равно, — грубовато отозвался Чак.

Джоан принесла выпивку, он машинально взял свой стакан.

«Я еще доберусь до тебя, Мэри, — подумал он. — Теперь-то уж точно. На кону моя жизнь».

— Ты такой напряженный, — заметила Джоан. — Сильно расстроился? Сначала Раннинг Клэм со своей телепатией, теперь этот адвокат со своим чудо-аппаратом. Именно сейчас, когда…

— У нас пока что есть возможность, — сказал Чак, — заняться любовью так, чтобы это осталось в тайне.

— И как же? — заинтересовалась Джоан.

Ничего не ответив, он сделал еще один глоток.

6

С полок, подвешенных на высоту человеческого роста, спрыгивали кошки: сначала три стареньких беспородных кота, затем пятнистый мэнкс, за ним сиамские котята с пушистыми усатыми мордочками, а последними — молодой изящный черный кот и крупная трехцветная кошка, которой прыжок дался с большим трудом.

К кошачьей компании тут же присоединилась маленькая собачонка. Все вместе они путались под ногами Игната Ледебура, пытавшегося выйти из своей хижины.

Неподалеку валялись останки дохлой крысы. Поймала ее терьер, собака-крысолов, а кошки съели все, что пожелали. Их рычание и разбудило Игната. Ему стало жаль крысу: она, вероятно, охотилась за мусором, наваленным по обе стороны единственной двери. В конце концов, крыса, как и человек, тоже имела право на жизнь. Пес этого, конечно, понять не мог, убийство для него — инстинкт, заложенный в хилом тельце. Морально он был чист, да и крысы изрядно его напугали. В отличие от своих серых хвостатых собратьев с Терры местные грызуны отличались ловкими лапами и умением создать оружие, пусть и примитивное. Они были умнее.

Перед Игнатом громоздились ржавеющие останки автономного, давно вышедшего из строя трактора. Несколько лет назад его оставили здесь с призрачной надеждой о дальнейшей починке. И вот Игнату исполнилось уже пятнадцать (или шестнадцать?) лет, он вырос, а машина окончательно развалилась. Дети играли здесь, болтали с трактором, забавляясь с элементами его комму-

никативного контура.

Игнат не нашел то, что искал, — пустой пластиковый пакет из-под молока. Он хотел разжечь костер. Вместо искомого пришлось использовать доску. Она должна была быть достаточно хрупкой, чтобы разломить ее одним прыжком, разложив поперек крыльца. В поисках подходящей доски Игнат рылся в куче строительного мусора, наваленной рядом с его лачугой.

Утренний воздух был холодным, Игнат поежился, жалея, что потерял свою шерстяную куртку. Во время одной из своих долгих прогулок он прилег отдохнуть и положил куртку под голову вместо подушки, а проснувшись, забыл о ней и оставил на месте. Все из-за куртки. Игнат, конечно, не мог вспомнить, где это произошло. Он лишь смутно припоминал Адольфвилль, находившийся, возможно, в десяти днях ходьбы.

Женщина из соседней лачуги, недолго бывшая его спутницей — став отцом двоих детей, Ледебур устал от нее, — вышла и в бешенстве закричала на забравшегося в огород белого козла. Тот продолжал щипать ботву, пока женщина не добралась до него, а затем взбрыкнул задними копытами и, отпрыгнув подальше, оказался недосягаем. Из пасти у него все еще свисали све-

кольные листья. Напуганная козлом стая уток зашевелилась и, почуяв неладное, разбежалась в разные стороны. Игнат рассмеялся. Утки относились ко всему очень серьезно.

Выломав доску для костра, Игнат вернулся в хижину. Следом за ним тащились привязавшиеся кошки. Он закрыл дверь прямо перед их мордами, но одному котенку все же удалось юркнуть в дверной проем. Игнат присел на корточки у чугунной мусоросжигалки и начал разводить огонь.

На кухонном столе под грудой одеял спала его нынешняя жена Элси. Она не вставала, пока он не разожжет огонь и не сварит кофе. Игнат ее не винил. Утром в такой холод никто не любил вставать. Но сейчас было достаточно поздно, Гандитаун уже расшевелился, спали лишь гебы, всю ночь пробродившие по свалке.

Из единственной спальни выглянул ребенок, он стоял голышом, засунув в рот большой палец, и молча наблюдал, как Игнат разводит костер.

Позади малыша приглушенно шумел телевизор, без картинки. Дети могли только слушать. «Надо бы починить», — подумал Игнат, но срочности не было. До того, как в Да Винчи-Хайтс заработал лунный телевизионный передатчик,

жизнь была проще.

Когда Игнат начал варить кофе, он заметил, что одной части кофейника не хватает. Вместо того чтобы тратить время на поиски, Игнат поступил иначе: он нагрел кастрюлю с водой на пропановой горелке, дождался, когда она закипит, бросил туда большую горсть молотых зерен. Сколько точно было кофе, он не знал. Теплый, насыщенный аромат наполнил хижину. Игнат с благодарностью вдохнул, наслаждаясь запахом и вслушиваясь в потрескивание огня, согревающего хижину. Он постоял еще сколько-то времени у горелки, когда постепенно осознал, что у него видение.

Он ошеломленно замер. Между тем протиснувшийся в комнату котенок сумел забраться в раковину, где обнаружил кучу объедков, оставшихся со вчерашнего вечера. Он жадно ел, звуки и вид его пиршества смешивались с другими звуками и образами. Видение усилилось.

— Я хочу кукурузную кашу, — объявил стоящий в дверях спальни ребенок.

Игнат Ледебур ничего не ответил. Погруженный в иллюзии, он пребывал в другой стране. В стране столь реалистичной, что она вышла за грань реальности. Находясь тут и там, она

стирала пространство. Во времени же, казалось, она существовала всегда, но и в этом Игнат не был уверен. Возможно, то, что он видел, вообще не существовало, не имело начала и, что бы он ни делал, не имело и конца, потому что было слишком велико. Возможно, оно существовало *вне* времени.

— Эй, — сонно пробормотала Элси, — где мой кофе?

— Подожди, — ответил Игнат.

— Подождать? Черт возьми, пахнет на весь дом! Где он? — Отбросив одеяло в сторону, она с трудом села. Одежды на ней не было, груди свисали. — Состояние у меня ужасное. Тошнит. Дети твои, полагаю, в ванной?

Соскользнув со стола, Элси неуверенной походкой вышла из комнаты.

— Ты чего так стоишь? — остановившись у входа в ванную, подозрительно спросила она.

— Иди уже куда шла, — устало ответил Игнат.

— Куда шла? Это, черт возьми, была твоя идея! Жить вместе! Я всегда хотела остаться с Френком!

Войдя в ванную, она захлопнула дверь, но та снова распахнулась. Элси опять толкнула ее, на этот раз придерживая ногой.

Видение рассеялось. Разочарованный Игнат подошел к столу с кастрюлькой в руках, скинул на пол одеяла, достал пару кружек, оставшихся со вчерашнего ужина, и наполнил их горячим кофе. В каждой кружке всплыли комочки.

Из ванной донесся голос Элси:

— Это что, был транс? Или как ты это называешь? Ты видел Бога? — в ее вопросе прозвучало ничем не прикрытое отвращение. — Я живу не только с гебом, но еще и с шизом. Ты геб или шиз? *Пахнешь,* как геб. Впрочем, тебе решать.

Элси спустила воду и вышла из ванной.

— Ты вспыльчивый, как ман. Вот что я в тебе терпеть не могу, так эту твою вечную вспыльчивость. — Она взяла свой кофе, отхлебнула и закричала в ярости: — Тут одни комки! Ты опять куда-то подевал чертов кофейник!

Теперь, когда видение исчезло, было трудно вспомнить его суть. Это была одна из проблем с иллюзиями. Что они значили для реального мира? Игнат постоянно думал об этом.

— Я видел чудовище, — сказал он. — Оно напало на Гандитаун и раздавило его. Ничего не осталось, лишь огромный кратер.

Игнату стало грустно. Гандитаун ему нравился гораздо сильнее, чем любое другое место на Луне.

Вдруг он почувствовал страх, гораздо больший, чем все когда-либо им пережитые. И с этим ничего нельзя было поделать.

Остановить чудовище невозможно. Оно придет и заберет всех, даже могущественных манов со всеми их умными идеями и беспрерывной деятельностью. И даже паров, которые защищались как от всего реального, так и от нереального.

Но в видении было и нечто большее.

За чудовищем скрывалась недобрая душа.

Игнат видел ее, когда она выползала. Подобно блестящей желеобразной гнили, она губила все, к чему прикасалась, разлагала даже голую почву и тонкие ветви растений и деревьев. Полная чаша этой субстанции истребила бы целую вселенную. Это было творением рук человеческих. Это создание *хотело уничтожать*.

Итак, их было два. Монстр, разрушающий Гандитаун, и злое существо. Они шли порознь, у каждого был свой путь. Монстр являл собой женщину, а злая душа принадлежала мужчине. И… Игнат закрыл глаза. Это была та часть видения, что привела его в ужас. Этим двоим предстояло вступить в жуткую битву. И грядущая битва не между добром и злом, а невидимая, бессмысленная борьба в трясине между двумя насквозь

пронизанными яростью сущностями, не уступающими друг другу в ненависти.

Битва, которая, возможно, даже приведет к смерти одного из существ, свершится здесь. Они пришли сюда, намеренно избрав это место полем боя, чтобы вести свою вневременную войну.

— Сделай яичницу, — сказала Элси.

В поисках упаковки яиц Игнат неохотно порылся в мусорке у раковины.

— Придется тебе еще и сковородку вымыть, — добавила Элси. — Вчера вечером я оставила ее в раковине.

— Ладно. — Игнат открыл холодную воду и принялся оттирать нагар от сковородки комком газетных листов.

«Интересно, — подумал он, — могу ли я повлиять на исход их борьбы? Станет ли добро решающей силой?»

Он мог бы призвать на помощь все свои духовные способности и попытаться. Не только ради блага Луны, кланов, но и ради самих этих мрачных существ. Возможно, чтобы облегчить их бремя.

Это была идея, над которой стоило подумать, и он продолжал размышлять над ней, пока чистил сковородку. Бесполезно было делиться информа-

цией с Элси, она бы просто послала его к черту. Она не знала о способностях мужа, поскольку он никогда не говорил ей о них. Будучи в нужном настроении, он мог проходить сквозь стены, читать чужие мысли, излечивать болезни и, наоборот, заставлять злых людей заболевать, влиять на погоду, губить урожай. Он мог делать почти все, что угодно, при правильном настроении. Все это проистекало из его святости.

Даже вечно подозрительный клан паров признавал его святым. Так считали все на Луне, включая вечно занятых, острых на язык манов, когда в перерывах между своей работой они поднимали глаза и смотрели на него.

Игнат понял: если кто и может спасти Луну от этих двух грязных существ, так это он. Это его судьба.

— Это не весь мир, это просто Луна, — с мрачным осуждением сказала Элси. Она стояла перед мусоросжигателем, переодеваясь в одежду, которую сняла накануне вечером. Она носила ее уже неделю, и Игнат заметил, не без тени удовольствия, что жена на верном пути к тому, чтобы стать гебом: большего ей и не требовалось.

И это было хорошо — быть гебом. Потому что гебы нашли истинный путь, избавились от

ненужного.

Открыв дверь хижины, Игнат вновь вышел на улицу, где было все так же холодно.

— Куда ты? — закричала ему вслед Элси.

— Мне нужен совет, — коротко объяснил Игнат и закрыл за собой дверь, а затем в сопровождении докучливых кошек отправился на поиски шиза Омара Даймонда.

* * *

Благодаря своим сверхъестественным психическим способностям Игнат телепортировался по Луне, пока наконец не нашел Омара, заседающего вместе с другими кланами в Адольфвилле. Игнат левитировал на уровень шестого этажа огромного каменного здания, стучал и заглядывал в окна до тех пор, пока люди внутри не заметили его и не подошли, чтобы открыть окно.

— Боже, Ледебур, от тебя воняет, как от козла, — тут же заявил Говард Строу. — Два геба в одной комнате — это отвратительно.

Он брезгливо отвернулся, отошел в сторону и уставился в пустоту, сдерживая присущий всем манам гнев.

— Какова цель вашего вторжения? — нервно поинтересовался у Игната представитель клана

паров Габриэль Бэйнс. — У нас тут вообще-то собрание!

Игнат Ледебур телепатически доложил Омару Даймонду о неотложности своего визита. Даймонд выслушал его, со всем согласился, и они, объединив свои навыки, покинули зал Совета. Омар и Даймонд шли по травянистому полю, усыпанному грибами. Некоторое время оба молчали, развлекаясь тем, что пинали грибы.

Наконец Даймонд сказал:

— Мы уже обсуждали вторжение.

— Оно прибудет в Гандитаун, — сказал Игнат. — У меня было видение. Те, кто прилетит, они…

— Да-да, — раздраженно начал Даймонд, — мы знаем, что это хтонические силы, я ознакомил делегатов других кланов с имеющейся у нас информацией. От хтонических сил нельзя ожидать ничего хорошего, потому что их слишком много. Подобно пресмыкающимся гадам, они погрузятся в землю и увязнут в теле планеты.

— В теле Луны, — хихикнув, поправил собрата Игнат.

— Да, Луны.

Даймонд закрыл глаза, но продолжал идти, не сбиваясь с шага, хотя больше не мог видеть дорогу. Игнат понял, что его друг впал в кратко-

временную, добровольную кататонию. Все шизы были способны к кататонии. Игнат молча ждал. Остановившись, Омар Даймонд пробормотал что-то неразборчивое.

Игнат вздохнул и сел на землю, рядом с ним стоял погруженный в транс Омар, и не было слышно других звуков, кроме слабого шелеста деревьев, окаймляющих луг.

Вдруг Даймонд заговорил:

— Давай объединим силы и сможем увидеть вторжение куда более ясно. — Его слова вновь превратились в непонятное бормотание. Игнат вздохнул. Даже святого это раздражало.

— Свяжись с Сарой Апостолес. Втроем мы четко разглядим врага, он предстанет перед нами. Мы будем контролировать их обоих прямо здесь.

Игнат мысленно позвал Сару, спящую в своей лачуге в Гандитауне. Он почувствовал, как она проснулась, зашевелилась, пробормотала что-то и застонала, поднимаясь с койки, чтобы, пошатываясь, встать на ноги.

Игнат и Омар ждали Сару. И вскоре она появилась, одетая в мужское пальто, мужские брюки и кроссовки для тенниса.

— Прошлой ночью, — сказала она, — мне приснился сон. Некие существа витают поблизости,

готовясь явить себя.

Ее круглое лицо было искажено беспокойством и ноющим, разъедающим страхом, что придавало ему уродливый сморщенный вид. Игнату стало жаль ее. Она никогда не была способна укрыться от разрушительных эмоций, слишком привязанная к собственному телу и его недугам.

— Прошу вас, присаживайтесь, — сказал Игнат.

— Заставим их появиться сейчас, — сказал Даймонд, — здесь, прямо на этом месте. Начнем.

Он наклонил голову, Игнат и Сара последовали его примеру. Находясь рядом, они усиливали свои способности к провидению. Они боролись сообща. Время шло, и никто из троих не знал, сколько минуло часов, пока то, что они видели, расцветало рядом, подобно черному бутону.

— Вот оно, — сказал Игнат и открыл глаза. Сара и Даймонд сделали то же самое. Они посмотрели в небо и увидели опускающийся хвостом вниз корабль. У них все получилось.

Выпуская клубы пара, корабль прилунился в сотне ярдов справа. Игнат осознал, что это был самый большой корабль, который ему доводилось видеть. Ему тоже было страшно, но он, как всегда, держал эмоции под контролем. Прошло много

лет с тех пор, как ему приходилось иметь дело с фобией. Сара же, напротив, была парализована ужасом, наблюдая за кораблем. Тот вздрогнул и замер, открылся люк, и пассажиры приготовились покинуть огромный трубчатый организм, созданный из металла и пластика.

— Пусть подойдут, — сказал Омар, снова закрывая глаза. — Пусть увидят нас. Пусть заметят и окажут должное уважение.

Игнат тут же присоединился к товарищу, испуганная Сара через пару секунд последовала за ними, настолько быстро, как смогла.

Из люка корабля высунулся трап. Двое терран шаг за шагом спустились на землю.

— Омар, может, нам стоит использовать чары? — с надеждой в голосе спросил Игнат.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил Даймонд. — Я не занимаюсь магией.

— Мы с Игнатом справимся, — сказала Сара. — Давай превратим их в мирового паука? Пусть плетет паутину жизни на земле.

— Согласен, — кивнул Игнат и приступил к обычному для себя делу — созданию мирового паука или, как сказала бы Элси, лунного паука.

Перед двумя фигурами возникло мерцающее переплетение нитей паутины, наспех сотканной

неустанными усилиями паука. Терране замерли. Один из них пролепетал что-то нечленораздельное. Сара рассмеялась.

— Если вам так весело забавляться с пришельцами, — сурово произнес Омар, — то вы потеряете над ними ту власть, которую мы сейчас имеем.

— Мне жаль, — все еще смеясь, сказала Сара. Но было уже слишком поздно. Искрящаяся паутина растворилась в воздухе. К своему ужасу, Игнат увидел, как то же самое сделали Омар и Сара. Игнат остался один. Их Триумвират был уничтожен минутной слабостью. Травяное поле исчезло. Вместо него Игнат сидел на куче мусора во дворе своего дома в центре Гандитауна.

Чужеземцы восстановили контроль над своими действиями. Им удалось вновь вернуться к собственным планам. Поднявшись, Игнат подошел к двум сошедшим с трапа корабля фигурам, которые теперь неуверенно оглядывались по сторонам. Под ногами Игната привычно путались кошки, он споткнулся и чуть не упал. Выругавшись про себя, он оттолкнул зверьков, пытаясь изобразить подобие серьезности и достоинства. Однако это было невозможно. Позади распахнулась дверь хижины, и на пороге показалась Элси, испортив мужу последнюю попытку сохранить

лицо перед захватчиками.

— Кто это такие? — завопила она.

— Понятия не имею, но собираюсь выяснить! — раздраженно крикнул в ответ Игнат.

— Передай им, чтобы убирались отсюда к чертовой матери, — уперев руки в бока, потребовала Элси.

В течение многих лет она принадлежала к классу манов и все еще проявляла высокомерие и враждебность, которым научилась в Да Винчи-Хайтс. Не зная врага, она была готова броситься в гущу битвы. «Возможно, — подумал Игнат, — с консервным ножом и кастрюлькой в руках». Эта мысль позабавила его, и он рассмеялся, и остановиться уже не мог, и именно в таком состоянии подошел к непрошеным гостям.

— Что тут смешного? — спросила женщина.

— Вы помните, как дважды приземлились? — вытирая мокрые от смеха глаза, спросил Игнат. — Помните паука? Не помните.

Это позабавило его еще больше: терране даже не вспомнили об их усилиях, об их триаде одаренных святых. Для них ничего не произошло, они даже иллюзии не заметили. Однако Игнат, Сара и Омар потратили на это все вои силы. Игнат смеялся все громче и громче, а тем временем

к двум захватчикам присоединился третий, а затем и четвертый.

Один из них, мужчина, оглядываясь по сторонам, вздохнул:

— Господи боже, что это за место? Горы мусора…

— Это поправимо, — уверил Игнат.

Ему удалось взять себя в руки и перестать смеяться. Кивнув в сторону останков ржавеющего трактора, на которых играли дети, он сказал:

— Не могли ли вы быть столь любезны, чтобы протянуть мне руку помощи и посодействовать в ремонте моего сельскохозяйственного оборудования? Если бы вы помогли хоть немного…

— Конечно-конечно, — сказал один из мужчин, — мы поможем вам прибраться.

Он поморщился от отвращения, очевидно, почувствовал запах или увидел что-то, что его оскорбило.

— Пойдемте в мой дом, — сказал Игнат, — выпьем кофе.

Он повернулся к хижине, после паузы трое мужчин и женщина последовали за ним.

— Прошу меня извинить, у нас тесновато, — сказал Игнат. — Да и не прибрано…

Он толкнул дверь, на этот раз большинству

кошек удалось протиснуться в лачугу. Наклонившись, Игнат поднял их одну за другой и выбросил обратно на улицу. Четверо гостей неуверенно вошли внутрь и с крайне несчастным видом остановились.

— Садитесь, — призвав на помощь толику вежливости, сказала Элси. Она поставила на плиту чайник и зажгла конфорку. — Уберите все со скамейки, — приказала она. — Ставьте, куда получится, хоть на пол.

Четверо терран неохотно, с ощутимым отвращением, сбросили кучу грязной детской одежды на пол и сели на скамейку. Они были ошеломлены, Игнат не понимал, в чем дело.

— Не могли бы вы… — запинаясь, сказала женщина, — прибраться тут, у себя дома? Как вы живете в таком… — Не в силах продолжать, она махнула рукой.

Игнат почувствовал себя виноватым. Но, в конце концов, было так много более важных дел и так мало времени. Ни он, ни Элси, казалось, не могли найти возможность исправить положение. Конечно, было неправильно оставлять хижину в таком состоянии, но… Он пожал плечами. Возможно, когда-нибудь в ближайшее время они все исправят. И, вероятно, захватчики могли бы им

помочь, у них мог быть с собой рабочий симулякр, который все бы тут прибрал. У манов были такие, но они стоили слишком дорого. Возможно, терране одолжили бы ему сима бесплатно.

Из норы за холодильником выбежала крыса и пробежала по полу. Терранка, заметив грубое маленькое ружье, которое несла крыса, закрыла глаза и застонала. Варивший в этот момент кофе Игнат ухмыльнулся. Что ж, никто не просил их приезжать сюда. Если им не нравится Гандитаун, они могут уехать.

Из спальни показались малыши. Они молча уставились на захватчиков. Те сидели, не шевелясь и ничего не говоря, с тоской ожидая, пока приготовится кофе, не обращая внимания на вытаращенные пустые детские глаза.

* * *

В большом зале Совета Адольфвилля вдруг заговорил геб Джейкоб Симион:

— Они приземлились. В Гандитауне. Они у Игната Ледебура.

Разъяренный Говард Строу сказал:

— А мы тут все сидим и разговоры разговариваем! Хватит пустой болтовни! Их нужно уничтожить! У нас им делать нечего, вы соглас-

ны? — Он ткнул пальцем в Бэйнса.

— Я согласен, — отозвался Бэйнс, отодвигаясь подальше от мана. — А как вы узнали?

Геб хихикнул:

— А вы не заметили? Астральное тело. Это был Игнат, но вы этого не помните. Он прилетел, забрал Омара, но вы все забыли, ведь этого и не было. Захватчики разорвали их связь, разлучили троицу, разделили Игната и остальных.

Безнадежно глядя в пол, деп произнес:

— Они собрались слишком поздно. Захватчики уже здесь.

Говард Строу холодно расхохотался:

— Они сейчас в Гандитауне. Кому до этого есть дело? Никого эта помойка не волнует. Лично я был бы рад, если бы они эту свалку с лица земли стерли. Это выгребная яма, и все, кто живет там, воняют, как помойные псы.

Отшатнувшись, словно от удара, Джейкоб Симион пробормотал:

— Мы, гебы, по крайней мере, не так жестоки. — Он сморгнул беспомощные слезы.

Смакуя услышанное, Говард Строу ухмыльнулся и подтолкнул локтем Габриэля Бэйнса.

— Разве у вас нет необходимого оружия в Да Винчи-Хейтс? — спросил его Габриэль.

Он прекрасно чувствовал, что слова мана о Гандитауне сказаны не просто так. Маны, по всей видимости, не намеревались оказывать сопротивление до тех пор, пока их поселение не окажется под угрозой. Они не стали бы использовать изобретательность своих гиперактивных умов для общей защиты. Давние подозрения Бэйнса в отношении Строу оправдались.

— Мы не можем пустить Гандитаун псу под хвост, — нахмурившись, сказала Аннет Голдинг.

— Псу под хвост, — эхом отозвался Строу. — Отличная идея! Все мы можем! У нас есть оружие! Мы его еще ни разу не применяли. Оно способно уничтожить любую армаду врага. Мы их вышвырнем, когда захотим.

Строу оглядел других делегатов, наслаждаясь моментом и силой своего положения — все остальные зависели от него.

— Я знал, что в кризисной ситуации ты поступишь именно так, — с горечью сказал Габриэль Бэйнс.

Как же он их ненавидел! У манов напрочь отсутствовала мораль, они были столь эгоцентричными и высокомерными, что просто не могли работать на общее благо. Еще раз убедившись в этом, Бэйнс дал себе слово при малейшей

возможности отомстить Строу. Отомстить за все. На самом деле, Бэйнс понимал, что, появись возможность поквитаться со всем его кланом, это было бы тем, ради чего стоит жить. Сегодня маны на высоте, но это ненадолго.

«Стоит пойти к этим захватчикам, — подумал Бэйнс, — и заключить с ними пакт от имени жителей Адольфвилля. Они и мы против Да Винчи-Хайтс». Чем больше Бэйнс думал об этом, тем больше ему нравилась эта идея.

— Есть какие мысли, Габи? — спросила Аннет, пристально глядя на него. — У тебя такой вид, словно ты задумал нечто необыкновенное.

Как и все поли, Аннет обладала острым восприятием, она безошибочно прочла эмоции, изменившие его лицо.

Габриэль решил солгать. Пришлось сказать неправду.

— Думаю, — заявил он, — мы можем пожертвовать Гандитауном. Нам придется сдать этот район, он станет их колонией, они создадут там базу или что-то еще по своему усмотрению. Нам это может не нравиться, но…

Он пожал плечами. А что им оставалось?

— В-вы не заботитесь о нас только потому, что мы не такие чистоплотные, как вы, — грустно

произнес Джейкоб Симион. — Я возвращаюсь в Гандитаун к своему клану. Если им суждено погибнуть, я погибну вместе с ними.

Он поднялся, с громким стуком опрокинув стул.

— Вы предатели, — добавил геб и неровной походкой направился к выходу.

Остальные делегаты смотрели ему вслед, в их позах и взглядах читались разные оттенки безразличия, и даже заботившаяся обо всех и вся Аннет Голдинг выглядела спокойной.

И все же на миг Габриелю Бэйнсу стало грустно. Для многих из них судьба была предрешена: порой пары, поли, шизы или даже маны незаметно для себя самих становились гебами. Это могло произойти с каждым и в любой момент.

И теперь, случись это с кем-то из них, им просто некуда будет идти. Что станет с гебами без Гандитауна? Эта мысль напугала его.

— Постой! — окликнул он Джейкоба.

Джейкоб остановился на пороге — жалкий, неуклюжий, неряшливый и, как всегда, небритый. Он обернулся, и в его запавших глазах мелькнул огонек надежды.

— Вернись. Нам стоит действовать сообща, — обратился он к ману. — Сегодня это Гандитаун,

завтра Гамлетсити, шизы или мы сами. Неприятель будет захватывать поселение за поселением. Пока не останется только Да Винчи-Хайтс.

Неприязнь к Строу придала его голосу резкости и ядовитости. Бэйнс не узнавал собственных интонаций.

— Я голосую за то, чтобы мы использовали все наши ресурсы и попытались отвоевать Гандитаун. Мы должны занять там оборонительную позицию, — заявил он решительно.

«Прямо посреди гор мусора, навозных куч и ржавеющей техники», — напомнил себе и поморщился.

— Я согласна с Бэйнсом, — после паузы сказала Аннет Голдинг.

Все проголосовали за. Лишь Строу высказался против.

Решение было принято.

— Строу, — живо предложила Аннет, — готовьте свое орудие, которым вы только что хвастались. Вам, манам, будет позволено возглавить операцию и вернуть Гандитаун. Ваша воинственность тут как раз кстати. А вы, Габриэль, поможете все организовать.

Теперь, когда все было решено, Аннет казалась совершенно спокойной.

— Мистер Строу, — мягко обратилась к нему Ингред Хибблер, — стоит отметить, что если война будет вестись вблизи Гандитауна и в нем самом, то ущерба для других поселений не будет. Вы это учитываете?

— Вот представьте — в Гандитауне драка, — протянул Строу, — и месиво будет по пояс в… Даймонд, Симион, нам понадобятся все святые шизы и гебы, все провидцы, чудотворцы и псионики, которых мы только сможем найти. Ваши кланы предоставят такую возможность? Мы наймем их.

— Думаю, да, — ответил Даймонд.

Симион кивнул.

— Благодаря чудо-оружию Да Винчи-Хайтс, благодаря талантам шизов и гебов, — сказала Аннет, — мы должны быть в состоянии оказать нечто большее, чем просто сопротивление.

— Если мы узнаем полные имена захватчиков, — подхватила мисс Хибблер, — то сможем составить нумерологические карты и выявить их слабые места. А если у нас будут и даты их рождения…

— Мне видится, — перебила ее Аннет, — что оружие манов, организаторские способности паров в сочетании с даром предвидения шизов и

гебов — это гораздо полезнее.

— Спасибо вам, — сказал Джейкоб Симион, — за то, что не бросили Гандитаун.

Он признательно посмотрел на Бэйнса, и тот впервые за месяцы, возможно, даже годы, почувствовал, что его защитные барьеры рушатся. Он наслаждался — пусть и ненадолго — чувством расслабления, близким к эйфории. Появился человек, не собирающийся нанести ему вреда. И даже если этот кто-то — всего лишь геб, это все равно значило многое.

Бэйнс вспомнил о детстве. До того, как он принял решение стать паром.

7

Доктор Мэри Риттерсдорф прогуливалась по заваленной мусором центральной улице Гандитауна.

— Я в жизни ничего подобного не видела, — бормотала она в изумлении. — Клинический случай! Безумие! Полагаю, все эти люди страдают гебефренией. Ужасно! Столько грязи!

Что-то внутри Мэри велело ей покинуть это место, навсегда убраться восвояси. Вернуться на Терру, продолжать консультации по вопросам семьи и брака и забыть, что она когда-либо ви-

дела это все.

Мысль о том, чтобы начать с этими людьми курс психотерапии, заставила ее содрогнуться. Увы, тут не помогут ни медикаментозная терапия, ни электрошок. Перед ней была последняя стадия психического заболевания, точка невозврата.

Стоявший рядом молодой агент ЦРУ Дэниел Мэйджбум спросил:

— Значит, по-вашему, тут у всех гебефрения? Я могу доложить об этом официально?

Взяв Мэри под руку, Дэниел помог ей перешагнуть через останки какого-то крупного животного, чьи ребра в лучах полуденного солнца напоминали зубцы огромной изогнутой вилки.

— Да, это очевидно. Вы видели дохлых крыс, валявшихся у двери той лачуги? Меня тошнит. Желудок наизнанку выворачивает! Сейчас так уже никто не живет. Даже в Индии и Китае такого не увидишь. Мы словно вернулись на четыре тысячи лет назад, именно так, должно быть, жили синантропы и неандертальцы. Только без ржавых тракторов и прочей техники.

— Мы можем выпить, — предложил Мэйджбум. — На корабле есть выпивка.

— Выпивка мне не поможет, — уныло заметила

Мэри. — Знаете, что мне напоминает это богом забытое место? Дрянную старую квартирку, в которую переехал мой муж, когда мы расстались.

Мэйджбум вздрогнул и моргнул.

— Да, я замужем, — в подтверждение своих слов добавила Мэри. — Я ведь вам уже говорила.

Реакция Мэйджбума удивила ее, во время полета она свободно обсуждала с ним свои семейные проблемы. Дэниел — хороший слушатель, решила Мэри.

— Я не могу поверить в ваши слова. Сравнение неточное, — сказал агент и пристально посмотрел на нее. — Здесь налицо симптомы группового психоза, а ваш муж никогда не жил в таких условиях, у него не было психического расстройства.

— Откуда вы знаете? — запинаясь, спросила Мэри. — Вы с ним никогда не встречались. Чак был и все еще остается болен. Я знаю, что говорю, у него есть скрытая склонность к гебефрении. Он всегда уклонялся от социальной ответственности и супружеского долга. Я рассказывала вам обо всех моих попытках заставить его искать работу, которая гарантировала бы разумную оплату.

Конечно, Мэйджбум и сам работал в ЦРУ, Мэри вряд ли могла рассчитывать на его сочувствие по этому поводу. Пожалуй, лучше было бы оста-

вить эту тему. Все вокруг и так выглядело весьма удручающе. Мэри не хотелось вновь вспоминать жизнь с Чаком.

По обе стороны от нее гебы — так они себя называли, коверкая точный медицинский термин «гебефреники» — глазели на них с глупым выражением лиц, то и дело бессмысленно ухмылялись, не испытывая при этом даже подобия любопытства. В нескольких метрах впереди показалась белая коза. Мэри и Дэниел настороженно остановились, ни один из них ни разу в жизни не встречал коз. Животное прошло мимо.

«Гебефреники, — подумала Мэри, — по крайней мере, с таким диагнозом у пациентов на любой стадии болезни не отмечалось агрессии». Но существовали, этого Мэри не забывала, иные, гораздо более коварные психические расстройства, которых следовало остерегаться. Неизбежным оставался тот факт, что скоро появятся и другие. Те, что страдают маниакально-депрессивным синдромом, в фазе обострения такие пациенты демонстрировать весьма деструктивное поведение.

Встречался и еще один более страшный диагноз. Деструктивность маниакального состояния проявлялась ограниченно и импульсивно, в

худшем случае это походило на истерику, временную ломку и желание крушить все вокруг. Но в конечном итоге все симптомы затухали. Однако был и другой случай. При острой паранойе враждебность становилась системной и постоянной, она не ослабевала, а, наоборот, нарастала и становилась все более извращенной. Параноики обладают аналитическим складом ума и способны на расчетливые действия. Люди с подобным расстройством имеют вескую причину для своего поведения, каждый их шаг вписывается в определенную схему. Враждебность при паранойе имеет менее выраженный насильственный характер, но в долгосрочной перспективе такое поведение устойчиво к терапии, поскольку вылечить или даже вывести такого пациента в ремиссию практически невозможно. Как и гебефреники, параноики показывают стабильную и неизменную дезадаптацию.

В отличие от маниакально-депрессивного синдрома, гебефрении или простой кататонической шизофрении параноидальный синдром, кажется, имеет в своей основе рациональное зерно. В рассуждениях параноика присутствует формальная логика. Однако в глубине души он страдает от страшного психического расстройства, какое

только возможно для человека. Параноик не способен к сопереживанию, не может поставить себя на место другого. Из этого следует, что для человека с подобным диагнозом не существует других людей, за исключением неких объектов, влияющих на его самочувствие. Десятилетиями было модно говорить, что параноики неспособны любить, но это оказалось неправдой. Они в полной мере способны переживать, чувствуя как настроение других людей, так и свои собственные эмоции. Впрочем, в этом и крылась небольшая загвоздка.

Параноик воспринимает происходящее как проявление ненависти.

— Согласно моей теории, — сказала Мэри, — здешнее общество поделено на классы по типам их психических заболеваний. Нечто похожее было в Древней Индии. Если так рассуждать, то гебефреники неприкасаемы. А маньяки, возможно, воины, не знающие страха. У них тут высокое положение.

— Как у самураев в Японии, — подсказал Мейджбум.

— Да, — кивнула Мэри. — Тогда параноики, или точнее будет назвать их параноидальными шизофрениками, представляют местный класс

государственных деятелей. Они отвечают за разработку политической идеологии и социальных программ. А вот простые шизофреники… — Мэри задумалась. — Они тут как поэты, а некоторые еще и религиозные провидцы. Как гебы. Однако гебы, скорее, склонны к аскетизму и ведут себя подобающим образом, а шизофреники способны породить догматиков. Пациенты с полиморфной шизофренией могут представлять людей творческих, генерирующих новые идеи.

Мэри попыталась вспомнить, какие еще существуют виды психических расстройств.

— Возможно, некоторые страдают сверхвалентными идеями, психическими расстройствами — запущенной формой обсессивно-компульсивного невроза, так называемого диэнцефального расстройства. Они могут работать клерками, быть должностными лицами, ритуалистическими функционерами, не продвигающими никаких идей. Их консерватизм уравновесил бы радикальные качества полиморфных шизофреников и придал бы обществу стабильность.

— Можно подумать, что у них тут все неплохо устроено, — резюмировал Дэниел. — Чем же они отличаются от нашего общества на Терре?

Мэри задумалась. Это был хороший вопрос.

— У вас нет ответа? — спросил Мэйджбум.

— У меня есть ответ, — поразмыслив, предположила она. — Лидерство в этом обществе, естественно, досталось бы параноикам, они выдающиеся личности с точки зрения инициативы, интеллекта и просто врожденных способностей. Конечно, у них были бы проблемы с удержанием маньяков от организации государственного переворота. Между двумя классами всегда чувствовалось бы напряжение. Но у параноиков, устанавливающих, видите ли, идеологию, доминирующей эмоциональной темой служила бы ненависть. На самом деле, ненависть развивалась бы в двух направлениях: руководство ненавидело бы всех за пределами своего анклава, а также считало бы само собой разумеющимся, что все ненавидят его в ответ. Следовательно, вся их так называемая внешняя политика заключалась бы в создании механизмов, с помощью которых можно было бы бороться с этой предполагаемой ненавистью, направленной против них. И это вовлекло бы все общество в иллюзорную борьбу, битву с врагами, которых не существовало. За пустую победу.

— А что в этом плохого? — не понимал Дэн.

— Плохо то, — ответила Мэри, — что незави-

симо от того, как бы все обернулось, результат всегда будет один: полная изоляция. Таков конечный итог их деятельности: постепенно отрезать себя ото всех живых существ.

— Но разве плохо быть самодостаточными? — пожал плечами Мейджбум.

— В принципе нет, — ответила Мэри. — Но речь тут не о самодостаточности, это нечто другое, совершенно другое, что-то, чего мы с вами действительно не можем себе представить. Помните, раньше проводились эксперименты с полной изоляцией людей? Еще в середине двадцатого века, когда на пороге первых космических странствий пребывание человека в полном одиночестве без каких-либо контактов увеличивалось до нескольких дней, а то и недель подряд… Помните, какими были результаты, когда человека поместили в камеру без возможности связаться с другими людьми, а после вновь восстановили связь?

— Конечно, — серьезно кивнул Дэн. — Это сейчас называется «баги». Острый галлюциноз — результат депривации.

Мэри кивнула:

— Зрительные, слуховые, тактильные и обонятельные галлюцинации, заменяющие отсутствующие стимулы. По интенсивности, по яркости

воздействия на человека галлюциноз может превзойти реальность. Может вызвать состояние страха. Галлюцинации, вызванные наркотиками, способны ввести в состояние ужаса, невозможного в реальном мире.

— Почему невозможного? — уточнил Мейджбум.

— Потому, что наркотики имеют абсолютную силу. Они накапливаются в системе рецепторов человека и дают обратный импульс — сигнал, исходящий не откуда-то издалека, а из собственной нервной системы человека. От этого невозможно уйти, — объяснила Мэри, — и наркоманы знают это. Обратной дороги нет.

— А это-то здесь при чем? Вы можете сказать?

— Могу. Но все не так просто. Во-первых, я пока не знаю, насколько далеко здешнее общество продвинулось в плане самоизоляции. Скоро мы это узнаем. Увидим по тому, как они примут нас. Гебы, которые обитают тут, — она указала на лачуги по обе стороны грязной дороги, — их отношение приятным не назовешь. Однако при первой встрече с параноиками и маньяками… Можно сказать так… Несомненно, в некоторой степени они уже галлюцинируют, это часть их мировоззрения. Но они все еще сохраняют ощу-

щение объективной реальности как таковой. Наше присутствие здесь усилит их склонность к галлюцинациям. Мы еще столкнемся с этим, нужно быть готовыми. В их галлюцинациях мы страшная угроза. На наш корабль будут смотреть буквально, я хочу сказать, фактически как на угрозу. Что они точно увидят в нас, так это то, что мы вторглись в их мир, чтобы уничтожить его, сделать их нашими сателлитами.

— Но так и есть. Мы собираемся забрать у них руководство, вернуть их туда, где они были двадцать пять лет назад, — в психушку, на принудительную госпитализацию, другими словами, в плен.

Мысль была правильной. Но недостаточно хорошей.

— Существует разница, которую вы не отметили, — сказала Мэри. — Она небольшая, но жизненно важная. Мы попытаемся вылечить этих людей. Фактически попытаемся дать им то положение в обществе, которое они тут по случайности занимают. Если у нас все получится, то в конечном счете они станут здесь, на Луне, законными поселенцами и будут сами собой управлять. Сначала это смогут делать некоторые из них, а затем к полноценной жизни станут

возвращаться все больше и больше людей. Это не плен, даже если они так себе его представляют. В тот момент, когда каждый человек освободится от своего психоза, он обретет способность воспринимать реальность без искажения…

— Вы считаете возможным убедить этих людей добровольно возобновить статус госпитализированных? — усомнился Мейджбум.

— Нет, — ответила Мэри, — нам придется применить силу. Лишь некоторые из гебов пойдут добровольно, большинство воспротивится. Нам придется оформить документы для целой планеты. Или, скорее, луны.

— Если бы вы не поправились, не сказали бы «луна», я имел бы все основания арестовать вас, — бесстрастно произнес Мэйджбум.

Пораженная услышанным, Мэри уставилась на него. Казалось, агент не шутил. Его молодое лицо было мрачным.

— Это всего-навсего оговорка, — пояснила Мэри.

— Я понял, — согласился Мэйджбум. — Но симптом налицо.

Он улыбнулся с холодной снисходительностью. От недоумения и неловкости Мэри вздрогнула. Что он имел против нее? Или она становилась

параноиком? Возможно, так оно и было, но... Мэри чувствовала огромную враждебность, исходящую от агента, которого она едва знала. На протяжении всего полета Мэри ощущала эту странную, необоснованную враждебность. Она присутствовала с самого начала, с того момента, когда они встретились.

* * *

Переведя симулякра в режим гомеостазиса, Чак Риттерсдорф выключил режим управления, с трудом поднялся с кресла, стоящего рядом с панелью управления, и закурил сигарету. По местному времени было десять часов вечера.

На Альфе III M2 симулякр, работая в автономном режиме, занимался своими делами. При возникновении какого-либо кризиса принять управление мог Петри. Перед Чаком тем временем вырисовывалась новая проблема — пришло время писать первый сценарий для Банни Хентмана, второго работодателя Чака.

Теперь у него был запас стимуляторов, которые вручил ему ганимедский слизевик, когда встретился с ним сегодня утром. Очевидно, Чак мог рассчитывать, что проработает всю ночь с их помощью, но сначала нужно было немного

перекусить.

В вестибюле здания ЦРУ Риттерсдорф остановился у будки видеофона и позвонил в офис Джоан Триест. «Будь что будет», — подумал он.

— Привет, — увидев Чака, поздоровалась Джоан. — Слушай, сюда звонил мистер Хентман, искал тебя, — сообщила она. — Тебе стоит с ним связаться. Он сказал, что звонил в ЦРУ в Сан-Франциско, но ему ответили, что никогда о тебе не слышали.

— Такова политика, — пожал плечами Чак. — Ладно, я ему позвоню. Поужинаем вместе?

— Не думаю, что ты сегодня вообще поужинаешь, со мной или без меня, — с сожалением заметила Джоан. — Судя по тому, что сказал мистер Хентман, у него есть какая-то идея. Он хочет обсудить с тобой все. Сказал, что, узнав подробности, ты не откажешься.

— Ничего удивительного, — ответил Чак.

Он смирился. По-видимому, работа с Хентманом всегда будет строиться подобным образом.

Временно позабыв о Джоан и планах, он набрал номер, который ему предоставили в конторе Хентмана.

— Риттерсдорф! — воскликнул Хентман, как только появилась связь. — Приезжайте прямо

сюда. Я в своей квартире во Флориде. Возьмите аэротакси, я оплачу. Ваше тестовое задание у меня, на месте посмотрим, насколько вы хороши.

Это был резкий переход от напоминающего свалку поселения гебов на Альфе III M2 к сверхидеям Банни Хентмана. И переключиться будет трудно. Возможно, во время перелета получится перезагрузить мозги, да и поесть можно прямо на борту. Но это исключает ужин и общение с Джоан. Работа Чака уже начала разрушать его личную жизнь.

— Расскажите мне все сейчас, — попросил Чак. — Пока я до вас долечу, успею обмозговать.

Глаза Хентмана хитро блестнули, он ухмыльнулся.

— Вы шутите? А если кто подслушает? Я дам вам подсказку, Риттерсдорф. Я думал об этом, когда нанимал вас, но, — его ухмылка стала шире, — я не хотел вас отпугнуть, понимаете? А теперь вы на крючке, так что все идет по плану.

Он громко рассмеялся.

— Просто расскажите мне, о чем речь, — спокойно повторил свою просьбу Чак.

Хентман наклонился к видеосканеру. Теперь экран заполнял лишь его огромный нос и подмигивающий глаз. Заговорщическим шепотом

он сообщил:

— Это новое амплуа. Я собираюсь добавить его в свой репертуар. Его будут звать Джордж Флиб. Как только я расскажу вам, кто это, вы поймете, зачем я вас нанял. Флиб — агент ЦРУ. Он выдает себя за брачного консультанта для женщин. Так он будет получать информацию о подозреваемых.

Хентман выжидательно замолчал:

— Ну? Что скажете?

Выждав паузу, Чак произнес:

— Это худшая идея из тех, что я слышал за последние двадцать лет.

Слова начальника расстроили его.

— Вы не понимаете, что говорите, — горячо возразил Хентман. — Я знаю, как это работает, а вы нет. Этот персонаж, быть может, станет самым известным со времен Фредди Фрилоудера [4] Рэда Скелетона. И именно вы напишете сценарий, потому что у вас есть опыт. Так что приезжайте ко мне как можно скорее и приступайте к съемкам первой серии Джорджа Флиба. Хотя ладно. Если это вам не по душе, тогда что вы можете предложить?

---

[4] Примечания: 4

Фредди Фрилоудер — клоун-бродяга, известный персонаж комика Рэда Скелетона.

— А как насчет брачного консультанта, который выдает себя за агента ЦРУ, чтобы получить информацию для лечения его пациентов? — спокойно осведомился Чак.

— Вы меня разыгрываете? — не поверил Хентман.

— Нет, ну правда, как вам… Симулякр ЦРУ…

— Вы все-таки шутите. — Хентман покраснел, на экране видеофона его лицо потемнело.

— Я никогда в жизни еще не был так серьезен, — уверил его Риттерсдорф.

— Ладно, что у вас там с этим симулякром? — сдался Хентман.

— Симулякр ЦРУ, — пустился в объяснения Чак, — выдает себя за брачного консультанта. Но время от времени он ломается.

— А они, симулякры эти, правда так могут? — изумился Хентман. — Ломаться.

— Постоянно, — холодно подтвердил Чак.

— Что ж, продолжайте, — нахмурившись, сказал Хентман.

— Представьте, — интригующе улыбнулся Чак, — суть в том, что симулякр, черт возьми, ничегошеньки не знает о супружеских проблемах. И при этом раздает советы людям. Дав один совет, он уже не может остановиться. Даже ремонтиру-

ющие его же механики «Дженерал Дайнемикс» получат парочку наставлений. Понимаете?

Потирая подбородок, Хентман медленно кивнул:

— Хм…

— Должна же быть некая причина, — продолжил Чак, — почему этот сим себя так ведет. Мы расскажем о его сборке. Первый эпизод начнется с того, как инженеры «Дженерал Дайнемикс», которые…

— Я понял! — перебил его Хентман. — У одного из инженеров, назовем его Фрэнк Фрапп, проблемы в браке. Он встречается с семейным консультантом. Та проанализирует его проблемы и даст рекомендации — запишет все в специальный бланк. И Фрэнк возьмет эти бумаги с собой в лабораторию «Джен Ди». А там уже будет стоять новенький симулякр, ожидающий начала программирования.

— Отлично! — воскликнул Чак.

— И… Фрапп прочтет другому инженеру, назовем его Филом Круком, эти рекомендации. Вслух. Симулякр случайно запрограммируется и будет думать, что он брачный консультант. Но на самом деле это заказ ЦРУ, и тайна раскроется… — Хентман задумался. — Где это может случиться,

мистер Риттерсдорф?

— За железным занавесом. Пусть будет в Коммунистической Канаде, — предложил Чак.

— Точно! — обрадовался Хентман. — В Канаде, в Онтарио. Скажем, он выдаст себя за продавца искусственной кожи. Разве они не этим занимаются?

— Вроде бы, я точно не помню, — отмахнулся Чак.

— Но вместо этого, — пылко продолжал Хентман, — он снимет небольшой офис, развесит там всякую всячину — Джордж Флиб, психолог, доктор философских наук, семейный консультант. И эти высокопоставленные партийные коммунисты с кучей семейных проблем валом повалят!

Хентман задыхался от возбуждения.

— Риттерсдорф, черт побери, это лучшая идея, которую я слышал на своем веку! — признал он. — И эта парочка инженеров из «Дженерал Дайнемикс»! Они постоянно будут в кадре — появляться, пытаясь починить сима, заставить его работать корректно… Слушайте, прямо сейчас берите аэротакси до Флориды и по пути набросайте все эти мысли, может, по приезде вы уже сочините какой-нибудь диалог. Я думаю, мы и правда наткнулись на что-то стоящее, вы знаете… ваш

мозг и мой… они и впрямь синхронизируются, не находите?

— Думаю, так и есть, — подыграл ему Чак. — Я скоро буду.

Он уточнил адрес, отключился и с усталым видом вышел из будки видеофона. Он чувствовал себя опустошенным и ни за что на свете не мог сказать, хорошая получилась придумка или плохая. Но Хентман в сказанное поверил, и это было главным.

Воспользовавшись аэротакси, Риттерсдорф добрался до космопорта Сан-Франциско, там пересел в экспресс-ракету, которая должна была доставить его во Флориду.

Конапт Банни Хентмана выглядел роскошно, все его уровни находились под землей, а входы и коридоры охранялись полицией. Чак назвал свое имя первому подошедшему к нему полицейскому и через пару минут уже спускался на этаж Банни.

В огромной комнате его встретил Банни Хентман, облаченный в халат из марсианского шелка ручной работы. Вальяжно развалившись в кресле, он покуривал здоровенную зеленую сигару «Тампа Флорида». Хентман нетерпеливо кивнул, приветствуя Чака, а после представил других

мужчин в гостиной.

— Риттерсдорф, знакомьтесь, это ваши коллеги, сценаристы. Этот высокий, — он указал сигарой на одного из мужчин, — Дарк Кэльв.

Дарк неспеша подошел к Чаку и пожал ему руку.

— А низкорослый лысый толстяк, — продолжал хозяин дома, — мой главный сценарист Джонс Сездей.

Темнокожий энергичный мужчина с резкими чертами лица сделал шаг вперед и тоже обменялся с прибывшим коллегой рукопожатием. Оба новых знакомых казались дружелюбными, Чак не ощутил с их стороны никакой враждебности. Видимо, его присутствие их не задело.

— Присаживайтесь, Риттерсдорф, — обратился к нему Дарк. — Перелет был долгим. Выпьете чего-нибудь?

— Нет, — отказался Чак. Он хотел сохранить ясное мышление для предстоящей работы.

— Ты ужинал? — спросил Хентман.

— Да.

— Я рассказал парням о твоей идее, — сказал Хентман. — Думаю, мы можем перейти на «ты»? — добавил он. — Ребятам, кстати, все понравилось.

— Отлично, — ответил Чак.

— Однако, — продолжил Хентман, — они тут покрутили эту идею и придумали свое продолжение… Понимаешь, о чем я?

— Я был бы рад услышать, что их идея основана на моей, — без обиняков заявил Чак.

Кашлянув, Джонс задал вопрос:

— Мистер Риттерсдорф, может ли симулякр убить человека?

Его слова привели Чака в ступор. Некоторое мгновение он молчал, уставившись на коллегу, потом честно ответил:

— Я не знаю, — и вздрогнул, будто ему внезапно стало холодно. — Вы имеете в виду, сам по себе? В автономном режиме?

— Я имею в виду, может ли человек, который им дистанционно управляет, использовать симулякра как орудие для убийства? — пояснил Джонс.

— Я не вижу в этом ничего смешного, — обращаясь к Банни Хентману, сказал Чак. — Так вся соль этой истории просто-напросто растворится.

— Постой! — воскликнул тот. — Ты забываешь о старых добрых черных комедиях. О сочетании юмора и ужаса. Взять, к примеру, «Кота и кана-

рейку» [5], тот фильм с Полетт Годдард и Бобом Хоупом или знаменитый «Мышьяк и старые кружева» [6], не говоря уже о ставших классикой британских комедиях, в которых кого-то убивали… Раньше их были десятки.

— А еще чудесный фильм «Добрые сердца и короны» [7], — подсказал Джонс.

— Ясно, — отозвался Чак и замолчал. Он держал рот на замке, в то время как внутри все закипало от шока и невозможности поверить в происходящее. Было ли это просто дурацким совпадением? Или эта история развивалась параллельно его собственной жизни? Или — это казалось более вероятным — слизевик что-то сообщил Банни. Но если так и есть, то зачем сценаристы Хентмана взялись за это? Какой интерес у них был к жизни и смерти Мэри Риттерсдорф?

— Я думаю, — сказал Хентман, — у ребят есть хо-

---

[5] Примечания: 5

«Кот и канарейка» — американский немой фильм ужасов, киноверсия пьесы в жанре черной комедии 1927 года.

[6] Примечания: 6

«Мышьяк и старые кружева» — классическая американская черная комедия режиссера Фрэнка Капры, снятая по одноименной пьесе Джозефа Кесселринга (1939).

[7] Примечания: 7

«Добрые сердца и короны» — британская «черная комедия», поставленная Робертом Хеймером по мотивам романа Роя Хорнимана «Израэль Рэнк: Автобиография преступника» (1907).

рошая идея. Самое страшное в том, что… Чак, ты там работаешь, поэтому, возможно, не осознаешь этого, но обычные люди боятся ЦРУ, понимаешь? Они видят в нем секретную межзвездную полицейскую и шпионскую организацию, которая…

— Я знаю, — кивнул Чак.

— Так вот, тебе необязательно рубить с плеча, — заявил Банни, посмотрев на Дарка и Джонса.

— Чак, если я могу к тебе так обращаться, — делая шаг вперед, начал Дарк. — Мы свое дело знаем. Когда некий Джо думает о симуляторе ЦРУ, он сразу же пугается. Когда ты поделился своими мыслями с Банни, ты об этом не подумал. Итак, оператор ЦРУ, давай назовем его…

Он повернулся к Джонсу:

— Какое у нас там рабочее имя?

— Зифгрид Тротц.

— Вот, Зигги Тротц, секретный агент. Пальто из урановой молекулярной ракушки, надвинутая на лоб шляпа из венерианского вубфуззa и все такое, — набросал образ Дарк. — Стоит под дождем на какой-нибудь луне, может, на одной из лун Юпитера. Знакомое зрелище.

— И потом, Чак, — подхватил рассказ Джонс, — как только картинка закрепляется в сознании зрителя, создается некий стереотип… Зритель

вдруг обнаруживает в Зигги Тротце нечто такое, чего он не знал, что обычно бывает в образе плохого парня из ЦРУ. Понимаешь?

— Видишь ли, — продолжил Дарк, — Зигги Тротц — идиот. Придурок, который никогда и ничего не может сделать правильно.

Дарк подошел и сел на диван рядом с Чаком.

— И вдруг — он собирается совершить убийство. Понял?

— Да, — натянуто ответил Чак, стараясь говорить как можно меньше и больше слушать. Окончательно сбитый с толку, он весь внутренне сжался. Происходившее вокруг казалось ему подозрительным.

— Итак, кого он попытается убить? — Дарк посмотрел на Джонса и Хентмана. — По этой части у нас возникли разногласия.

— Шантажист, — предположил Банни, — мировой ювелирный магнат, заправляющий всем с другой планеты. Возможно, не человек.

Чак, закрыв глаза, раскачивался туда-сюда.

— Что такое, Чак? — спросил Дарк.

— Он так думает, — ответил Банни. — Примеряет идею. Верно, Риттерсдорф?

— Да… Верно, — выдавил из себя Чак.

Теперь он был уверен в том, что Раннинг Клэм

встречался с Хентманом. Нечто огромное и зловещее разворачивалось вокруг него, захватывало щупальцами. В этой стихии Чак ощущал себя всего лишь малюсенькой мошкой. Шансов выбраться у него не было.

— А я не считаю такой поворот хорошим, — продолжил Дарк. — Мировой ювелирный магнат, возможно, с Венеры или Марса — образ неплохой. — Он махнул рукой. — Но это еще один стереотип. Думаю, он мог бы прикончить, скажем… свою жену.

Дарк торжествующе оглядел присутствующих.

— А что в этом удивительного? — пожал он плечами. — Представьте, у него сварливая пассия. А он жесткий, несгибаемый, секретный агент ЦРУ, которого обычный человек до смерти боится… Мы видим, какой он крутой, как помыкает людьми, а потом он возвращается домой, где им помыкает женушка!

Сценарист весело рассмеялся, пребывая в восторге от собственной фантазии.

— Неплохо, — признал Банни. — Но этого мало. Интересно, как долго я смогу озвучивать персонажей? Мне нужны будут новые и новые имена. Это долгоиграющий проект, а не шоу на одну неделю.

— Думаю, что этот маменькин сынок из ЦРУ мог бы развлекаться вечно, — сказал Дарк и вновь повернулся к Чаку. — Итак, в следующий раз зрители увидят Зигги Тротца на работе, в штаб-квартире ЦРУ, где куча всяких полицейских устройств и гаджетов…

Дарк вскочил и начал расхаживать по комнате.

— Он может всем этим воспользоваться! Плюс еще этот новый симулякр! — Подражая имитаторам, Дарк заговорил скрипучим, металлическим голосом: — Что я могу для вас сделать, создатель? Я готов.

— Что скажешь, Чак? — ухмыляясь спросил Банни.

— Вы считаете, что единственный мотив для убийства — это тот факт, что его жена строптива? Что она запугивает его? — спросил Риттерсдорф.

Вопрос прозвучал холодно и напряженно, но увлеченные обсуждением коллеги этого не заметили.

— Нет-нет! — воскликнул Джонс. — Чак прав, нам нужна более серьезная мотивация, и я думаю, у меня есть идея. Это девушка — любовница Зигги. Шпионка с другой планеты, красивая и сексапильная. А жена не дает ему развод.

— Или же, — подхватил его мысль Дарк, — жена узнала про интрижку на стороне и…

— Постойте, — вмешался Банни, — у нас тут психологическая драма или комедия? Это все звучит сумбурно.

— Ты прав, — кивнул Джонс. — Мы всего-навсего пытаемся показать, какое чудовище его жена. Но Зигги видит этого симулякра и…

Он замолчал. В комнату вошел новый гость.

Это был альфанец. Один из представителей хитиновой расы, несколько лет назад вступившей в конфликт с терранами. Приближаясь к Банни, он перебирал своими многосуставчатыми руками. Альфанцы были слепыми. Поэтому пришелец использовал антенны-усики, нежно поглаживая ими Банни по лицу, определяя на ощупь, кто перед ним. Затем он повернулся и двинулся назад, довольный тем, что оказался там, где хотел быть… Его безглазая голова повернулась. Принюхавшись, он уловил присутствие других людей.

— Я помешал? — спросил он своим певучим, похожим на перелив струн арфы альфанским говором. — Я услышал ваш разговор, и мне стало интересно.

— Чак, — обратился к Риттерсдорфу Банни, — знакомься, это мой старый добрый друг.

Я доверяю ему больше, чем кому-либо в своей жизни. Его зовут ЭрБиЭкс 303. У альфанцев имена — это номерные знаки, что-то вроде кода. Просто ЭрБиЭкс 303. Звучит обезличенно, но на самом деле альфанцы очень добрые. У них золотое сердце, — он хихикнул, — точнее, два сердца. По одному с каждой стороны туловища.

— Рад познакомиться, — машинально сказал Чак.

Альфанец подполз к нему и провел усиками по его лицу. «Ощущение, словно пара мух ползает, — решил Чак. — Неприятно».

— Мистер Риттерсдорф, — пропищал альфанец, — я очень рад, очень! Банни, а кто тут еще с тобой? Я чувствую запах…

— Это Дарк и Джонс, мои сценаристы, — ответил Банни. — ЭрБиЭкс 303, — пояснил он Чаку, — магнат и крупный бизнесмен, дилер разных коммерческих предприятий ТЕРПЛАНа. Видишь ли, ЭрБиЭкс 303 владеет контрольным пакетом акций «Пабтранс Инкорпорейтед». Это тебе о чем-нибудь говорит?

На мгновение Чак задумался, а потом до него дошло. «Пабтранс Инкорпорейтед» спонсировала шоу Банни Хентмана.

— Ты хочешь сказать, что… — Он чуть было не

договорил: «Все это принадлежит нашим врагам?» Но вовремя осекся. С одной стороны, все было очевидно, с другой — враги были бывшими. Сейчас терране и альфанцы жили в мире. Война уже отошла в прошлое.

— Ты никогда раньше не встречал альфанцев? — язвительно спросил Банни, — А зря. Они замечательные. Отзывчивые и с потрясающим чувством юмора. «Пабстранс» спонсируют меня отчасти потому, что сам ЭрБиЭкс 303 верит в меня и мой талант. Он много сделал для того, чтобы я, простой комик, выступающий по ночным клубам, создал собственное телешоу. Оно стало успешным потому, что «Пабтранс» проделал чертовски хорошую работу по привлечению зрителей.

— Понятно, — деревянно промямлил Чак. Ему стало нехорошо, но причину своего состояния он объяснить не мог. Возможно, потому, что не до конца понимал всю ситуацию.

— Альфанцы обладают телепатией? — спросил он, зная, что это не так. Но казалось, новый знакомый знал сверхъестественно много. Интуиция подсказывала Чаку, что альфанец знает вообще все. Не было секретов, которые пришелец не мог бы узнать и раскрыть.

— Нет, они не телепаты, — сказал Банни, — но у них острый слух. Он заменяет им зрение, которого они лишены.

Он пристально посмотрел на Чака:

— У тебя какие-то проблемы с телепатией? Ты ведь прекрасно помнишь, во время войны терране знали о противнике все. И ты не столь уж молод, чтобы не застать те времена. Ты был юн, но помнить должен.

— Я скажу, что беспокоит мистера Риттерсдорфа, — внезапно заговорил Дарк. — Раньше я чувствовал то же самое. Чака наняли за его идеи. И он не хочет, чтобы у него в голове кто-то копался. Его идеи остаются его идеями до тех пор, пока он не решил их обнародовать. Если бы тут оказался, скажем, ганимедский слизевик, это было бы, черт возьми, нечестно. Это было бы вторжением. Мы бы превратились в машины, идеи возникали бы в наших головах извне. Не беспокойся, Чак, ЭрБиЭкс 303 не может читать твои мысли. Все, на что он способен, — это внимательно прислушиваться к тонкостям. Ко всем крошечным нюансам того, о чем вы говорите… но порой удивительно, сколько он может обнаружить. Из альфанцев получаются отличные психологи.

— Я сидел в соседней комнате, — пояснил аль-

фанец, — читал журнал и слушал ваш разговор об этом новом ужасном персонаже Зифгриде Тротце. Мне стало интересно, и я решил зайти. Я отложил журнал и пришел. Что-то не так?

— Никто не против твоего присутствия, — заверил друга Банни.

— Ничто так не забавляет и не увлекает меня, как творческие встречи твоих одаренных сценаристов, Банни, — признался альфанец. — Мистер Риттерсдорф, я никогда раньше не видел вас за работой, но уже могу сказать: вам есть что добавить. Однако я чувствую ваше отвращение, очень глубокое отвращение к линии, которую принял разговор. Могу я спросить, что именно вы находите столь предосудительным в Зигфриде Тротце и его желании избавиться от неприятной супруги? Вы женаты, мистер Риттерсдорф?

— Да, — ответил Чак.

— Быть может, эта сюжетная линия пробуждает в вас чувство вины, — задумчиво предположил альфанец. — А может, у вас есть неосознанные враждебные намерения по отношению к вашей жене?

— Притормози, ЭрБиЭкс, не лезь к нему, — одернул друга Хентман. — Чак и его жена разводятся. Она уже подала в суд. Личная жизнь Чака — это

сугубо его дело. Мы здесь не для того, чтобы препарировать его психику. Давайте вернемся к сценарию.

— Я по-прежнему утверждаю, — заявил альфанец, — что в реакции мистера Риттерсдорфа есть что-то очень необычное и нетипичное, и я хотел бы выяснить почему.

Он повернул свою шишкообразную безглазую голову в сторону Чака.

— Возможно, при последующих встречах я узнаю причину. У меня такое чувство, что это знание пошло бы на пользу и вам тоже, мистер Риттерсдорф.

— Может, ты и прав, — задумчиво почесав нос, сказал Хентман и покосился на Чака. — А может, он просто не хочет говорить. Я все равно считаю, что в любом случае это его личное дело.

— Я просто не вижу в этом ничего смешного, поэтому для меня это, — Чак чуть было не сказал «отвратительно», но сдержался, нашел нужное слово, — сомнительно.

— А у меня сомнений нет, — отрезал Банни. — Я попрошу наш реквизиторский отдел изготовить полую фигуру, в которую кто-нибудь сможет влезть. Это будет намного дешевле и ответственнее, чем покупать настоящего симулякра. И нам

нужна будет девушка на роль жены Зигги. То есть моей жены, раз я играю Зигги.

— А что насчет подружки? — уточнил Джонс. — Подружка у него будет?

— В этом есть один плюс, — ответил коллеге Джонс. — Мы могли бы сделать ей большую грудь. Увеличить. Это понравилось бы многим зрителям. Иначе мы бы застряли меж двух огней: плоской любовницей и сварливой безгрудой женой. Женщины такого склада, как его благоверная, подобных операций не делают.

— У тебя есть на примете подходящая актриса? — спросил его Банни, держа наготове блокнот и ручку.

— Ты же знаешь, с этой новой фрау работает твой новый агент, — напомнил боссу Дарк. — Новенькая цыпочка… Пэтти… как ее… Пэтти Уивер. Грудь у нее что надо! Медики, должно быть, добавили пару-тройку размеров.

— Я назначу ей встречу сегодня вечером, — решил Банни. — Я знаю ее, она хороша. Как раз подойдет. И еще нам нужна будет воинственная старая карга на роль сварливой женушки. Может, стоит предложить Чаку провести кастинг?

И Банни Хентман разразился неприятным ухающим совиным смехом.

8

Когда поздно ночью уставший Чак Риттерсдорф вернулся в Калифорнию в свой богом забытый конапт, в округе Марин было три часа ночи. В коридоре его остановил Раннинг Клэм. «Это уже слишком», — подумал Чак.

«В вашей квартире два человека, — сообщил ему слизевик. — Я подумал, что вас стоит заранее предупредить».

— Благодарю, — ответил Чак, задумавшись о том, с чем ему теперь придется иметь дело.

«Один из них ваш босс в ЦРУ — Джек Элвуд, — уточнил всезнающий сосед, — второй — босс мистера Элвуда, некто Роджер Лондон. Они здесь, чтобы допросить вас о вашей второй работе».

— Я никогда не скрывал от них свою вторую работу, — сказал Чак. — Когда Хентман пришел сюда, чтобы нанять меня, он познакомился с Мэйджбумом, которым управлял в тот момент Пит Петри. Поэтому эти ребята в курсе, чем я занимаюсь.

Но, хотя голос его звучал ровно, Чак обеспокоился причиной, по которой ЦРУ решило сунуть сюда свой нос.

«Так и есть, — согласился слизевик, — но, ви-

дите ли, у них есть видеозапись, на которой вы сначала позвонили Джоан Триест, а после во Флориду, мистеру Хентману. Так что они не только в курсе, что вы работаете на мистера Хентмана, но и знают о сценарии, который вы…»

Теперь все стало ясно. Не дослушав, Чак прошел мимо слизевика. Дверь квартиры оказалась не заперта, он открыл ее и встретился лицом к лицу с двумя агентами ЦРУ.

— На дворе ночь, — вместо приветствия напомнил Чак. — Что-то случилось?

Он подошел к шкафу — старинной кладовке — и повесил пальто. В квартире было достаточно тепло, пришедшие первыми сотрудники ЦРУ включили калориферную систему отопления.

— Это он? — спросил Лондон, сутулый, седеющий мужчина высокого роста, лет под пятьдесят. Они с Чаком встречались пару раз, и последний находил Лондона человеком трудным. — Это Риттерсдорф?

— Да, — ответил Элвуд. — Чак, выслушайте нас внимательно. Есть факты о Банни Хентмане, которых вы не знаете. Это касается вашей безопасности. Теперь нам известна причина, по которой вы согласились на эту работу. Мы в курсе, что вы были вынуждены пойти на это.

— Да, — с осторожностью согласился Чак.

Они никак не могли знать, что живущий напротив слизевик-телепат оказал на него давление.

— Мы полностью осознаем всю сложившуюся с вашей бывшей женой Мэри ситуацию: долгий суд и алименты, которые она смогла получить. Мы знаем, что вам нужны деньги, чтобы все оплатить. Но…

Он взглянул на Лондона. Тот кивнул, и Элвуд наклонился, чтобы расстегнуть молнию на своем портфеле.

— У меня тут досье на Хентмана, — сообщил он. — Его настоящее имя Сэм Литтл. Во время войны он был осужден по обвинению в нарушении правил, регулирующих торговлю с нейтральными государствами. Другими словами, Хентман поставлял необходимые врагу товары через некий промежуточный канал связи. Однако он провел в тюрьме всего год, у него были весьма толковые адвокаты. Мне продолжать?

— Продолжайте, — ответил Чак. — Потому что я вряд ли смогу уволиться на том основании, что пятнадцать лет назад…

— Ладно, — перебил его Элвуд, обменявшись многозначительным взглядом с Лондоном. — После войны Сэм Литтл, или Банни Хентман, как

его теперь называют, проживал в системе Альфа. Что он там делал, никто не знает. На территории, контролируемой Альфой, от наших информаторов толку ноль. Как бы то ни было, около шести лет назад он вернулся на Землю с кучей инопланетных денег и начал выступать с комедийными номерами в ночных клубах, а позднее его взялась спонсировать корпорация «Пабтранс»…

— Я знаю, — вставил Чак, — что альфанец владеет «Пабтранс». Я встречался с ним. Его зовут ЭрБиЭкс 303.

Лондон и Элвуд уставились на Чака.

— Вы *встречались* с ним? — Что вы знаете о ЭрБиЭкс 303? — не терпящим возражения тоном спросил Элвуд. — Во время войны его семья контролировала крупнейший комбинат военных товаров в системе Альфа. Его брат сейчас состоит в кабинете министров Альфы, подчиняясь непосредственно Альфа-дожу. Следовательно, когда вы имеете дело с ЭрБиЭкс 303, вы имеете дело с альфанским правительством.

Он бросил Чаку досье:

— Вот, прочтите остальное.

Риттерсдорф просмотрел аккуратно набранный текст. В конце документа имелось краткое содержание, прочесть которое не составило тру-

да. Подготовившие досье агенты ЦРУ полагали, что ЭрБиЭкс 303 действовал скрытно, в интересах инопланетной сверхдержавы, и Хентман был осведомлен об этом. Поэтому их деятельность находилась под пристальным надзором ЦРУ.

— Причина, по которой Хентман предложил вам эту работу, — сообщил Элвуд, — не та, о которой вы думаете. Ему не нужен еще один сценарист, у него их уже пятеро. У нас другое мнение, и мы пришли им поделиться. Мы считаем, что это как-то связано с вашей бывшей женой.

Чак ничего не ответил, продолжая рассеянно просматривать бумаги.

— Альфанцы, — продолжил Элвуд, — хотели бы вновь завладеть Альфой III M2. И единственный способ сделать это законно — заставить населяющих ее терран покинуть свой дом. В противном случае, согласно межпланетному законодательству, вступают в силу протоколы, принятые в 2040 году. Луна становится собственностью ее поселенцев, а поскольку эти поселенцы — терране, косвенно Альфа III M2 является собственностью Терры. Заставить поселенцев покинуть Луну альфанцы не могут, но присматривают за ними, прекрасно понимая, что местное общество — это бывшие пациенты нейропсихиатрического

госпиталя Гарри Стека Салливана, который мы основали там перед войной. Душевнобольные. Единственные, кто мог бы вывезти людей с Альфы III M2, — это терране: либо ТЕРПЛАН, либо Служба здравоохранения и социального обеспечения США. Мы могли бы эвакуировать Луну и тем самым не допустить ее захвата.

— Но никто не собирается эвакуировать поселенцев, — возразил Чак.

Ему казалось, что об этом не может быть и речи. Произойдет одно из двух: либо терране оставят жителей Альфы III M2 в покое, либо будет построена новая лечебница, куда принудительно всех и отправят.

— И учтите, — хрипловатым, низким голосом сказал Лондон, — альфанцы, как никто, склонны к обману. Война была для них большим и рискованным шагом. И они проиграли. Другого способа вести дела они не знают.

Чак кивнул. Это было правдой. И все же по-прежнему не имело смысла. Как он мог повлиять на решение Мэри? Хентману было известно, что они с женой развелись. Мэри была на Альфе III M2, а он был здесь, на Терре. И даже будь они оба на Альфе, Мэри никогда бы его не послушала. Все решения она всегда оставляла за собой.

Если альфанцы знали, что Чак управляет симулякром…

Он просто не мог в это поверить, это было невозможно.

— С этого момента нам четко понятен ход их мыслей, — сказал Элвуд. — Мы можем ошибаться, но по общим фразам, тут и там услышанным обрывкам речи, мы выяснили, что альфанцы, похоже, собираются подтолкнуть вас к убийству бывшей супруги.

Чак ничего не ответил. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Время шло, разговор прервался, молчание становилось тягостным. Элвуд и Лондон смотрели на Чака с любопытством, недоумевая, почему он ничего не говорит.

— Давайте начистоту! — рявкнул, не выдержав, Лондон. — У нас есть информатор среди людей Хентмана. Кто этот человек, не имеет значения. Он сообщил нам, что в сценарии, предоставленном вам по прибытии во Флориду Хентманом и его командой, говорится о симулякре ЦРУ, убивающем женщину, супругу главного героя, который сам служит в ЦРУ. Это так?

Чак медленно кивнул, не сводя глаз с точки на стене справа от Элвуда и Лондона.

— Предполагается, что созданный сценарий, —

продолжил Лондон, — натолкнет вас на мысль убить миссис Риттерсдорф с помощью симулятора ЦРУ. Хентман и его альфанские приятели, конечно, не знают, что симулятор ЦРУ уже находится на Альфе III M2 и что вы им управляете. Будь они в курсе, они бы…

Он замолчал, а затем медленно произнес:

— Тогда бы они осознали, что разрабатывать столь сложный сценарий, чтобы подсказать вам идею, нет необходимости, потому что, возможно, вы уже и сами об этом подумываете.

Повисла пауза. Лондон внимательно смотрел на Чака.

— Интересное предположение, — сказал Элвуд. — Я бы до такого с ходу не додумался, может, со временем, конечно… Чак, если хотите, вы можете отказаться от вашего участия в этом деле. Оставьте управление Мэйджбумом нам. Это однозначно докажет, что у вас и в мыслях не было ничего подобного.

Подбирая каждое слово, Чак ответил:

— Вне всякого сомнения, я продолжу свою работу.

Было очевидно, что, пойдя навстречу, он признал бы их правоту, согласился бы с тем, что они разглядели его намерения. Но не только поэтому

он не хотел отказываться от работы с Мэйджбумом. Причина была все той же и весьма веской: он все еще хотел убить Мэри.

— Если с миссис Риттерсдорф что-нибудь случится, — подытожил Лондон, — вы станете основным подозреваемым.

— Я понимаю, — со скованностью в голосе ответил Чак.

— Так что, пока вы управляете симулякром, — продолжил Лондон, — вам лучше сделать так, чтобы он защищал миссис Риттерсдорф.

— Хотите знать мое мнение? — поинтересовался Чак.

— Конечно, — сказал Лондон, и в знак согласия Элвуд кивнул.

— Все это абсурдная выдумка, основанная на обрывочных данных некого агента с богатым воображением в этой области, того, кто, очевидно, слишком долго общался с телеведущими. Если я убью Мэри, как это изменит ее решение относительно Альфы III M2 и местных психопатов? Умри она, ее просто заменят, и решение примет кто-то другой.

— Я думаю, — обращаясь к своему боссу, сказал Элвуд, — что мы имеем дело не с убийством, а с покушением на убийство. С угрозой, направлен-

ной на доктора Риттерсдорф, чтобы заставить ее подчиниться. Это, конечно, при условии, что задумка Хентмана принесет свои плоды, что идеи, заложенные в том сценарии, повлияют на вас.

— Вы, похоже, думаете, что я был бы этому рад? — съехидничал Чак.

— Я думаю, — ответил Элвуд, — это весьма интересное совпадение, что именно вы управляете симулякром, находящимся сейчас рядом с Мэри. Именно такое развитие событий и предполагает сценарий Хентмана. Так каковы шансы…

— Более правдоподобное объяснение, — перебил его Чак, — заключается в том, что Хентман каким-то образом узнал, что я управляю симулятором, и развил свою идею исходя из ситуации. Вы знаете, что это значит.

Подтекст был очевиден. Несмотря на все сказанное агентами, в ЦРУ завелись «крысы». Или…

Или возможен был другой вариант развития событий. Раннинг Клэм извлек информацию из подсознания Чака и передал ее Банни Хентману. Поначалу сосед Чака шантажировал его, чтобы тот согласился на эту работу, а теперь выясняется, что Раннинг Клэм и Банни Хентман действовали сообща, чтобы с помощью шантажа заставить Чака действовать в их интересах. Сценарий для

шоу был разработан не для того, чтобы внушить ему идею убийства Мэри. Благодаря Раннингу Клэму Хентман знал, что в голове Чака уже созрела точно такая же идея.

Сценарий же должен был косвенно, но ясно показать, что они все знают. И если он не сделает так, как ему велят, то правда будет транслироваться по телевидению, очевидно, на всю Солнечную систему. Семь миллиардов человек узнают о его планах убить жену.

Чаку приходилось признать, что это являлось веской причиной для сотрудничества с Хентманом, чтобы играть по их правилам. Так они заполучили Чака быстрее. У них уже многое получилось: большие «шишки» из ЦРУ Западного побережья что-то заподозрили. И, как сказал Лондон, если с Мэри что-нибудь случится…

И все же Чак по-прежнему намеревался довести задуманное до конца. Или, скорее, попытаться это сделать. И не только в качестве угрозы, способной заставить Мэри отстаивать определенную политику в отношении психов, как хотели люди Хентмана. Чак намеревался довести дело до конца, как изначально и планировал. Зачем, он не знал. Ведь теперь ему больше не нужно было видеться с ней и жить вместе под одной крышей…

Почему же ее смерть была столь важна для него?

Как ни странно, но Мэри, возможно, была единственным человеком, способным читать его мысли, будь у нее такая возможность. Того требовала ее работа.

Невольная ирония доставила ему удовольствие. И несмотря на то что рядом находились два агента ЦРУ, не говоря уже о вездесущем слизевике в дальнем конце конапта, подслушивающем их мысли, Чак чувствовал себя неплохо. Он был сообразителен. Он противостоял сразу двум опытным группировкам: ЦРУ и компании Хентмана. И там и там работали профессионалы, но Чак осознавал, что в конечном итоге он получил то, что нужно ему, а не им. Слизевик, вне всякого сомнения, подслушал их разговор. Чак надеялся, что он расскажет все Хентману. Чак хотел, чтобы Банни все знал.

* * *

Как только агенты ЦРУ покинули конапт, под запертую дверь просочился слизевик, заняв место в центре лежащего от стены до стены ковра.

В трансляции его мыслей слышались нотки негодования:

«Мистер Риттерсдорф, уверяю вас, я никогда не

встречался с мистером Хентманом! До того дня, когда он явился сюда, чтобы заполучить вашу подпись на контракте, я его никогда не видел».

— Вы негодяй! — бесстрастно заметил Чак, пошел на кухню и налил себе кофе.

Было уже больше четырех часов утра, но благодаря запрещенным стимуляторам, которыми его снабдил Раннинг Клэм, Чак не чувствовал усталости.

— Вы все время подслушиваете. Разве у вас своей жизни нет? — с досадой заметил он.

«В одном я согласен с вами, — слизевик пропустил издевку мимо ушей, — должно быть, мистер Хентман, готовя этот сценарий, знал о ваших чувствах к жене. В противном случае совпадение слишком велико. Возможно, среди нас есть еще один телепат кроме меня, мистер Риттерсдорф».

Чак взглянул на него.

«Это может быть ваш коллега из ЦРУ. Пока вы управляете Мэйджбумом на Альфе III М2, кто-то там читает ваши мысли. Это может быть один из местных психопатов. Я считаю, что отныне моя обязанность — помогать вам всеми имеющимися способами. Я хочу наглядно продемонстрировать вам свою добропорядочность. Я буду отчаянно стремиться очистить свое доброе имя. Я сделаю

все, что в моих силах, чтобы найти передававшего информацию Хентману телепата, и таким образом…»

— Может, это Джоан Триест? — внезапно перебил поток его «яканий» Чак.

«Нет, я знаю ее способности, она бы не смогла. Она психоник, как вам известно. Она умеет лишь управлять временем. — Слизевик задумался. — Если только… Есть другой способ, мистер Риттерсдорф, с помощью которого можно было бы догадаться о ваших намерениях. Это была бы психоническая сила предвидения… Провидец, заглядывающий в будущее, мог бы знать его наперед. Мы не должны упускать это из виду. По крайней мере, это доказывает, что телепатический фактор — не единственное объяснение осведомленности Хентмана о том, что вы намерены сделать по отношению к жене».

Чак должен был признать, что рассуждения назойливого соседа не лишены логики.

«На самом деле, — заметно пульсируя от волнения, сказал слизевик, — это могло произойти и непроизвольно. Один из ваших близких вдруг увидел будущее, тот, кто даже не знает, что имеет способность к предвидению. Например, кто-то из людей Хентмана. Или даже он сам».

— Хм… — рассеянно произнес Чак, наливая горячий кофе себе в чашку.

«Ваш будущий жизненный путь, — заметил слизевик, — наполнен впечатляющей жестокостью убийства женщины, которую вы боитесь и ненавидите. Это ужасающее действие, возможно, активизировало спящий до сего момента талант предвидения мистера Хентмана. Не осознавая, из чего он черпал вдохновение, он получил эмоции для своего сценария… Часто психонические способности работают именно так. Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что так оно и было. Следовательно, я полагаю, что доводы ваших коллег из ЦРУ беспочвенны. Хентман и его коллега-альфанец не намерены предъявлять вам какие-либо “доказательства” ваших намерений. Они просто делают, что говорят, пытаются состряпать годный сценарий для телешоу».

— А как насчет того, что в ЦРУ утверждают об интересе альфанцев к Альфе III M2? — спросил Чак.

«Быть может, так оно и есть. Отчасти, — признал слова соседа слизевик, — для альфанцев это нормально — не сдаваться и продолжать надеяться… В конце концов, Луна находится в их системе. Но, откровенно говоря, если я могу так

выразиться, сказанное вашими агентами ЦРУ просто поражает жалким наборов случайных подозрений, парой-тройкой разрозненных фактов, связанных между собой сложной теоретической структурой, в которой каждому приписываются недюжинные способности к интригам. Простая точка зрения видится мне более логичной, и, будучи сотрудником ЦРУ, вы должны знать, что, как и всем разведывательным агентствам, вашей организации не хватает здравого смысла».

Чак пожал плечами.

«На самом деле, — продолжил слизевик, — если можно так выразиться, ваше неугасающее желание отомстить жене отчасти проистекает из того, что вы годами общаетесь с сотрудниками разведывательного аппарата».

— Тут вам стоит признать одну вещь, — перебил его Чак. — То, что Хентман вместе со своими сочинителями состряпали подобный сценарий, для меня огромная проблема.

«Не повезло вам еще и в том, что скоро лично вы будете писать диалоги для всего этого, хотя это довольно забавно. — Раннинг Клэм усмехнулся. — Возможно, именно вы придадите истории реалистичность. Хентман будет в восторге от вашего понимания мотивов Зигги Тротца».

— Откуда вам известно, что главного героя будут звать Зигги Тротц? — Прежние подозрения тут же вернулись к Чаку.

«Вы сами об этом подумали», — с привычной логикой объяснил слизевик.

— Тогда, полагаю, вы можете прочесть в моей голове еще и то, что я хочу, чтобы вы ушли. Мне надо побыть одному.

Говоря это, Чак все еще не чувствовал и толики усталости. Ему хотелось взяться за сценарий.

— Да-да, конечно, — послушно согласился сосед.

Вскоре Чак остался в комнате один. Единственным различимым звуком стало движение машин на улице. Допивая кофе, Чак задержался у окна, а затем сел за пишущую машинку и нажал кнопку. Аппарат привычно вставил в слот для бумаги чистый лист.

«Зигги Тротц, — с отвращением подумал Чак. — Господи, что за имечко! Какого человека так назовут? Только полного придурка, одного из Трех балбесов [8]. Кого-то столь ущербного, чтобы

---

[8] Примечания: 8

Три балбеса — трио американских артистов водевиля, а также комедийных актеров, период активности которых пришелся на 1922–1970-е годы. Известны по своим ролям в 190 короткометражных фильмах студии Columbia Pictures, которые регулярно транслировались на телевидении.

зациклиться на убийстве собственной жены».

С профессиональной осторожностью Чак начал продумывать первую сцену. Зигги был дома, конечно, размеренно занимался каким-нибудь безобидным делом. Быть может, читал вечерний гомеопейп. А некая гарпия — его женушка — жужжала бы ему в уши о своих делах. «Да, — подумал Чак, — у меня точно получится написать об этом достаточно правдоподобно. Многолетний опыт мне поможет».

Он начал печатать.

Он писал несколько часов, поражаясь, насколько эффективными оказались гексоамфетаминовые стимуляторы. Он не чувствовал усталости, скорее, наоборот, он работал быстрее и энергичнее, чем раньше. В половине восьмого утра, когда золотые лучи солнца коснулись улицы, Чак с трудом встал, пошел на кухню и принялся готовить завтрак. «Не стоит забывать и о другой моей работе, — сказал он себе. — В восемь тридцать поеду в ЦРУ. К Дэниелу Мэйджбуму».

Стоя у пишущей машинки с кусочком тоста в руке, Чак просматривал напечатанные им страницы. Все выглядело неплохо, он профессионально писал диалоги уже много лет. Теперь нужно оформить экпресс-доставку и отправить

готовые сцены в офис Хентмана в Нью-Йорк, в течение часа комик уже все прочтет.

В двадцать минут девятого, бреясь в ванной, Чак услышал видеозвонок. С тех пор, как он установил видеофон, по нему еще ни разу не звонили.

Чак подошел к аппарату и ответил:

— Слушаю.

На крошечном экранчике появилось девичье лицо с потрясающе красивыми ирландскими чертами. Чак моргнул.

— Мистер Риттерсдорф? — осведомилась незнакомка. — Меня зовут Патриция Уивер, я только что узнала, что Банни Хентман предложил мне роль в телешоу, для которого вы пишете сценарий. Я и решила попросить у вас копию текста, умираю от желания прочесть все сама. Многие годы я молилась о шансе попасть в шоу мистера Хентмана. Это, черт побери, восхитительное шоу!

У Чака был копировальный аппарат марки «Термофакс», он мог сделать столько копий, сколько потребуется.

— Я пришлю вам то, что уже написал, — решил Чак. — Но до конца пока не доделал, да и Банни еще нечего не видел и не одобрил. Не имею по-

нятия, что он оставит, а что вырежет. Может, все полетит в мусорное ведро.

— Судя по тому, как Банни о вас отзывался, я уверена, что он все примет, — сказала Патриция. — Отправьте, пожалуйста, копию. Дать вам мой адрес? Я живу неподалеку. Вы в Северной Калифорнии, а я в Лос-Анджелесе, в Санта-Монике. Мы могли бы встретиться, если хотите. Я почитаю вам свои реплики, а вы послушаете.

«Ее реплики. Боже мой, — подумал Чак, — я же не написал ни одной сцены с ней! Стройная, с большой грудью, увеличенными сосками, агент разведки!»

Был лишь один способ решить эту проблему: взять перерыв в ЦРУ на полдня, посидеть дома и написать еще несколько диалогов.

— Патриция, — обратился к девушке Чак, — я принесу вам копию. Дайте мне время до вечера. — Он взял ручку и бумагу. — Диктуйте адрес.

К черту этого Мэйджбума! Чак никогда в жизни не встречал такой симпатичной девушки. Все остальное вдруг стало посредственным и далеким.

* * *

Записав адрес, Чак дрожащими руками повесил трубку видеофона, затем тут же упаковал готовые страницы для Банни Хентмана. По пути в Сан-Франциско он опустил конверт в ракетэкспресс. Сидя в здании ЦРУ, Чак, скорее всего, мог бы придумать диалог и для мисс Уивер, к обеду успел бы все записать, а к восьми часам вечера имел бы уже готовый текст. «В конце концов, — решил он, — дела идут не так уж плохо». Безусловно, все складывалось намного лучше по сравнению с той кошмарной жизнью, где Мэри еще была его женой.

Добравшись до здания ЦРУ на Сэнсам-стрит, Чак вошел в знакомые широкие ворота.

— Риттерсдорф, — раздался рядом знакомый голос, — пройдите, пожалуйста, в мой кабинет.

Это был толстый и угрюмый Роджер Лондон, с неудовольствием смотревший на Чака.

«Еще один разговор?» — спрашивал себя Чак, следуя за Лондоном в его кабинет.

— Мистер Риттерсдорф, — сказал Лондон, как только дверь за ними закрылась, — прошлой ночью мы прослушивали ваш телефон. Мы знаем, что вы делали после того, как мы ушли.

— Что я делал? — Чак ничего не мог вспомнить, хоть убей. Что такого могло привлечь внимание ЦРУ? Разве что в разговоре со слизевиком он сболтнул лишнего. Мысли ганимедянина прослушка ЦРУ уловить не могла. Все, что отложилось в его памяти, — только слова о собственном невезении. О том, что идея телевизионного сценария, который Хентман хотел написать, была связана с мужчиной, убивающим свою жену с помощью симулятора ЦРУ, что и было не на руку Чаку. И конечно…

— Остаток ночи вы провели весьма плодотворно. Работали. Без доступа к запрещенным на Терре наркотикам это невозможно. Следовательно, у вас есть кто-то, не с Терры, кто снабжает вас наркотиками, и ввиду этого, — Лондон изучающе посмотрел на Чака, — вы временно отстранены от работы. В связи с угрозой безопасности.

— Но работать в двух местах сразу… — ошеломленно начал Чак.

— Любой агент, нарушающий законодательство и принимающий внетерранские препараты, вряд ли способен должным образом выполнять свою работу. Это достаточно глупый поступок, — припечатал Лондон. — Управление Мэйджбумом перейдет к Питу Петри и Тому Шнайдеру, вы его

не знаете.

Грубое лицо Лондона исказилось в усмешке:

— У вас ведь есть еще другая работа… не так ли?

— Что значит «не так ли»?

Конечно, Чак все еще работал на Хентмана, у них был контракт.

— Если в ЦРУ все верно поняли, то Хентман откажется от ваших услуг, как только узнает, что вам отказано в доступе к симулякру. Я бы сказал, — Лондон посмотрел на часы, — примерно через двенадцать часов. К девяти вечера вы обнаружите весьма неприятный факт — у вас вообще не будет работы. И тогда, думаю, вы станете более сговорчивы. Будете рады вернуться к своему прежнему статусу — иметь одну работу, здесь, и все. — Лондон открыл дверь кабинета, предлагая Чаку выйти. — Кстати, не могли бы вы назвать имя того, кто поставляет вам наркотики?

— Я не принимал никаких запрещенных препаратов, — ответил Чак, но даже для него самого эти слова прозвучали неубедительно. Лондон был прав, и они оба это знали.

— Почему бы нам не договориться? — предложил на прощание Лондон. — Откажитесь от работы на Хентмана, назовите имя своего постав-

щика, и через пятнадцать минут вы получите обратно контроль над симулякром. Я лично это организую. Зачем вы…

— Деньги, — ответил Чак. — Мне нужны обе зарплаты.

«А еще меня шантажируют, — мысленно добавил он. — Раннинг Клэм». Но сказать этого Чак не мог.

— Ладно, — кивнул Лондон. — Вы можете идти. Дайте знать, когда решитесь завязать с Хентманом, может, нам этого будет достаточно.

Он приоткрыл дверь, и Чак покинул комнату.

Плохо понимая происходящее, Риттерсдорф обнаружил себя на широкой парадной лестнице здания ЦРУ. Это казалось невероятным, но все же случилось. Он потерял место, где проработал долгие годы, причем, как ему казалось, под благовидным предлогом. Теперь у него не было возможности связаться с Мэри. К черту деньги! Гонорар, предложенный Хентманом, с лихвой бы все компенсировал. Но без симулякра Чак не мог рассчитывать на осуществление своего плана, который он, очевидно, и так слишком долго откладывал. Предвкушение мести исчезло, а образовавшаяся на его месте пустота начала давить изнутри. Весь смысл жизни Чака в одно-

часье испарился.

Чак машинально спускался по лестнице, направляясь обратно к воротам. Выйдя за ограждение, он вдруг решил вернуться.

Возникший перед ним охранник преградил путь.

— Мистер Риттерсдорф, прошу меня извинить. Но мне было приказано вас не пропускать, — бесстрастно объявил он.

— Мне нужно еще раз увидеться с мистером Лондоном, — обратился к нему Чак, — на минутку.

Используя портативный интерком, охранник связался с приемной.

— Да-да, мистер Риттерсдорф, вы можете пройти в кабинет мистера Лондона, — сообщил он, получив ответ, и отошел в сторону. Ворота автоматически открылись.

Минуту спустя Чак вновь оказался лицом к лицу с Лондоном в его большом, обшитом деревянными панелями кабинете.

— Вы передумали, не так ли? — спросил Лондон.

— Я хочу сказать кое-что. Если Хентман не уволит меня, разве это не будет фактическим доказательством того, что ваши подозрения в

отношении него были необоснованными? — Чак подождал, пока Лондон нахмурился. Сдвинул брови, но промолчал. — Если Хентман не уволит меня, я собираюсь обжаловать ваше решение об отстранении меня от работы. Я обращусь к Комиссии по гражданской службе и докажу, что…

— Вы отстранены, — спокойно повторил Лондон. — Вы употребляли наркотики. Говоря откровенно, мы уже обыскали вашу квартиру и нашли их. ДжиБи-40, я прав? На них вы можете работать двадцать четыре часа в сутки, поздравляю. Однако теперь, когда вы тут больше не работаете, вам вряд ли понадобится подобный допинг. Так что желаю вам удачи!

Лондон вернулся за свой стол и занялся документами. Разговор был окончен.

— Вы поймете, что ошиблись, — упрямо сказал Чак, — когда Хентман продолжит со мной работать. Все, о чем я прошу, — это переосмыслить сложившуюся ситуацию, как только это произойдет. До свидания.

Он покинул офис, громко хлопнув дверью.

«Видит бог, еще встретимся», — подумал Чак.

Снова очутившись на улице, он ступил на тротуар и зашагал, подталкиваемый спешившей по утренним делам толпой.

«Что дальше?» — спросил Чак себя. Его жизнь во второй раз за месяц перевернулась с ног на голову: сначала шок от разлуки с Мэри, теперь это. «Многовато всего», — сказал он себе и задумался о том, что осталось.

Работа у Хентмана. И только.

Вернувшись на аэротакси в конапт, Чак быстро, даже с неким отчаянием сел за пишущую машинку. «Теперь, — сказал он себе, — мне нужно написать диалог для мисс Уивер». Позабыв обо всем, он сузил свой мир до размеров букв и листа бумаги. «Я напишу для тебя чертовски хорошие реплики, — думал он, — и, может… получу что-то взамен».

Чак приступил к работе, и к трем часам все было готово. Со вздохом поднявшись, он потянулся и почувствовал, как усталость разливается по телу. Но его мысли оставались ясными. «Итак, они прослушивают мою квартиру. Есть аудио– и видеооборудование». Вслух, чтоб наверняка все записалось, Чак сказал:

— Эти офисные ублюдки шпионят за мной. Какой бред! И как же приятно, честно говоря, вырваться из всего этого… — Он замолчал. Что толку говорить? Чак отправился на кухню и занялся приготовлением обеда.

В четыре часа, одетый в свой лучший костюм от «Титаниан Роузвив», выбритый и надушенный парфюмом из самой современной химической лаборатории, с рукописью под мышкой, он шел по улице в поисках такси. Чак направлялся в Санта-Монику в конапт Пэтти Уивер. Что будет дальше, известно лишь небесам. Но Чак питал большую надежду.

Если ничего не получится, что тогда?

Это был хороший вопрос, и Чак надеялся, что ему не придется на него отвечать. Он и так потерял слишком много. Весь привычный ему мир оказался скоропостижно иссеченным разрывом с Мэри и потерей работы. Система восприятия происходящего давала сбой. Раньше он хотел проводить ночи с Мэри, а дни — в офисе ЦРУ. Теперь же у него не было ни того ни другого. Что-то должно было заполнить эту пустоту. Все его естество жаждало этого. Он остановил аэротакси и назвал адрес Пэтти Уивер в Санта-Монике, а затем, откинувшись на спинку сиденья, достал рукопись и начал читать, чтобы внести в текст небольшие изменения.

Через час — было уже около пяти — такси начало снижаться к площадке на крыше удивительно красивого, большого и стильного, недавно по-

строенного конапта Пэтти Уивер. «Вот времена настали, о-го-го! — сказал себе Чак. — Шуры-муры с пышногрудой телезвездой… чего еще можно желать?»

Такси приземлилось. Чак расплатился за поездку и, слегка пошатываясь, вышел из машины.

9

Патриция оказалась дома, что само по себе уже было добрым знаком. Открыв дверь, она оглядела гостя и воскликнула:

— Боже мой, вы тот самый человек! Это вы написали для меня сценарий! Вы приехали раньше, по видеофону вы сказали…

— Я закончил раньше, чем предполагал, — пояснил Чак и вошел в конапт, сразу обратив внимание на ультрасовременную мебель в стиле неопреколумбизма, основанного на недавних археологических находках культуры инков в Южной Америке. Все предметы интерьера, конечно же, были выполнены вручную. На стенах висели живые картины, которые находились в постоянном движении. Внутри них размещались два двухмерных механизма. Их легкое перестукивание напоминало шум далекого океана. Или же, как пришло в голову Чаку, внутрь был встроен

автофак [9], что было наиболее предприимчиво. Сам он не мог утверждать, нравятся ли ему эти машины. Их практичность ему импонировала, но простота использования сделала их слишком популярными. С присущим ему мрачным пессимизмом Риттерсдорф порой задумывался, что однажды они смогут упразднить не только механический обслуживающий труд человека, но еще и мыслительный — то, что делает людей разумными существами.

— Вы привезли сценарий! — восторженно залепетала Уивер. На ней было умопомрачительное парижское платье, что показалось Чаку странным выбором для столь раннего вечера. Он видел похожий фасон лишь на обложках журналов. ЦРУ и вся его работа вдруг стали далекими и незначительными. Платье выглядело роскошно, необычно и напоминало бутон внетерранского цветка с полураскрывшимися лепестками. «Должно быть, — подумал Чак, — оно стоит около тысячи баксов». В таком платье найти работу не составляло труда: правая грудь, упругая и приподнятая, была полностью обнажена. Такой откровенный фасон считался последним писком

---

[9] Примечания: 9

Здесь отсылка к одноименному научно-фантастическому рассказу Ф. Дика «Автофак» (1955), где автофак — это автоматическая фабрика.

моды. Быть может, Патриция ждала кого-то другого? Например, Банни Хентмана?

— Я собиралась выйти прогуляться, — пояснила Пэтти. — Выпить коктейль. Но я позвоню и отменю все.

Она направилась к видеофону. Ее высокие острые каблучки стучали по синтетическому земляному полу, выполненному в стиле инков.

— Надеюсь, сценарий вам понравится, — пробормотал вслед девушке Чак, расхаживая по комнате и чувствуя себя ничтожеством. Это было выше его понимания: изысканное дорогое платье, мебель ручной работы… Он стоял напротив картины, наблюдая, как ее поверхность переливается и меняется, образуя совершенно новые и никогда не повторяющиеся комбинации.

Закончив видеозвонок, Пэтти вернулась в комнату.

— Мне удалось поймать его до того, как он вышел из студии, — обратилась она к гостю, не уточняя, кому именно звонила, и Чак решил не спрашивать. Вероятно, это бы еще больше расстроило его.

— Выпьем? — Патриция подошла к буфету и, открыв деревянную, с золотой инкрустацией неопреколумбийскую створку, принялась доста-

вать бутылки.

— Как насчет Ионийского Вузболла? Это снигт [10], вы обязаны попробовать. Бьюсь об заклад, что до Северной Калифорнии он еще не дошел. Вы такой… — Она махнула рукой и начала смешивать коктейль. — Такой задумчивый.

— Могу я вам помочь? — Чак приблизился к Патриции, ощущая серьезность и желание позаботиться о женщине… или же всего лишь желание казаться таковым?

— Спасибо, не нужно. — Она протянула ему стакан. — Позвольте спросить вас кое о чем… до того, как я посмотрю сценарий. Велика ли моя роль?

— Хм, — задумался Чак.

Он прописал столько реплик, сколько сумел вместить, но факт оставался фактом: ее роль была второстепенной. Ей достались объедки, а весь навар главной роли отошел Банни.

— По-вашему, роль маленькая? — спросила Пэтти. — Дайте мне посмотреть, пожалуйста. — Она подошла к кушетке и села, лепестки подола платья разлетелись в разные стороны. Взгляд ее стал проницательным и профессиональным. Она выглядела спокойной и уверенной в себе.

---

[10] Примечания: 10

Сниг — сокращенное название марки виски The Snigeton.

Присев напротив, Чак протянул ей сценарий — ту часть, что он отправил Банни, и дописанные днем страницы, которых Хентман еще не видел. Возможно, это было неправильно — показывать те моменты, которые исполнитель главной роли еще не просмотрел. Но Чак все же решился, и было неважно, правильно это или нет.

— Та женщина, — наскоро пролистав текст, сказала Пэтти, — жена-мегера, которую Зигги решает убить… У нее роль больше, она появляется с первых страниц, а я только в одной сцене. В офисе, куда они пришли, чтобы… вот это место, в штаб-квартире ЦРУ.

Она показала Чаку выбранную страницу рукописи. Она была права, но он не мог предложить ей большего. Пэтти хватило мудрости и профессионализма, чтобы не поддаться обману.

— Я сделал все, что было в моих силах, — со всей честностью ответил Чак.

— Это словно одна из тех ужасных ролей, когда девушка должна лишь стоять и молчать. Сексуальная кукла в обтягивающем платье с открытой спиной. Украшение, декорация. Ей ничего не надо делать. А я актриса, и мне нужны реплики! — Пэтти вернула Чаку сценарий и взмолилась: — Пожалуйста, мистер Риттерсдорф, ради

всего святого, доработайте мою роль! Банни ведь еще не видел текст, правда? Может, мы вместе сможем что-то придумать? Как насчет сцены в ресторане? Зигги встречается с Шэрон в захолустном, но модном ресторанчике, и тут появляется его жена… Между ними начинается перепалка прямо там, а не в конапте, как обычно. И тут я… то есть Шэрон тоже может вступить в разговор.

— Ну… — задумался Чак, отхлебывая из своего стакана. Коктейль оказался приторно-сладким, по вкусу напоминал медовуху. Чака заинтересовал его состав. Пэтти допила свою порцию и вернулась к буфету, чтобы налить еще.

Риттерсдорф тоже поднялся и подошел к ней. Ее маленькое плечо коснулось его, и Чак почувствовал специфический запах напитка, который готовила Пэтти. Он заметил, что она добавляла что-то из бутылки без заводской этикетки, надпись была сделана от руки.

— Это с Альфы I, — пояснила Пэтти, — подарок Банни, ему передали знакомые альфанцы. Банни знает всех и вся в каждом уголке вселенной. Вы в курсе, что он некоторое время жил в системе Альфа?

Она взяла свой бокал и, повернувшись к Чаку, задумчиво сделала глоток.

— Я бы хотела побывать в другой звездной системе. Там, наверное, можно почувствовать себя… как бы точнее выразиться… ну, вы понимаете… сверхчеловеком.

Чак отставил свой стакан и положил руки на хрупкие плечи Пэтти.

— Я могу сделать твою роль больше, — сказал он прямо.

— Хорошо, — ответила девушка. Она придвинулась к Чаку, вздохнула и положила голову ему на плечо. — Это и на самом деле многое для меня значит.

Ее длинные волосы коснулись его щеки. Чак отвел в сторону каштановую прядь, улыбнулся. Он уже позабыл это ощущение легкой щекотки от случайно упавших на лицо женских волос. Взяв у Пэтти коктейль, он сделал глоток и поставил стакан на комод.

«Коктейль, — подумал Чак. — Это смесь со стимулятором таламуса GB-40, который дал мне Раннинг, как его там? И это незаконно». В уютном полумраке спальни Пэтти присела на край кровати и принялась расстегивать платье.

Чак завороженно наблюдал за движениями ее тонких пальцев. Наконец она справилась с замысловатыми застежками, сняла платье, отнесла

его в шкаф и аккуратно повесила на вешалку. Затем повернулась к Чаку, и он не сразу рассмотрел в сумраке, что она делает. Пэтти осторожно массировала грудь. Плотно подогнанное по фигуре платье сжимало грудную клетку, и теперь, освободившись от неудобной одежды, девушка могла расслабиться.

Ее груди были идеального размера, пусть и искусственными. Когда Пэтти двигалась, их полушария не колыхались, левая, как и ранее обнаженная правая, была на удивление упругой.

Чак опустился на кровать, Пэтти прилегла рядом, как вдруг зазвонил видеофон:

— Ой! — Девушка вскрикнула от неожиданности, невольно испугав его. Она соскользнула с кровати, нащупала свой халат, набросила на плечи и босиком вышла из комнаты, на ходу завязывая пояс. — Я скоро, дорогой, — сказала как ни в чем не бывало. — Подожди меня здесь.

Чак лежал, уставившись в потолок, ощущая мягкость кровати, вдыхая тонкий аромат духов Патриции. Казалось, время остановилось. Он чувствовал себя счастливым.

Ожидание не тревожило его, напротив, доставляло удовольствие.

Наконец в спальню вернулась Пэтти, в за-

пахнутом халате, с распущенными по плечам волосами. Чак ожидал, что она подойдет к нему, и вдруг понял: что-то случилось. Он сел, вновь став собранным, от прежней расслабленности не осталось и следа.

— Кто звонил? — спросил он.

— Банни, — равнодушно отозвалась Пэтти.

— И?

— Наша сделка отменяется. — Она подошла к шкафу, взяла простую строгую юбку и блузку. Захватив нижнее белье, она вышла, чтобы переодеться в другом месте.

— Почему отменяется? — Чак вскочил с кровати, стал поспешно одеваться и услышал, как хлопнула дверь. Пэтти ушла, ничего ему не ответив. Возможно, она и не слышала его вопроса.

Когда он, одетый, сидел на кровати, зашнуровывая ботинки, Пэтти вернулась, вошла в спальню и принялась причесываться. На ее лице не отражалось никаких эмоций. С молчаливым равнодушием девушка наблюдала, как он возится со шнурками, и Чаку показалось, что их разделяет расстояние как минимум в световой год. Казалось, спальня была пропитана ее холодным безразличием.

— Объясни мне, почему сделка отменяется? —

вновь спросил Чак. — Что конкретно сказал Хентман?

— Он сказал, что твой сценарий уже не потребуется и, если я позвоню тебе или если ты позвонишь мне… — Впервые с момента видеозвонка она посмотрела на него в упор, словно вновь увидела. — Я не говорила, что ты здесь. Он сказал, если я побеседую с тобой, то должна передать, что он обдумал твою идею, и она никуда не годится.

— Моя идея никуда не годится? — оторопел Чак.

— Да, — подтвердила Патриция, — весь твой сценарий. Он получил то, что ты отправил, и решил, что написанное ужасно.

Чак почувствовал, как его уши вспыхнули и заледенели одновременно. Боль, словно иней, перекинулась на все лицо, губы и нос занемели.

— Он попросил Дарка и Джонса, — безжалостно добавила Пэтти, — своих постоянных сценаристов, написать что-то совершенно иное.

— Я должен ему позвонить? — спустя некоторое время хрипло выдавил из себя Чак.

— Он не просил об этом. — Пэтти закончила причесываться и вышла из комнаты. Чак поднялся и последовал за ней и нашел ее в гостиной.

Пэтти стояла у видеофона и набирала номер.

— Кому ты звонишь? — потребовал ответа Чак.

— Какая разница? — отозвалась она. — Звоню, чтобы меня пригласили на ужин.

— Я могу пригласить тебя, — надтреснутым от досады голосом предложил Чак. — Я бы с удовольствием поужинал с тобой.

Пэтти даже не потрудилась ответить и продолжала набирать номер. Подойдя к скамье, выполненной, как и остальная мебель, в стиле неопреколумбизма, Чак принялся складывать в стопку страницы своего сценария. Тем временем Пэтти демонстративно начала разговор. Ее голос звучал низко и приглушенно, но слова были вполне различимы.

— Увидимся, — бросил на прощание Чак, надел пальто и вышел из конапта.

Поглощенная видеоразговором Пэтти даже не взглянула в его сторону.

С бессильным гневом он захлопнул за собой дверь и поспешил по устланному ковром коридору к лифту.

«Боже, я все еще пьян, — дважды споткнувшись, подумал он. — Может, это все — галлюцинация, вызванная смесью GB-40 и… Ганимедский вузфур или как там его называла Патриция?»

Казалось, его мозг выстыл, умер и иссох от возбуждения, а дух оцепенел. Все, о чем мог думать Чак, — это как выбраться из этого здания, потом из Санта-Моники и вернуться в свой замызганный конапт в Северную Калифорнию.

Прав ли Лондон? Чак не мог сказать наверняка. Быть может, Пэтти сказала правду: страницы, которые он отправил Банни, ужасны. Вот и все. Но если посмотреть на это с другой стороны…

«Надо ему позвонить, — решил Чак, — и прямо сейчас. Нужно было сделать это еще у Пэтти».

На первом этаже Чак нашел платную видеотелефонную будку и набрал номер конторы Хентмана. Но вдруг повесил трубку обратно на крючок. «А хочу ли я знать и смогу ли вынести эти знания?» — спросил он себя.

Чак отошел от будки видеофона, постоял немного, а затем решительно прошел через парадный вход и очутился на улице. Начинало смеркаться. «Стоит подождать, пока в голове не прояснится, — решил Чак, — пока не выветрится дурман, вызванный наркотиком, который подмешала в мой коктейль Патриция». Засунув руки в карманы, он бесцельно побрел по тротуару. С каждой минутой страх и отчаяние все больше овладевали им. Все вокруг как будто разваливалось на

части, и Чак не мог удержать рушащийся мир. Он совершенно обессилел. Происходящее вокруг напоминало мощнейший ураган, бороться с которым было невозможно.

Из микрофона наушника прозвучал приятный механический голос: «С вас двадцать пять центов, сэр. Купюры не принимаются, внесите оплату монетами». Чак моргнул, протер глаза, огляделся и вновь обнаружил себя в будке видеофона. Но кому он звонит? Банни Хентману? Порывшись в карманах, он нашел четвертак и опустил его в прорезь для оплаты. На экране тут же возникла картинка.

Он звонил не Банни. На экране появилось лицо Джоан Триест.

— Что-то случилось? — участливо спросила она. — Скверно выглядишь, Чак. Ты не заболел? Откуда ты звонишь?

— Я в Санта-Монике, — ответил он.

По крайней мере, Чак мог надеяться, что еще не покинул штат. Он не помнил, как возвращался обратно в залив Сан-Франциско. Казалось, прошло совсем немного времени, или, может, так и было? Чак взглянул на часы. Минуло два часа, циферблат показывал больше восьми вечера.

— Я не могу в это поверить, но сегодня утром

ЦРУ отстранило меня от работы из-за угрозы безопасности, и теперь… — У него не хватило сил закончить.

— Боже мой! — воскликнула внимательно слушавшая Джоан.

— Очевидно, — сквозь зубы проговорил Чак, — Банни Хентман тоже меня уволил, но я не уверен в этом. Честно говоря, я боюсь ему звонить.

Собеседники замолчали. Потом Джоан продолжила:

— Ты должен позвонить ему, Чак. Или, если хочешь, я позвоню. Скажу, что я твоя секретарша или что-то в этом роде. Не переживай, у меня все получится. Дай мне номер видеофона, с которого ты звонишь. И не впадай в депрессию. Я уже достаточно хорошо тебя знаю и понимаю, что ты снова подумываешь о самоубийстве, и если попытаешься реализовать свой план в Санта-Монике, то я не смогу тебе помочь. Я не успею добраться до тебя вовремя.

— Спасибо, — искренне ответил Чак. — Приятно слышать, что кому-то на меня не наплевать.

— Просто в последнее время в твоей жизни было слишком много потрясений, — посочувствовала Джоан в своей обычной интеллигентной манере. — Недавний развод, а теперь еще и это…

— Позвони ему, — перебил ее Чак. — Вот номер.

Он поднес листок с номером к видеоэкрану, и Джоан записала его.

Повесив трубку, Чак постоял в телефонной будке, затягиваясь сигаретой и размышляя. В голове у него начало проясняться, и он старался вспомнить, что делал между шестью и восемью часами вечера.

Его ноги затекли и болели от усталости. Возможно, все это время он бесцельно бродил по улицам Санта-Моники.

Сунув руку в карман пальто, он вытащил жестяную баночку с GB-40, которую захватил с собой. Воды у него не было, и он смог проглотить лишь одну капсулу, предполагая, что это должно снять усталость. Но, похоже, ничто, кроме лоботомии, не избавит его от осознания катастрофы, в которую превратилась его теперешняя жизнь.

«Слизевик, вот кто может помочь», — подумал Чак.

В информационном бюро округа Марин он узнал номер видеофона Раннинга Клэма, набрал нужную комбинацию цифр, внес оплату и стал ждать, пока пройдет звонок и наладится видеосвязь.

На экране появилась надпись «привет». Из-за отсутствия возможности говорить слизевик не пользовался аудиосистемой.

— Это — Чак Риттерсдорф, — представился Чак.

«У тебя неприятности, Чак, — сразу определил Раннинг Клэм, — я не могу читать твои мысли. Расстояние слишком большое. Но я улавливаю тон твоего голоса».

— Ты можешь поговорить с Хентманом?

«Я уже говорил тебе, — по экрану узкой полосой бежали слова, — я незнаком с ним».

— Полагаю, он меня уволил, — мрачно сказал Чак. — Я бы хотел попросить тебя… Попробуй уговорить его взять меня обратно.

«Боже, — подумал Чак, — у меня должна быть какая-то работа».

— Это ты, — напомнил он Раннингу, — заставил меня подписать с ним контракт. Ты ответственен за мое увольнение.

«Твоя работа в ЦРУ…»

— Приостановлена. Из-за моей связи с Хентманом, — сердито продолжил Чак. — Хентман водит дружбу со многими инопланетянами, и ЦРУ это не по душе.

«Понятно. Крайне невротичное у вас агентство,

Чак. Мне следовало это предусмотреть, но я упустил из виду. А вот тебе можно было догадаться, ведь ты работаешь в нем уже несколько лет».

— Послушай, — Чак начал терять терпение, — я позвонил не для того, чтобы выяснять, кто прав, а кто виноват. Мне просто нужна работа, хоть какая-нибудь.

«И желательно уже сегодня к ночи, я не могу ждать», — подумал он.

«Мне надо все обдумать. Дай мне…»

Чак со злостью бросил трубку.

Он снова стоял, запершись в будке, курил и ждал, гадая, что скажет Джоан, когда перезвонит. «А может быть, — думал Чак, — она и не перезвонит. Особенно если новости плохие. Какой бардак творится! И я один…»

Звук телефона прервал его мрачные мысли.

— Джоан? — отозвался Чак.

На экране появилось ее лицо.

— Я позвонила по номеру, который ты мне дал, — сообщила она. — Мне ответил некий мистер Филд. Там все крайне возбуждены. Все, что сказал Филд, свелось к одной фразе: «Посмотрите вечерний гомеопейп».

— Понятно, — сказал Чак, чувствуя себя еще более одиноким, чем раньше. — Спасибо. Я куплю

вечерний выпуск тут. Увидимся позже.

Он отключил звонок, быстро вышел из будки на улицу и огляделся в поисках разносчика газет.

Времени на это ушло немного — уже через несколько минут он читал вечернюю газету при свете магазинной витрины. Вот оно. Конечно! На первой полосе красовалось фото знаменитого телевизионного клоуна, лучшего в своем ремесле и любимого публикой.

«БАННИ ХЕНТМАН БЫЛ АРЕСТОВАН ЦРУ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ВНЕЗЕМНЫМ ЦИВИЛИЗАЦИЯМ! — кричал набранный крупным шрифтом заголовок. — ПРИ КОНВОИРОВАНИИ ПРЕСТУПНИК ВЫХВАТИЛ У ОХРАННИКА БЛАСТЕР, ОТКРЫЛ ОГОНЬ И СБЕЖАЛ».

Чак дважды перечитал статью, прежде чем смог поверить в написанное. Теперь картинка сложилась. От своих информаторов ЦРУ узнало, что Хентман и его команда отказываются от дальнейшей работы с Чаком. Теория ЦРУ подтвердилась: Чак был нужен Хентману только из-за операции «Пятьдесят минут», проводимой на Альфе III М2. Следовательно, рассудили в ЦРУ, Хентман был, как они давно подозревали, агентом альфанцев. Вопрос о задержании решился незамедлительно. В противном случае при малейшем промедлении

информатор Хентмана предупредил бы его, и это позволило бы последнему устроить побег.

И все же ему удалось скрыться, несмотря на быструю реакцию ЦРУ. Возможно, предчувствие Хентмана работало весьма эффективно, он все знал заранее и ожидал появления отряда быстрого реагирования. Как сообщалось в статье, они накрыли его прямо в студии в Нью-Йорке.

Итак, где же теперь Банни Хентман? Вероятно, на пути к системе Альфа. А где Чак Риттерсдорф? На пути в никуда. Впереди его ждала только похожая на болото пустота, в которой не было ни людей, ни работы, ни какого-либо смысла существования. Возможно, Хентман позвонил Пэтти, чтобы сообщить, о приостановке работы над сценарием…

Но видеозвонок от Хентмана поступил вечером, после несостоявшегося ареста. Следовательно, Пэтти знала, где находится опальная телезвезда. Или, по крайней мере, могла знать. Это стоило проверить.

Чак взял такси и быстро доехал до впечатляющего конапта Пэтти Уивер. Он расплатился за поездку, поспешил к входу и нервно нажал кнопку домофона с номером ее квартиры.

— Кто там? — прозвучал с холодным безразли-

чием голос хозяйки.

— Это я, Риттерсдорф. Я оставил у тебя пару листов с текстом, — на ходу придумал причину визита Чак.

— Я не вижу тут никаких листов. — Ее голос прозвучал неубедительно.

— Если ты разрешишь мне войти, то я сам их найду. Это займет не более пары минут, — попросил он спокойно и убедительно.

— Хорошо. — Пэтти нажала кнопку, и высокая металлическая дверь, щелкнув, открылась.

Чак поднялся на лифте. Дверь в квартиру была открыта, и он вошел. Пэтти встретила его в гостиной с плохо скрываемой досадой. Она стояла с каменным видом, скрестив на груди руки и глядя в окно на ночной Лос-Анджелес.

— Нет здесь твоего чертова сценария, — с нотками легкого раздражения в голосе повторила она. — Я знаю, что…

— Банни. Он звонил тебе. Откуда?

Брови Пэтти удивленно приподнялись, она взглянула сквозь Чака и ответила:

— Я не помню.

— Ты читала сегодняшний гомеопейп? — спросил он

— Возможно, — пожав плечами, после некото-

рой паузы отозвалась она.

— Банни звонил тебе после того, как ЦРУ предприняло попытку его ареста. Мы оба это знаем.

— И что?

Пэтти даже не потрудилась посмотреть на него. За всю жизнь Чака никогда так откровенно не игнорировали. Но ему все же казалось, что под ее суровой холодностью прячется страх. Она была еще очень молода: едва ли ей исполнилось двадцать. Чак решил рискнуть.

— Мисс Уивер, я агент ЦРУ. — Он сунул руку в карман пальто, достал удостоверение и протянул ей. — Вы арестованы.

Пэтти обернулась. Зрачки ее глаз расширились, она подавила испуганный возглас. Дыхание ее участилось, она рванула тугой ворот свитера, желая облегчить себе приток воздуха.

— Вы правда агент ЦРУ? — сдавленнным полушепотом спросила она. — Я думала, вы сценарист. Так сказал Банни.

— Мы проникли в организацию Хентмана. Я работал под прикрытием — выдавал себя за сценариста. Пойдемте, — приказал он и взял Патрицию за руку.

— Куда мы идем? — испугалась она, пытаясь отстраниться.

— В офис ЦРУ в Лос-Анджелесе, — бесстрастно пояснил Чак. — Вас оформят.

— Зачем?

— Вы знаете, где Банни Хентман.

— Я не знаю, — простонала она. — Правда, не знаю! Когда он позвонил, то не говорил, что его арестовали или пытались арестовать. Только когда я пошла ужинать, после того как ты ушел, увидела заголовки газет. — Она выглядела совершенно подавленной. — Я возьму пальто и сумочку, — пояснила Пэтти, направляясь в спальню, — и я бы хотела подкрасить губы. Я говорю правду, честное слово, все так и было!

Чак последовал за ней. Пэтти сняла с вешалки пальто, потом открыла ящик комода в поисках сумочки.

— Как думаешь, сколько меня продержат у вас? — спросила она, открывая молнию застежки.

— Ну… Не более… — Чак осекся, увидев в руках Пэтти направленный на него лазерный пистолет.

— Я не верю в то, что ты агент ЦРУ! — воскликнула она.

— Но это так и есть!

— Убирайся отсюда! — потребовала Пэтти. — Я

понятия не имею, что тебе нужно, но Банни дал мне этот пистолет и велел использовать, если понадобится!

Ее рука дрожала, но оружие оставалось направленным на Чака.

— Пожалуйста, уходи, — более спокойно потребовала она. — Вон из моей квартиры! Если ты не уйдешь, честное слово, я пристрелю тебя! Я не шучу!

Пэтти пыталась придать уверенность своему голосу, но выглядела очень испуганной. Чак не рискнул проверить, приведет ли она в исполнение угрозу, молча вышел в общий коридор, прошел к лифту и шагнул в кабинку.

Спустя минуту он снова очутился на темном тротуаре. Ну вот и все. Так, как он планировал, не получилось. «С другой стороны, — стоически утешал он себя, — я ничего не потерял… кроме, возможно, своего достоинства». Но со временем он надеялся его вернуть.

Больше ничего не оставалось, как возвращаться в Северную Калифорнию.

Пятнадцать минут спустя Чак уже был в воздухе, возвращаясь в свой конапт в округе Марин. Пребывание в Лос-Анджелесе, увы, не принесло ему должного воодушевления.

* * *

Прилетев домой, он обнаружил, что в квартире включен свет и работает обогреватель. В кресле, слушая по радио одну из ранних симфоний Гайдна, сидела Джоан Триест. Увидев Чака, она поднялась и шагнула ему навстречу.

— Слава богу! — проговорила она с облегчением. — Я так за тебя волновалась. Она наклонилась, взяла «Сан-Франциско кроникл» и показала ему. — Ты читал сегодняшний пейп? Во что ты вляпался, Чак? ЦРУ и за тобой охотится? Ты ведь работаешь на Хентмана!

— Понятия не имею, — ответил Чак, закрывая за собой дверь. Насколько он понимал, ЦРУ не вело на него охоту, но тут было над чем пораскинуть мозгами. Он прошел на кухню и достал кофейник, позабыв о когда-то купленной для Мэри автоматической кофемашине, которую он, как и все остальное, оставил в прошлой жизни.

В дверях появилась Джоан.

— Чак, я думаю, тебе стоит позвонить в ЦРУ, — сказала она, — переговорить с кем-нибудь из твоих знакомых. С бывшим боссом, например. Как думаешь?

— Ты вся такая правильная, — с горечью в го-

лосе отозвался Чак. — Всегда надо подчиняться властям, ты так считаешь?

Незачем было говорить ей, что в минуты кризиса, когда все вокруг рушилось, его единственным порывом было найти Банни Хентмана, а не соваться в ЦРУ.

— Прошу тебя! — повторила Джоан. — Я разговаривала с Раннингом Клэмом. Он считает, что тебе надо обратиться в ЦРУ. Я слушала радио, в новостях сообщили, что помимо самого Хентмана арестовывают и его сотрудников.

— Просто отстань от меня, — попросил Чак, доставая банку растворимого кофе. Трясущимися руками он насыпал в кружку чайную ложку темного порошка.

— Если ты не свяжешься с ними, — заявила Джоан, — то я ничем не смогу тебе помочь. Так что, думаю, мне лучше уйти.

— А в твоих силах мне помочь? — вскинулся Чак. — Что ты сейчас можешь сделать? Что делала раньше? Держу пари, я первый человек в твоем окружении, кто лишился двух рабочих мест за один день.

— Так что же ты собираешься предпринять? — спросила Джоан.

— Думаю, мне стоит лететь в систему Альфа.

На Альфу III M2. Если бы мне удалось найти Хентмана…

— Тогда правда будет на стороне ЦРУ, — сказала Джоан. Ее глаза блеснули. — Хентмана явно финансируют извне.

— Господи! — воскликнул Чак. — Война закончилась много лет назад! Меня тошнит от всей этой шпионской чепухи! С меня хватит! Если я решил уехать, то не мешайте мне!

— Что я обязана сделать, — ответила Джоан, — так это арестовать тебя. Я вооружена, — она показала на висящую на поясе кобуру, — но я не могу. Мне жаль тебя. Как ты мог так пусть под откос собственную жизнь? И Раннинг Клэм… он так старался.

— Это все его вина! — вскипел Чак.

— Он всего лишь хотел помочь, — грустно покачала головой Джоан. — Он видел, какую ответственность ты берешь на себя. Неудивительно, что Мэри развелась с тобой! — добавила она безжалостно.

Чак застонал.

— Ты даже бороться не будешь. Ты сдался, ты… — Джоан замолчала, не сводя с него глаз. С другого конца конапта до них одновременно донеслись мысли слизевика:

«Мистер Риттерсдорф, по коридору в направлении вашей квартиры идет джентльмен. Он вооружен и намерен арестовать вас. Я не могу сказать, кто он и чего хочет, у него установлен нейропротектор, защищающий его мозг от действий телепатов. Он либо военный, либо сотрудник службы безопасности. А может, разведчик, член преступной группировки или предатель. В любом случае вам стоит быть готовым к встрече».

— Дай мне пистолет, — обратился к Джоан Чак.

— Нет. — Она расчехлила оружие и повернулась к входной двери. Ее лицо оставалось ясным. Девушка полностью владела собой.

— Господи боже! — воскликнул в тревоге Чак. — Они убьют тебя!

Он не сомневался в этом, словно был провидцем. Ловким движением Чак вырвал у нее пистолет, и оружие упало на пол. Они бросились за ним одновременно, но пальцы Чака первыми схватили ствол, оттолкнув Джоан. Девушка вскрикнула, отлетев к стене и больно ударившись плечом. Чак поднялся, сжимая в руках пистолет.

Что-то ударило его по руке и обожгло кожу. Он выронил оружие. В комнате зазвенел мужской

голос:

— Еще раз потянешься к бластеру, Риттерсдорф, и я убью ее.

Вошедший в гостиную мужчина захлопнул за собой дверь, шагнул в кухню, держа на прицеле Джоан, и поднял оброненный Чаком бластер. Незнакомец был средних лет, одет в дешевое серое пальто из странной ткани и архаичные ботинки. «Он родом издалека, чужак, — подумал Чак. — Возможно, совсем с другой планеты».

— Вы человек Хентмана, — поднявшись, определила Джоан. — Так что у него рука не дрогнет, — уверила она Чака. — Но, если ты думаешь, что добрался бы до пистолета раньше…

— Нет, — отрезал Чак, — мы оба были бы мертвы.

Он повернулся лицом к гостю:

— Я пытался дозвониться до Хентмана.

— Да-да, — ответил мужчина и кивнул в сторону двери. — Леди может остаться. Мне нужны только вы, мистер Риттерсдорф. Идемте, не будем терять времени, нам предстоит долгая поездка.

— Вы можете спросить Пэтти Уивер, — обратился к нему Чак, выходя в коридор.

Его конвоир возразил:

— Больше никаких разговоров, мистер Рит-

терсдорф. И так уже слишком много сказано впустую.

— Что вы имеете в виду? — Чак остановился, чувствуя, как его окутывают темные волны страха.

— Взять, к примеру, ваше решение стать шпионом ЦРУ. Вы проникли к нам, чтобы следить за Хентманом. Теперь мы понимаем, почему вы хотели получить эту работу — стать сценаристом. Что вы нашли в итоге? Вы видели альфанца. Это преступление?

— Нет, — ответил Чак.

— ЦРУ готово его камнями за это забить. Черт возьми, оно уже много лет знало, что Банни живет в системе Альфа. Война окончена. Да, у него есть экономические связи с Альфой, но у кого из тех, кто занимается бизнесом, их нет? Банни играет по-крупному, люди его знают. Я расскажу вам, что подтолкнуло ЦРУ к решению убрать Хентмана. Сценарий — его идея о том, как симулятор ЦРУ убивает кого-то. В Управлении посчитали, что Банни начал использовать свое телешоу, чтобы…

Его прервало появление ганимедского слизевика. Огромная желтая масса, вытекла в коридор и преградила им путь.

— Пропустите нас, — сказал человек с пистолетом.

«Мне очень жаль, — донеслись до Чака мысли Раннинга Клэма, — но я коллега мистера Риттерсдорфа, и с моей стороны было бы ошибкой позволить вам увезти его».

Раздался треск. Тонкий красный лазерный луч скользнул мимо Чака и исчез в теле слизевика. Что-то хлопнуло и разорвалось. Слизевик сморщился, превратился в покрытую черной коркой каплю, которая дымилась и брызгала во все стороны, обугливая деревянный пол коридора.

— Идем дальше, — скомандовал незнакомец.

— Он мертв! — воскликнул Чак, не веря своим словам и тому, что увидел.

— На Ганимеде таких, как он, полно.

Упитанное лицо агента не выражало ни малейшего сожаления, на нем читалась лишь настороженность.

— Когда мы войдем в лифт, нажмите кнопку «Вверх». Мой корабль ждет на крыше. Какая теснота и сколько же здесь хлама! — Он брезгливо поморщился.

Цепенея от ужаса, на деревянных ногах Чак прошел в лифт. Человек с пистолетом последовал за ним, и минуту спустя они оказались на крыше.

Ночь выдалась холодной и туманной.

— Скажите, как вас зовут, — обратился к незнакомцу Чак. — Назовите свое имя.

— Зачем? — равнодушно отозвался тот.

— Чтобы я мог найти вас.

И отомстить. Отомстить за Клэма. Когда-нибудь, рано или поздно, судьба вновь столкнет их вместе.

— Позвольте представиться, — издевательски ответил агент, втолкнув Чака в корабль.

Посадочные огни судна светили, слепя глаза, а двигатель слабо гудел, готовясь поднять транспорт в небо.

— Меня зовут Альф Шериган, — сказал он, усаживаясь за пульт управления.

Чак кивнул.

— Как тебе? Нравится мое имя? Хорошо звучит, не правда ли?

Чак ничего не ответил, продолжая смотреть прямо перед собой.

— Ты решил меня игнорировать, — заметил Шериган. — Жаль, потому как нам с тобой предстоит много времени провести вместе, пока не доберемся до Луны и Браг-Сити. — Он потянул руку, чтобы включить систему автоматического определения курса. Корабль дрогнул, качнулся

вперед, но остался на месте.

— Жди здесь, — велел Шериган, поведя лазерным пистолетом в сторону Чака, — и ничего не трогай!

Открыв люк, он выглянул наружу, пытаясь разглядеть в темноте, что остановило взлет.

— Что еще за хрень? — раздраженно спросил он. — Задний двигатель…

Шериган не закончил фразу, невнятно выругался, одним прыжком вернулся на борт, а затем выстрелил в темноту.

С крыши раздался ответный выстрел. Попав в открытый люк, лазерный луч достиг своей цели. Шериган выронил бластер, ударился о корпус кабины, согнулся и осел, как забитый зверь. Его челюсть отвисла, а глаза застыли, утратив способность видеть.

Наклонившись, Чак поднял упавший бластер и выглянул наружу, посмотреть на нападавшего. Из темноты вышла Джоан. Она проследовала за Шериганом и Чаком по коридору, а затем, воспользовавшись аварийным лифтом, поднялась на крышу. Это было понятно и логично. Но пистолет! Откуда, черт возьми, у нее взялось оружие? Шериган ведь забрал его! У нее что, дома оружейный склад? Чак выбрался из кабины и помахал

Джоан, отлично понимая, какой у него дурацкий вид. Шериган недооценил хрупкую девушку. Контора поступила вопиюще безответственно, не сообщив своему агенту, что Джоан служила в полиции и чрезвычайные ситуации являлись для нее привычным делом. Чак опомниться не успел, как ловко она провернула его освобождение, одним выстрелом повредив автопилот, другим убив Альфа Шеригана.

— Ты идешь? — буднично спросила Джоан, словно ничего особенного не произошло. — Тебя не задело?

— Я в порядке, — отозвался Чак.

— Послушай. — Она подошла к люку и показала на тело, которое только что было Альфом Шериданом. — Я могу вернуть его. Ты хочешь этого, Чак?

Он задумался на миг, но, вспомнив Раннинга Клэма, отрицательно покачал головой.

— Решение за тобой, — сказала Джоан. — Я могу оставить его мертвым. Мне это не нравится, но я все понимаю.

— Как насчет Раннинга…

— Чак, я ничего не могу для него сделать, уже слишком поздно, — с сожалением сказала она. — Прошло более пяти минут. У меня был выбор

— остаться с ним или пойти за тобой и попытаться помочь.

— Думаю, было бы лучше, если…

— Нет, — твердо ответила Джоан. — Я поступила верно, скоро ты все поймешь. У тебя найдется лупа?

— Конечно, нет, — удивился ее просьбе Чак.

— Посмотри в ремонтном отсеке корабля, там есть камера хранения над панелью управления. Там хранятся инструменты для ремонта корабельных микроцепей… Лупа может быть там.

Чак, бездумно повинуясь, открыл шкафчик, порылся в нем и нащупал ювелирную лупу. Он вышел из бункера, держа ее в руках.

— Мы спустимся вниз, — скомандовала Джоан, — туда, где остался Клэм.

Они вернулись в коридор к горстке слизи, которая раньше была их соседом-ганимедянином.

— Используй лупу, осмотри все вокруг, особенно ковровый ворс, — велела Чаку Джоан.

— Зачем? — пожал он плечами.

— Тут могли остаться его частички, — ответила она.

— У него был шанс выжить? — с надеждой спросил Чак.

— При нападении их клетки, похожие на споры

грибов, начинают делиться автоматически, — пояснила Джоан. — Я надеюсь, что и сейчас это сработало. С помощью лупы ты можешь найти останки коричневого цвета. Пока ты соберешь что сможешь, я подготовлю пробирку.

Она ушла в комнату Чака, а он опустился на четвереньки, чтобы отыскать то, что осталось от Раннинга Клэма.

Когда Джоан вернулась, у него на ладони лежали семь блестящих коричневых фрагментов. Чак обнаружил их недалеко от того места, где погиб слизевик.

— Им нужна особая среда, — сказала Джоан и протянула Чаку мерный стаканчик, который нашла у него на кухне.

Он осторожно опустил в емкость останки.

— И время, — добавила она. — И влага. Нам нужны хотя бы двадцать кусочков, не все из них выживут.

Наконец им удалось собрать с грязного, истоптанного ковра примерно двадцать пять частичек. Чак сложил их в стакан, потом они с Джоан спустились на первый этаж, вышли на задний двор и набрали в мерный стакан рыхлого чернозема. Джоан нашла шланг, смочила почву, а затем запечатала стакан полиэтиленовой пленкой.

— На Ганимеде, — пояснила она, — атмосфера теплая и густая. Я стараюсь смоделировать максимально подходящие условия для спор и надеюсь, это сработает. Раннинг Клэм однажды сказал мне, что в чрезвычайной ситуации ганимедянам удалось успешно провести рост клеток-спор в условиях терранского климата. Будем надеяться, у нас все получится.

Бережно неся стаканчик, Джоан вернулась в здание, Чак последовал за ней.

— Сколько времени это займет? — спросил Чак. — Прежде, чем мы поймем, что все получилось?

— Не могу сказать точно. От двух дней до месяца. Все зависит от фазы Луны, — пояснила Джоан. — Это может звучать как суеверие, но Луна влияет на активность спор. Так что нам остается только ждать. Чем ближе полнолуние, тем лучше. Мы можем посмотреть фазу Луны в сегодняшнем гомеопейпе.

Они поднялись на этаж Чака.

— Что будет помнить этот новый… — Чак заколебался. — Тот, кто вырастет? Вспомнит ли он нас и то, что здесь произошло?

Просматривая гомеопейп, Джоан ответила:

— Это будет зависеть от времени. Если он по-

лучит клетки…

Она закрыла газету:

— Споры должны отреагировать в течение нескольких дней.

— Что будет, — спросил Чак, — если я увезу их с Терры? Подальше от Луны?

— Они все равно будут расти, — ответила Джоан, — но это может занять больше времени. Что ты задумал?

— Если Хентман пошлет кого-нибудь найти меня, — сказал Чак, — и с ним что-нибудь случится…

— Ах да! Конечно, — кивнула Джоан, — они пришлют еще кого-нибудь. Может, через несколько часов, как только поймут, что с первым мы разобрались. Скорее всего, у него был вживлен специальный чип-передатчик, чтобы проинформировать начальство, что его сердце больше не бьется. Я думаю, ты прав. Тебе следует убраться с Терры как можно скорее. Но как, Чак? Чтобы по-настоящему исчезнуть, тебе нужны ресурсы, деньги и поддержка, а у тебя их нет. Сейчас ты вообще без работы. У тебя вообще есть какие-нибудь сбережения?

— Мэри оставила себе совместный счет, — размышляя вслух, ответил Чак. Он сел и закурил

сигарету. — У меня есть одна идея… Но я бы не хотел тебе говорить. Понимаешь? Я, вероятно, веду себя нервно и напуганно.

— Твой голос слегка дрожит, вот и все. И это нормально. — Джоан встала. — Я выйду в коридор. Знаю, ты хочешь позвонить кому-то. Пока ты будешь беседовать, я свяжусь с полицейским управлением Росса и попрошу их приехать сюда, чтобы избавиться от того человека на крыше.

У двери она остановилась.

— Чак, я рада, что смогла помешать им забрать тебя, — призналась она. — Я едва успела. Куда направлялся корабль?

— Я бы предпочел не говорить тебе. Для твоей же безопасности.

Джоан кивнула. Дверь за ней закрылась, и Чак остался один. Он сразу же позвонил в Сан-Франциско. Прошло несколько минут, но наконец он смог разыскать своего бывшего босса Джека Элвуда. Он находился дома и весьма сухо ответил на звонок, досадуя, что Чак прервал его отдых с семьей. Да и лицо звонившего его не обрадовало.

— Я готов пойти на сделку, — сказал Чак.

— Договорились! — решительно кивнул Элвуд. — Мы считаем, что ты прямо или косвенно предупредил Хентмана, дав ему возможность

сбежать. Разве не так все было? Мы даже знаем человека, через которого ты работал, — ту актрису из Санта-Моники, любовницу Хентмана.

Элвуд нахмурился. Для Чака это было новостью, о связи Пэтти Уивер и Банни Хентмана он ничего не знал.

— Сделка, — сообщил Чак, — которую я намерен заключить с вами, с ЦРУ, официально заключается в следующем — мне известно, где находится Хентман.

— Это неудивительно, Чак. А вот удивляет меня то, что ты готов рассказать все нам. Зачем? Размолвка в счастливой семейке Хентман, а ты не в курсе?

— Люди Хентмана уже отправили за мной одного своего идиота, — сказал Чак. — Мы смогли его остановить, но придет следующий, а потом еще, пока наконец Хентман не доберется до меня.

Он не потрудился обрисовать полную картину происходящего. Бывший босс не поверил бы. Выводы Элвуда остались бы прежними в любом случае.

— Я скажу вам, где прячется Хентман, в обмен на корабль ЦРУ класса С-плюс, межсистемный корабль преследования, военный, небольшого размера. Я знаю, что у вас их несколько. Предо-

ставьте один мне и получите обратно нечто чрезвычайно ценное. И да, — добавил Чак, — я его верну. Все, что мне нужно, — слетать в одно место.

— Ты и впрямь говоришь так, словно собрался бежать, — язвительно заметил Элвуд.

— Так и есть, — не отпирался Чак.

— Ладно. — Босс пожал плечами. — Я тебе поверю, почему бы и нет? Скажи мне, где Хентман. Я пришлю транспорт в течение пяти часов.

«Они не дадут мне корабль, пока не проверят информацию, — понял Чак. — Если Хентмана не обнаружат, то и корабля мне не видать. Я лишь потеряю время».

Но ожидать от профессионалов из ЦРУ иного подхода не приходилось. Это было их работой, жизнь для них проходила, как бесконечная карточная игра.

— Хентман на Луне, в Браг-Сити, — Чаку ничего не оставалось, как покорно слить информацию.

— Жди в своей квартире, — велел Элвуд, — корабль будет к двум часам ночи. Если, конечно…

Он многозначительно посмотрел на собеседника. Чак ничего не ответил и прервал связь. Он вспомнил о сигарете, которую прикурил перед разговором и положил ее на край кофейного

столика. Она уже успела истлеть до фильтра. Что ж, если корабль не появится, значит, это конец. У него не было плана Б, никакого запасного решения. Джоан Триест могла бы вновь спасти его, могла бы даже вернуть обратно в этот безумный мир, если бы человек Хентмана убил его. Но останься Чак на Терре, они бы в конце концов нашли его и уничтожили или захватили бы в плен. Современные устройства слежения отыскали бы его в самом укромном уголке. Имея достаточный запас времени, они находили цель всегда, при условии ее пребывания на одной с ними планете. Но на Луне в отличие от Терры остались неизведанные места, и отыскать кого-либо там было сложно. И существовали удаленные системы, в которых можно было спрятаться.

Одним из таких мест являлась система Альфа. Например, Альфа III и два или три ее спутника, включая M2. Особенно M2. А с кораблем ЦРУ, способным преодолеть скорость света, Чак мог долететь туда за считаные дни. Как и Мэри со своей командой.

— Я позвонил куда надо. Вот и все, — открыв дверь в коридор, обратился Чак к Джоан.

— Ты улетаешь? — Ее глаза потемнели.

— Надеюсь. — Он сел и стал ждать.

Джоан осторожно поставила стаканчик со спорами на подлокотник дивана:

— Вручаю их тебе. Я знаю, ты хочешь взять их с собой. Это за тебя он отдал свою жизнь. И это твоя ответственность. Я скажу тебе, что делать, как только споры станут активными.

Он взял ручку и бумагу и записал ее инструкции.

Лишь через несколько часов, когда прибыли полицейские из управления Росса и вытащили наемника с крыши, а Джоан уехала, Чак осознал, что натворил. Теперь Банни Хентман был прав. Чак выдал его ЦРУ. Но он сделал это, чтобы спасти себе жизнь. Однако это вряд ли оправдало бы его в глазах Хентмана, который тоже пытался спасти свою жизнь.

Но что сделано, то сделано. Сидя один в своем конапте, Чак продолжал ждать обещанный корабль класса С-плюс, который, скорее всего, никогда не прилетит.

И что тогда?

«Тогда, — решил Чак, — я буду сидеть здесь и ждать чего-то еще. Следующего шага Хентмана. И вся моя жизнь будет измеряться уже минутами, а не часами».

Ожидание тянулось бесконечно.

10

Вежливо поклонившись, Габриэль Бэйнс произнес:

— Мы священный Совет, представляющий власть в этом мире — высшую форму власти, которую невозможно обойти.

С холодной учтивостью он отодвинул стул, предлагая доктору Мэри Риттерсдорф присесть. Мэри благодарно улыбнулась и села.

«Устала, — подумал Бэйнс, — но улыбается искренне».

Члены Совета в своей своеобразной манере по очереди представились гостье.

— Говард Строу. Клан маны, — надменно отрекомендовался Строу.

— Джейкоб Симион, — он не смог сдержать усмешку. — Клан гебов. Ваш корабль прилунился в нашем поселении.

— Аннет Голдинг. Клан поли, — поздоровалась сидевшая как по струнке девушка, с осторожностью наблюдая за незнакомкой, которая вторглась в их жизнь.

— Ингред Хибблер. Раз, два… Т-три. Клан окры.

— Окры… — Мэри кивнула. — Ах да! Обсессивно-компульсивное расстройство.

— Омар Даймонд. Думаю, вы и сами знаете мой клан. — Он рассеянно огляделся.

Казалось, Даймонд ушел в себя, что всегда сильно раздражало Бэйнса. Вряд ли это был подходящий момент для личного маневра, пусть даже и мистической направленности. Сейчас они должны выступать единым фронтом, действовать сообща.

Глухим, полным отчаяния голосом заговорил деп:

— Дино Уоттерс…

Он пытался сказать что-то еще, но сдался и замолчал — груз его пессимизма и полной безнадежности был слишком велик. Уоттерс сел, уставившись в пол и нервно потирая лоб. Движение его руки напоминало нервный тик.

— Кто я, вам известно, доктор Риттерсдорф, — сказал Бэйнс и потряс лежащим перед ним документом — манифестом членов Совета. — Спасибо, что пришли.

Он прервался и откашлялся, от напряжения голос его стал хриплым.

— Благодарю вас за то, что позволили прийти, — спокойно ответила доктор Риттерсдорф.

Для Габриэля ее благодарность прозвучала угрожающе. Он не сомневался в этом, хотя обра-

щенный на него взгляд Мэри был бесстрастен.

— Вы просили разрешить вам посетить и другие населенные пункты. В частности, Да Винчи-Хайтс. Мы обсудили ваш запрос и решили отклонить его.

— Ясно, — кивнула Мэри.

— Поясни ей причину отказа, — вступил в разговор Строу.

Его лицо исказила гримаса острейшей неприязни, он ни на мгновение не отводил глаз от прибывшей терранки. Его ненависть к ней заполнила комнату и отравила воздух. Бэйнсу казалось, что он задыхается в атмосфере этой удушающей злобы.

— Постойте, — подняв руку, остановила их доктор Риттерсдорф, — не спешите оглашать свой вердикт.

Она посмотрела на каждого из членов Совета медленно, внимательно и абсолютно профессионально. Говард Строу ответил ей ожесточенным взглядом. Джейкоб Симион наклонил голову и улыбнулся куда-то в пустоту, мимо Мэри. Побледнев, Аннет Голдинг нервно терла большой палец. Деп так и не заметил, что за ним наблюдают — он ни разу не поднял головы. Шиз Омар Даймонд ответил на пристальный взгляд миссис Риттер-

сдорф — в его глазах читалось забавное величие, но под ним, как догадался Бэйнс, скрывалась тревога. Даймонд выглядел так, словно в любой момент был готов сбежать.

Сам Бэйнс находил Мэри Риттерсдорф симпатичной. Он пусть и с ленцой, но задумался над тем фактом, что доктор прилетела одна, без мужа. Она выглядела сексуально, да и одета была так же. Непонятно, почему выбранный ею стиль одежды не соответствовал цели встречи: черный свитер и юбка, туфли золотого цвета с загнутыми вверх на эльфийский манер носами, надетые на босу ногу, а не на чулок. Еще Бэйнс заметил, что ее свитер слегка тесноват. Интересно, чувствовала ли это миссис Риттерсдорф? Он не мог знать наверняка, но поймал себя на том, что отвлекся от ее слов, переключив внимание на очертания ее груди. По общим меркам размер у нее был небольшой, а вот угол наклона сосков говорил об упругости. Бэйнсу она нравилась.

«Интересно, — подумал он, — ищет ли она здесь чего-то большего, чем профессиональный успех?» По его предположению, Мэри было слегка за тридцать — расцвет сил. Он отчетливо видел, что миссис Риттерсдорф крепка духом, а также ориентирована на решение конкретных задач.

Она сама, возможно, этого и не осознавала. «Наше тело, — размышлял Бэйнс, — действует по-своему и порой вразрез с разумом».

Проснувшись этим утром, доктор Риттерсдорф подумала вскользь, что ей хочется надеть этот черный свитер. Мысль об этом промелькнула и исчезла. Но ее тело, ее женское нутро, знало лучше.

Мужской инстинкт Бэйнса сработал незамедлительно. Однако в его случае подобная реакция была осознанной, и он подумал, что это могло бы стать их преимуществом. «Мы не так остро ощущаем ответственность при вовлеченности в любой процесс, как наши противники». Размышляя над этим, Бэйнс уже продумывал план обороны, в его распоряжении были многочисленные автоматизированные схемы, с помощью которых он мог защитить не только себя, но и своих коллег.

— Доктор Риттерсдорф, — мягко сказал он, — прежде, чем мы разрешим вам побывать в других поселениях, делегация, представляющая наши кланы, должна будет осмотреть ваш корабль. Это необходимо, чтобы узнать, какое вооружение, если таковое имеется, стоит у вас на борту. Все остальное нас нисколько не интересует.

— У нас нет с собой оружия, — ответила психолог.

— Тем не менее я предлагаю вам разрешить мне и, возможно, еще одному члену клана сопровождать вас на вашу базу. У меня здесь прокламация, — Бэйнс быстро зачитал текст. — Мы призываем вас покинуть Гандитаун в течение сорока восьми терранских часов. Если вы не подчинитесь, мы начнем военную операцию на основании того, что вы враждебны и прилетели сюда без спроса.

С этими словами Бэйнс взглянул на Строу, и тот кивнул в ответ.

— Я понимаю ваше недовольство, — намеренно понизив голос, согласилась с главнокомандующим миссис Риттерсдорф. — Вы довольно долго жили в изоляции. Боюсь, вам неприятно это напоминание, но я вынуждена указать на тот факт, что вы все психически больны, индивидуально и коллективно.

Взгляд ее красивых глаз выражал понимание и заинтересованность. В воздухе повисло долгое и напряженное молчание.

— Черт возьми! — воскликнул Строу. — Мы уже давно взорвали это место! Эту так называемую больницу! На самом деле, это был концентраци-

онный лагерь! Для рабов! Вот для кого!

— Мне жаль, — перебила его Риттерсдорф, — но вы ошибаетесь. Это была федеральная больница, и вы должны принять и учесть сказанное мной при любых действиях, которые задумали относительно нас. Мне нет смысла лгать. Это правда.

— Quid est veritas? — пробормотал Бэйнс.

— Простите? — обратилась к нему доктор.

— Что есть истина? Вам не приходило в голову, док, что за последнее десятилетие мы здесь, возможно, решили наши первоначальные проблемы групповой адаптации и, — Бэйнс махнул рукой, — приспособились. Или как вы это назовете, мне все равно. В любом случае мы в состоянии поддерживать адекватные межличностные отношения. Вы свидетель тому здесь и сейчас, в зале Совета. Мы работаем вместе, а значит, мы не больны. И другой проверки не существует. Групповой труд — лучший показатель.

Довольный сказанным, Бэйнс откинулся на спинку стула.

— Вы коллективно объединились против общего врага — против нас, — с осторожностью ответила Риттерсдорф. — Но я готова поспорить: как только мы улетим, вы вновь превратитесь в разрозненных, недоверчивых, напуганных

друг другом и не способных к совместной работе личностей.

Она обезоруживающе улыбнулась, что послужило слишком глубоким жестом, чтобы Бэйнс его понял. Доктор чересчур самоуверенно подчеркнула свое умозаключение.

Конечно, она права и указала им на очевидное. Коллективная работа велась непостоянно. Но был в ее словах и изъян.

Ее собственная ошибка. Она предположила, вероятно, в целях самооправдания, что источник страха и враждебности находится внутри Совета. Но на самом деле, именно Терра продемонстрировала враждебность. Прибытие корабля было фактически актом агрессии. Будь по-другому, они бы запросили разрешение на посадку. Своими действиями терране первыми выказали недоверие. Это они ответственны за сегодняшнюю картину взаимной подозрительности. Если бы они захотели, легко могли бы этого избежать.

— Доктор Риттерсдорф, — прямо сказал Бэйнс, — альфанские торговцы связываются с нами, когда хотят получить разрешение на посадку. Мы заметили, что вы этого не сделали. И у нас в отношениях с альфанцами нет никаких проблем. Между нами налажена постоянная и

взаимная торговля.

Было очевидно, что Бэйнс бросил перчатку не зря. У оппонентки не нашлось ответа. Пока она размышляла, комната наполнилась шумом: со всех сторон звучали возгласы презрения и веселья, а в случае с Говардом Строу — нескрываемой агрессии.

— Мы решили, — прервала наконец свое молчание доктор Риттерсдорф, — если официально запросим разрешение на посадку, то вы нам откажете.

— Вы решили, — спокойно улыбаясь, ответил Бэйнс. — Решили, а не спросили. И теперь вы никогда не узнаете, что мы…

— Дали бы разрешение? — Ее голос, твердый и властный, обрушился на него, рассекая непрерывность его речи.

Бэйнс осекся и растерянно моргнул.

— Нет, вы бы этого не сделали, — уверенно продолжила доктор. — И вам это известно. Давайте будем реалистами.

— Если вы сунетесь в Да Винчи-Хайтс, — ухмыльнулся Строу, — мы убьем вас. Если вы не улетите, мы убьем вас. И следующий корабль, который попытается приземлиться здесь, никогда не коснется поверхности нашей Луны. Это наш

мир, и мы будем защищать его, пока мы здесь. Мистер Бэйнс готов посвятить вас в детали того, как нас держали в стенах вашей так называемой лечебницы. Вся информация есть в манифесте, который подготовили я и другие члены Совета. Мистер Бэйнс, зачитайте нам.

— Двадцать пять лет назад, — начал Габриэль, — на этой планете была основана колония…

Доктор Риттерсдорф вздохнула:

— Наши знания о различных формах ваших психических заболеваний…

— Пусты! — взорвался Говард Строу. — Вы сказали «пусты»?

Его захлестнул приступ ярости, на лице проступили красные пятна. Строу встал.

— Я сказала: «обширны», — терпеливо повторила доктор Риттерсдорф. — По нашим сведениям, ваши боевые силы сосредоточены в поселении манов, другими словами, они в руках лиц маниакальной группировки. Через четыре часа мы свернем лагерь и покинем Гандитаун. Мы высадимся в Да Винчи-Хайтс, и, если вы вступите с нами в бой, мы ответим огнем терранских вооруженных сил линейного класса действия, которые находятся примерно в получасе езды отсюда.

В комнате снова воцарилось продолжительное

тягостное молчание.

Едва слышно заговорила Аннет Голдинг:

— Габриэль, прочтите манифест.

Кивнув, Бэйнс продолжил. Его голос дрожал.

Его чтение прервал плач Аннет:

— Вы видите, что нас ждет! Они собираются вновь превратить нас в пациентов психбольницы! Это конец всему!

— Мы собираемся провести терапию, — ощущая некую неловкость, ответила доктор Риттерсдорф. — Это заставит вас почувствовать себя более… скажем так, расслабленными. В общении друг с другом вы будете самими собой. Жизнь станет приятнее и приобретет естественный смысл. Сейчас же вы все подавлены ужасным напряжением и страхами…

— Да, мы боимся, — пробормотал себе под нос Джейкоб Симион, — боимся, что терране вновь загонят нас в угол, как стадо диких зверей.

«Четыре часа, — подумал Бэйнс, — недолго мы продержались». Читая манифест, он ощущал дрожь собственного голоса. Все происходящее казалось ему пустой тратой времени, ведь он понимал: нет ничего, что могло бы их спасти.

После того как Совет завершился и доктор Риттерсдорф ушла, Габриэль Бэйнс изложил свой

план коллегам.

— Да кто ты вообще такой? — с презрительной насмешкой спросил Говард Строу. Его лицо исказила гримаса, превратив в пародию на себя самого. — Ты собираешься соблазнить ее? Боже мой! Все-таки она права. Нам всем место в психушке!

Он откинулся на спинку стула, угрюмо хрипя себе под нос. Его отвращение было столь велико, что он больше не мог прибегать к оскорблениям, предоставив это остальным членам Совета.

— С самомнением у тебя все в порядке, — выслушав Бэйнса, сказала Аннет.

— Все, что мне нужно, — продолжал рассуждать Габриэль, — это человек с достаточными телепатическими способностями, чтобы сказать мне, прав ли я.

Он повернулся к Джейкобу Симиону:

— Разве этот геб, Игнат Ледебур, не имеет, по крайней мере, малой способности к телепатии? Он вроде как мастер на все руки.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Симион. — Но ты бы мог и Сарой воспользоваться.

Он весело подмигнул Габриэлю.

— Я свяжусь с Гандитауном, — решил тот, снимая телефонную трубку.

— Телефонные линии в Гандитауне отключены, — напомнил Симион. — Опять. Уже шесть дней как. Тебе придется туда поехать.

— Тебе все равно пришлось бы туда поехать, — подал голос Дино Уоттерс, очнувшись, наконец, от сна бесконечной депрессии. План Бэйнса, казалось, был интересен ему одному. — В Гандитауне возможно все. Дети там у каждого и от каждого. Быть может, она тоже проникнется.

Хмыкнув в знак согласия, Говард Строу сказал:

— Тебе повезло, Габи, что она в клане гебов. В подобной обстановке она должна присмотреться к тебе.

— Если это единственный приличный для нас способ, — сухо произнесла мисс Хибблер, — думаю, что мы заслуживаем гибели. Я и впрямь так считаю.

— Вселенная, — отметил Омар Даймонд, — обладает бесконечной возможностью самореализации. И даже подобным решением пренебрегать не стоит.

Он с грустью опустил голову.

Не сказав больше ни слова и даже не попрощавшись с Аннет, Габриэль Бэйнс покинул зал Совета, спустился по каменной парадной лестнице и вышел на стоянку, где сел в свой автомобиль

и со скоростью семьдесят пять миль в час направился в Гандитаун.

«Если на дороге не будет препятствий, — прикидывал Бэйнс, — то я успею приехать на место до отбытия терран в Да Винчи-Хайтс».

Времени у него оставалось менее четырех часов. Мэри Риттерсдорф уже вернулась в Гандитаун. Бэйнс клял свою к чертям устаревшую летающую развалюху, одну из тех машин, которыми еще пользовались на Альфе и на которую ему в теперешней ситуации приходилось рассчитывать. Но именно это и был их мир, их реальность, то, за что они боролись. Став сателлитами Терры, они обретут современные средства передвижения… но это никак не возместит их потерь. Лучше ехать со скоростью семьдесят пять миль в час и быть свободным. «Да-да, — подумал Бэйнс, — отличный лозунг».

Тем не менее это его пусть и немного, но раздражало, если учитывать важность его миссии. Одобрил Совет его действия или нет, значения не имело.

Спустя четыре часа и двадцать минут уставший физически, но с ясной головой и чуть взвинченными нервами Бэйнс достиг усыпанных мусором окраин Гандитауна. Ему сразу ударил в нос

сладковатый запах гнили, смешанный с едким зловонием бесчисленных костров — традиционная для гебов атмосфера.

Во время перелета его посетила новая мысль, поэтому сейчас он направлялся не к хижине Сары Апостолес, а к месту, где жил Игнат Ледебур.

На заднем дворе в окружении детей и кошек святой геб возился с древним ржавым бензиновым генератором. За этим занятием его и застал Бэйнс.

— Я видел то, что вы задумали, — поприветствовал его Ледебур, поднимая вверх руку, дабы освободить Габриэля от объяснений.

— Тогда ты наверняка знаешь, чего я от тебя хочу.

— Да, — Ледебур кивнул, — в прошлом я успешно пользовался им с несколькими женщинами. — Он положил молоток и направился к хижине. Кошки двинулись следом, а ребятишки продолжили возиться с железяками. Бэйнс пошел за ним.

— Шансы ваши ничтожно малы, — укоризненно сказал геб и усмехнулся.

— Ты умеешь читать будущее? — поддел его Бэйнс. — Тогда можешь сказать, получится у меня или нет?

— Я не провидец, — отозвался Ледебур. — Другие могут предсказывать, но я предпочитаю молчать. Подождите минутку.

Он вошел в хижину, Габриэль проследовал за ним. Под ногами путались кошки, бегали, прыгали и мяукали. Ледебур снял с полки над раковиной банку с чем-то темным, отвинтил крышку, понюхал, покачал головой, закрыл и поставил емкость на место.

— Не то, — определил он и побрел дальше, открыл ящик со льдом, порылся внутри, вытащил пластиковую коробку и внимательно ее осмотрел.

Его теперешняя сожительница — Габриэль не знал ее имени — вышла из спальни, тупо посмотрела сквозь них и пошла дальше. На ней было платье, больше похожее на мешок, и теннисные туфли на босу ногу. Волосы грязной, нечесаной копной свалялись на макушке и затылке. Габриэль Бэйнс брезгливо отвернулся.

— Эй, слышь, — обратился Ледебур к женщине, — где эта банка сама-знаешь-чего? Смесь, которую мы используем перед тем, как… — Он махнул рукой.

— В ванной. — Женщина прошлепала мимо и вышла на улицу.

Ледебур исчез в ванной, и было слышно, как он передвигал какие-то предметы, звякал бутылками. Наконец он вернулся, держа осторожно, чтобы не пролить, стакан с жидкостью.

— Вот, — сказал Ледебур с усмешкой, обнажившей два недостающих зуба. — Но вы должны убедить ее выпить это. Как вы это сделаете?

Бэйнс понятия не имел.

— Что-нибудь придумаю, — ответил он и протянул руку за афродизиаком.

Получив от Ледебура желаемое, он поехал к единственному торговому центру в Гандитауне и припарковался перед куполообразным деревянным строением с облупившейся краской, штабелями помятых банок и кучами выброшенных картонных коробок, заваливших вход и парковку. Центр служил рабочей площадкой для прилетавших сюда торговцев с других лун.

Бэйнс купил бутылку привозного бренди. Усевшись в машину, он открыл ее, вылил часть содержимого и добавил мутноватый афродизиак. Жидкости смешались. Удовлетворенный результатом Бэйнс закрыл бутылку, завел машину и поехал дальше.

«Сейчас, — подумал он, — не время полагаться на свои природные таланты». Как верно под-

метил Совет, он не особенно преуспел в этом направлении. А безупречность, если они хотели выжить, была обязательным условием.

Бэйнс без труда определил местонахождение корабля терран. Блестящий и чистый, он возвышался над свалкой Гандитауна. Габриэль повернул руль и полетел в ту сторону.

В нескольких сотнях ярдов от корабля его остановил охранник, одетый в знакомую Бэйнсу со времен последней войны серо-зеленую униформу. Из ближайшего дверного проема Габриэль увидел направленное на него дуло тяжелого оружия.

— Ваши документы, пожалуйста, — вежливо, но твердо потребовал охранник, внимательно оглядывая гостя.

— Передайте доктору Риттерсдорф, — сказал Бэйнс, — что прибыл полномочный представитель Верховного Совета, чтобы сделать окончательное предложение, позволяющее избежать кровопролития с обеих сторон.

Он сидел за рулем машины, напряженно выпрямившись, смотрел вперед, чувствуя, как начинает болеть спина и потеют ладони.

— Проезжайте, сэр, — пропустил его охранник, получив указания по внешнему каналу связи.

Второй терранин в такой же форме с оружием и орденами проводил его к трапу, ведущему к люку корабля. Они поднялись, и вскоре Бэйнс осторожно пробирался по коридору в поисках комнаты 32-н. Как же тут тесно! Он чувствовал себя неуютно. Ему хотелось вновь оказаться на свежем воздухе, где можно свободно дышать. Но поворачивать назад было уже поздно. Он нашел нужную дверь, на минуту задумался, а после постучал.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась доктор Риттерсдорф, все в том же чуть тесноватом черном свитере, черной юбке и эльфийских туфлях. Она растерянно посмотрела на него:

— Это вы, мистер…

— Бэйнс, — напомнил он.

— А… Из клана пары, — вполголоса добавила она. — Шизофреническая паранойя. О, прошу прощения. — Она покраснела. — Я не хотела вас обидеть.

— Я пришел, — начал Габриэль, — чтобы произнести тост. Вы со мной? — Не дожидаясь приглашения, он протопал в ее крохотную каюту.

— Тост?

Бэйнс пожал плечами:

— Это же очевидно.

Он позволил себе снисходительное раздражение.

— Вы что, сдаетесь? — резко спросила Мэри. Она закрыла дверь и сделала шаг ему навстречу.

— Два бокала, — попросил Бэйнс нарочито смиренным, чуть приглушенным голосом. — Хорошо? — Он достал из бумажного пакета бутылку бренди и начал отвинчивать крышку.

— Думаю, вы поступаете мудро, — сказала Мэри.

Ее глаза сияли. Она огляделась в поисках очков, без которых выглядела юной, милой и беззащитной.

— Это хороший знак, мистер Бэйнс. Правда.

Все еще чувствуя неизбежность поражения, Габриэль с мрачным видом наполнял стаканы.

— Значит, мы можем высадиться в Да Винчи-Хайтс? — спросила Риттерсдорф, беря в руки бокал и делая глоток.

— Конечно, — помедлив, согласился Бэйнс и пригубил из своего бокала. Вкус был отвратительным.

— Я сообщу сотруднику Службы безопасности о дальнейшем курсе, — сказала Мэри, — мистеру Мейджбуму. Значит, вы не случайно…

Она вдруг замолчала.

— Что не так? — невинно спросил Бэйнс.

— У меня только что было странное чувство, — доктор нахмурилась, — странный тремор. Глубоко внутри. Если бы я не знала, что…

Она смущенно замолчала.

— Не обращайте внимания, мистер… Бэйнс, — она сделала еще один быстрый глоток, — я вдруг почувствовала себя такой напряженной. Это все нервы, полагаю… Мы не хотели видеть…

Она вновь замолчала и, пройдя вглубь каюты, села на стул.

— Вы что-то мне подсыпали! — поняла она, отбросила стакан, резко встала и шагнула к дальней стене, на которой виднелась красная кнопка.

Габриэль бросился к ней и обнял ее за талию. Представитель кланов Альфы III М2 сделал свой ход. Хороший или плохой — он уже был сделан, борьба за выживание началась. Реакция доктора Риттерсдорф не замедлила последовать: она укусила его за ухо, чуть не оторвав мочку.

— Эй, — едва слышно воскликнул он. — Что вы делаете?

Варево Ледебура работает, но всему есть предел. Хотя так и должно быть.

В дверь постучали.

Приподнявшись, Риттерсдорф крикнула:

— Уходите!

— Это Мэйджбум, — послышался из коридора спокойный мужской голос.

Высвободившись из объятий Бэйнса, Риттерсдорф подбежала к двери и заперла ее на замок. Потом повернулась к Бэйнсу и с искаженным животной похотью лицом ринулась к нему. Он закрыл глаза и приготовился к удару.

— Послушайте, доктор Риттерсдорф, — пробормотал Габриэль, удерживая ее на полу, среди раскиданной, сброшенной второпях одежды.

— Мэри, — поправила она и укусила его в губы. Габриэль вскрикнул, морщась от боли, и в следующий момент оказался пригвожденным к полу. Острые колени Мэри впились в его чресла. Она запустила пальцы в его волосы и дернула так, словно хотела сорвать с плеч его голову.

Он издал слабый стон, хотел позвать на помощь, однако человек, стучавший в дверь, очевидно, уже ушел. Ответа не последовало.

Бэйнс увидел на стене тревожную кнопку, которую собиралась нажать Мэри и которую теперь, без всякого сомнения, уже не нажмет. Бэйнс стал потихоньку придвигаться к стене, не упуская кнопку из виду.

Но тщетно.

«И больше всего меня выбесило то, — позже в отчаянии подумал он, — что в политическом отношении мы не продвинулись ни на дюйм».

— Доктор Риттерсдорф, — задыхаясь, прохрипел он, — давайте будем благоразумны! Нам надо поговорить! Ради бога!

Она хихикнула и куснула его за кончик носа. Бэйнс почувствовал остроту ее зубов и взвыл от боли. Мэри рассмеялась безумным, демоническим хохотом, и Габриэля бросило в дрожь.

«Она меня так прикончит! — в панике подумал он. — Это смертельная серия укусов! И я ничего не могу поделать!»

Он словно столкнулся не с либидо одной женщины, а с возбуждением целой вселенной. Ее ураганная сила пригвоздила его к ковру, не оставив ни малейшего шанса сбежать. Если бы кто-то мог помочь… Где же сотрудники охраны?!

— Ты знал, — страстно прошептала Мэри, прижавшись к его груди, — что ты самый красивый мужчина на свете?

Она слегка отклонилась назад, присев на корточки и устраиваясь поудобнее. Почувствовав, что может пошевелиться, Бэйнс не упустил эту возможность, оттолкнул Мэри, выбрался из-под нее и бросился к кнопке, чтобы позвать хоть

кого-нибудь.

Тяжело дыша, она вскочила, схватила его за лодыжку и потянула вниз. Габриэль ударился головой о металлический шкаф и застонал. Тьма поражения и уничтожения, к которой он никак не был готов, захлестнула его.

Хохоча, Мэри перевернула его, и ее голые колени вновь впились в его ребра, а груди повисли над его лицом. Крепко схватив его запястья, она прижала Бэйнса к полу. Очевидно, для нее не имело разницы, что он чувствует, да и вообще, чувствует ли хоть что-нибудь.

В его угасающем сознании скользнула последняя мысль: «Что ж, святой Ледебур, клянусь жизнью, ты за это ответишь!»

— Ты такой милый, — голос Мэри оглушил его. — Так бы тебя и съела.

Ее трясло крупной дрожью, и, казалось, трясет всю каюту, как будто они оказались в эпицентре страшной бури. Бэйнс с ужасом понял, что это только начало ее любовных утех. И Ледебур со своим зельем тут ни при чем, ведь на Габриэля содержимое бутылки не подействовало. Он сам с афродизиаком вкупе разбудил спящую внутри Мэри фурию. И ему повезет, если это сочетание заставит докторшу убить его, а не сделать пред-

метом своего обожания.

В круговерти любовного вихря Габриэль ни разу полностью не отключился. Наконец он почувствовал, что огонь внутри Мэри постепенно ослабевает. Безумный ураган утих, и наступил долгожданный покой. Потом какие-то люди подняли его с пола и вынесли из каюты доктора Риттерсдорф.

«Лучше б я умер», — признался себе неудачливый дипломат. Очевидно, время вышло, ультиматум терран исчерпан, а Бэйнс не смог предотвратить грядущее.

«Где же я?»

Он решился открыть глаза.

Было темно. Он лежал под открытым небом, светили звезды, вокруг, подобно огромной свалке, высился Гандитаун. В отчаянии Бэйнс огляделся: корабля нигде не было. Терране улетели. Их путь лежал в Да Винчи-Хайтс.

Дрожа, Бэйнс с трудом сел. Во имя всего святого, где же его одежда? Неужели Мэри оставила ее в каюте? Бэйнс лег на землю, закрыл глаза и выругался полушепотом. Он пар, консул Верховного Совета. Какого же он был о себе высокого мнения!

Послышался шум. Бэйнс повернулся на звук,

пристально вглядываясь в темноту, и увидел приближающийся старый раздолбанный автомобиль. Теперь Габриэль мог различить очертания кустов. «Меня выбросили сюда, — понял он, — как ржавую пилу». Выражаясь простым языком, Мэри попользовалась им, да и только. Он ненавидел ее за это и боялся, увидев, на что она способна. Ехавшая машина оказалась обычным гебовским драндулетом с двигателем внутреннего сгорания. Бэйнс уже видел свет ее фар.

Поднявшись, он замахал руками, привлекая внимание водителя. Здесь, на окраине Гандитауна, на едва различимой коровьей тропе, проложенной гебами для выпаса скота, машина остановилась.

— Случилось что? — тоненьким голоском нараспев поинтересовался геб. Бестолковый и беспечный, он не проявил и толики осторожности.

Бэйнс подошел к дверце и сказал:

— На меня напали.

— Неужели?! Какой ужас! И одежду забрали? — Геб колотил в заднюю дверь, пока та со скрипом не распахнулась. — Я отвезу тебя к себе домой. И куплю что-нибудь из одежды, — пообещал он.

— Будет лучше, если вы отвезете меня к Игнату

Ледебуру.

Но если то, что вырвалось из Мэри, все это время жило и спало внутри нее, то не стоит сваливать вину на его святейшество. Предвидеть такой исход событий не мог никто. Если бы его чудо-коктейль действовал так на всех женщин, Ледебур бы им не пользовался.

— Куда отвезти? — заводя машину, спросил геб.

Жители Гандитауна почти не общались между собой. «Еще один симптом болезни», — подметил Бэйнс. Его размышления подтверждали слова Мэри обо всех них. Тем не менее он взял себя в руки и описал, как мог, где живет святой геб.

— Ах да, — понял водитель, — парень с кучей кошек. На днях я сбил одну.

Он хихикнул. Бэйнс закрыл глаза и застонал.

Вскоре они остановились перед тускло освещенной хижиной святого Ледебура. Водитель распахнул дверь, и Бэйнс неуклюже выбрался наружу. Все его суставы ломило, он ощущал на своем теле сотни укусов, что в порыве страсти нанесла ему Мэри. Шаг за шагом в неровном желтоватом свете фар он пересек заваленный мусором двор, нащупал дверь и, отпихнув в сторону разномастную компанию котов и кошек,

постучал.

Увидев его, Игнат Ледебур покатился со смеху.

— Где тебя носило? Ты весь в крови. Я дам тебе одежду, и у Элси наверняка найдется что-нибудь от этих укусов… Она по тебе что, маникюрными ножницами прошлась?

Посмеиваясь, Ледебур зашаркал куда-то вглубь хижины. Толпа чумазых ребятишек с любопытством поглядывала на греющегося у масляного обогревателя Бэйнса, Габриэль же не обращал на них внимания.

Позже, когда сожительница Ледебура смазывала мазью израненное лицо гостя, а хозяин раскладывал поношенную, но относительно чистую одежду, Габриэль Бэйнс сказал:

— Полагаю, она оральный садист.

Тут-то все и сложилось.

«Мэри Риттерсдорф, — осенило его, — больна так же, как и все на Альфе III M2, если не больше».

— Терране улетели, — сказал Ледебур.

— Знаю, — ответил Бэйнс и стал одеваться.

— Около часа назад у меня было видение, — продолжил святой геб.

— Ты видел военный корабль, — догадался Бэйнс, — для атаки на Да Винчи-Хайтс.

Он задумался, не зайдут ли терране столь далеко, чтобы разбомбить город манов водородной бомбой…

— Это корабль преследования. Согласно моему видению, это вторая сила. Он здесь. Он приземлился рядом с поселением поли, в Гамлетсити.

Бэйнс тут же подумал об Аннет Голдинг. Он молил бога, чтобы с ней все было в порядке.

— У тебя есть машина? Хоть что-нибудь, чтобы я мог вернуться в Адольфвилль?

Его машина, по всей видимости, осталась там, где он ее припарковал, недалеко от прежней стоянки терран. Черт, он мог добраться туда пешком! Бэйнс решил, что не вернется в Адольфвилль, а поедет в Гамлетсити, чтобы убедиться, что Аннет не изнасиловали, не избили и не ранили. Если с ней что-нибудь случится…

— Я подвел их, — сказал он Ледебуру. — Я утверждал, что у меня есть план, и они, естественно, полагались на меня, потому что я пар.

Но он еще не сдался. В его голове вновь было полно идей, хороших и не очень. Он, и умирая, будет обдумывать, как победить врага.

— Прежде чем поедешь, куда хотел, тебе нужно что-нибудь поесть. Там осталось немного тушеных почек. Я хотела отдать их кошкам, но ты

можешь взять их с собой, — предложила Элси.

— Спасибо, — отозвался Бэйнс, сдерживая рвотный позыв. Стряпня гебов оставляла желать лучшего.

Но Элси была права. Ему нужно было восстановить силы, иначе он упадет замертво. Непонятно, как он все еще стоял на ногах, учитывая, что с ним случилось.

Позавтракав, Габриэль одолжил у Ледебура фонарик и, поблагодарив его за одежду, мазь и еду, отправился пешком по узким, извилистым и замусоренным улицам Гандитауна. К счастью, его машина все еще стояла там, где он ее оставил. Ни гебы, ни терране не сочли нужным забрать ее, растащить на запчасти или отогнать на свалку.

Сев в машину, Бэйнс выехал из Гандитауна и отправился на восток, в Гамлетсити. Спидометр вновь показывал жалкие семьдесят пять миль в час. Довольствуясь той скоростью, что мог выжать из своей колымаги, Габриэль пересекал разделявшую два города равнину.

Чувство, что он опоздал и свершилось непоправимое, накрыло его с головой. Да Винчи-Хайтс, возможно, был уже захвачен, город пал. Как бы выжили остальные без фантастической энергии клана манов?

Это маленький второй корабль… Если это и есть знак… то разве это не знак надежды? Его появление стало неожиданным. А то, чего они ожидали, не оставляло им никаких шансов. Кланы были обречены.

Бэйнс не был ни шизом, ни гебом, и все же его посещали собственные, с трудом различимые видения. Он предвидел одну крохотную, вырванную из множества других лазейку. Его первый план провалился, но оставалось кое-что еще: возможность, в которую, даже не ведая причин, Габриэль верил.

11

Возвращаясь с заседания Совета в Адольфвилле, Аннет Голдинг размышляла о самоубийстве. Срок ультиматума, выставленного чужакам, истек. Для района Да Винчи-Хайтс война стала реальностью. Произошедшее оказалось невыносимым даже для манов, да и как можно бороться с доводами терран, совсем недавно разгромивших альфанскую империю?

Было предельно ясно, что любые действия безнадежны. Аннет признавала сей факт на биологическом уровне и была готова отдаться на волю судьбы.

«Я похожа на Дино Уоттерса», — сказала она себе, вглядываясь в темноту. Свет фар отражался от дорожной ленты, соединяющей Адольфвилль с Гамлетсити.

«Когда фишки падают, я предпочитаю сдаться, оставляю борьбу. Никто не заставляет меня, я сама хочу этого».

Осознав это, Аннет почувствовала, как ее глаза наполнились слезами. «Наверное, мне стоило бы восхищаться манами, — рассуждала она. — Я преклоняюсь перед теми, кем по своей сущности не являюсь: во мне нет ни грубости, ни отчужденности, ни непреклонности. Но теоретически, будучи поли, я могла бы стать и маном. На самом деле, я могла бы стать кем угодно. Но вместо этого…»

Она повернула направо. Дальний свет выхватил аэрослед, прорезавший ночное небо — совсем рядом с Гамлетсити снижался корабль. Местом посадки он выбрал дорогу, с которой только что свернула Аннет. Если бы она продолжила путь прямо, не удалось бы избежать столкновения. Она успела и испытала типичные для поли эмоции, противоположные по спектру ощущений, но равные по силе переживаний. Страх сдавил ее сердце, а смесь любопытства, нетерпения, возбуждения и предвкушения чего-то особенного

заставила ее увеличить скорость.

Однако осторожность взяла верх над остальными чувствами. Притормозив, Аннет вырулила на мягкую грунтовую обочину и заглушила мотор. Машина бесшумно остановилась. Выключив фары, девушка сидела в машине, прислушиваясь к ночным звукам и не зная, что делать дальше.

Отсюда она едва могла рассмотреть небольшой корабль. Время от времени рядом с ним вспыхивал свет — возможно, терране готовились к осаде Гамлетсити. Тем не менее было тихо. Голосов Аннет не слышала.

Каждый делегат Совета имел при себе оружие, лишь гебы всегда забывали об этом. Сунув руку в бардачок, Аннет вытащила старомодный пистолет со свинцовыми пулями. Она никогда им не пользовалась, и мысль о том, что скоро придется это сделать, казалась невероятной. Но, похоже, выбора не оставалось.

Она прокралась сквозь заросли кустарников, надеясь обойти корабль, но неожиданно вышла прямо к нему. Аннет вздрогнула, отступила назад, ища, где спрятаться, а затем увидела вспышку света — у трапа что-то происходило.

Стоявший там человек был полностью поглощен работой. Обливаясь потом, сосредоточенно

сдвинув брови, он копал яму. Закончив, он ушел обратно на корабль и вскоре вернулся с картонной коробкой, которую поставил рядом с вырытым углублением. Он посветил на коробку, и в луче фонаря Аннет увидела пять похожих на грейпфруты сфер, на вид влажных и пульсирующих. Это были живые организмы, поли узнала их: новорожденные ганимедские слизевики! Она видела их фотографии в познавательных журналах. Конечно! Мужчина их закапывал. В почве они будут расти с огромной скоростью. Эта часть их жизненного цикла. Мужчина спешил. Сферы могли погибнуть.

— Вам не успеть. Все не зароете, — сказала Аннет, удивившись собственной смелости.

Один шар и впрямь уже потемнел и скукожился, увядая на глазах.

— Послушайте, — девушка подошла к незнакомцу, который спешно копал новую ямку, — я намочу руки и подержу зародыши. У вас тут есть вода?

Аннет наклонилась, рассматривая сферы:

— Они, правда, могут все погибнуть.

По всей видимости, мужчине это было известно.

— Там, на корабле, есть большой контейнер, —

резко ответил он. — Рядом увидите водопроводный кран.

Он взял увядающий шар, осторожно опустил его в ямку и, разбивая пальцами комки земли, засыпал его.

Аннет поднялась на борт корабля, нашла кран, наполнила водой миску, быстро вернулась и полила умирающие сферы.

«С грибами бывает так же, — философски размышляла она, — все происходит быстро: рождение, рост и даже смерть. Возможно, людям повезло чуть больше. Им хватает времени, чтобы расхаживать по земле с важным видом».

— Спасибо, — поблагодарил мужчина, взяв вторую, уже смоченную водой сферу, и начал закапывать ее. — Я не надеюсь, что у меня получится спасти их всех, — признался он. — Во время перелета споры проросли, а мне некуда было высадить растения. У меня с собой был только горшок для спор.

Он быстро взглянул на собеседницу и продолжил копать.

— Мисс Голдинг, — добавил он негромко.

— Откуда вы меня знаете? Я вас никогда раньше не видела, — удивилась Аннет и присела на корточки возле коробки со сферами.

— Я уже бывал тут, — загадочно ответил мужчина.

Шар, опущенный в землю первым, начал прорастать. В свете фонарика Аннет увидела, как земля дрожит и вздувается по мере того, как увеличивается диаметр сферы. Зрелище было забавным, и девушка рассмеялась.

— Простите, — извинилась она, — но вы прилетели сюда, воткнули зародыши в землю, а теперь мы сидим и смотрим на один из них. Скоро он станет таким же большим, как и мы.

Она знала, что слизевики по своей природе были ближайшими родственниками грибов, и по этой причине они очаровывали ее.

— Откуда вы так много знаете о них? — спросил мужчина.

— Долгие годы мне ничего не оставалось делать, кроме как заниматься самообразованием в… Я думаю, вы бы назвали это больницей… Прежде чем ее снесли, у меня было много диафильмов. Я увлекалась биологией и зоологией. Это правда, что ганимедские слизевики, достигнув полной зрелости, становятся достаточно разумными, чтобы с ними можно было разговаривать?

— Я бы сказал, даже более чем разумными. — Мужчина ловко подбросил в руке один шарик.

Желеобразный и мягкий, он задрожал.

— Как чудесно, — всплеснула руками Аннет. — Это так волнующе! Стоит остаться здесь, чтобы все увидеть самим. Вам не нравится? — спросила она, опускаясь на колени и наблюдая за его работой. — Все эти ночные запахи, воздух и звуки, издаваемые крохотными существами вроде хипфрогов и колокольчиков. И эти малыши… вы дали им шанс выжить, а не просто оставили умирать. У вас доброе сердце, я это вижу. Как вас зовут?

— Зачем вам мое имя? — Незнакомец искоса взглянул на нее.

— Чтобы я вас запомнила, — улыбнулась Аннет.

— Свое имя я украл, — ответил мужчина, — но я помню человека, носившего его.

Он опустил в ямку все шары, остался последний. Первый, показавшись из земли, уже распустился. Теперь он представлял собой множество соединенных вместе сфер.

— Но мне было необходимо его имя, чтобы я мог…

Он не договорил, но она поняла.

— Меня зовут Чак Риттерсдорф.

— Вы родственник доктора Риттерсдорф, психо-

лога с корабля терран? Вы, должно быть, ее муж!

Аннет была уверена в своих словах. Факт был очевиден. Вспомнив план Бэйнса, она прикрыла рот рукой и захихикала в озорном возбуждении.

— О, — сказала она, — если бы вы только знали!

«Еще одно имя, которое тебе стоит запомнить, — подумала она. — Габриэль Бэйнс. Как все прошло у Габриэля? — гадала Аннет. — Удалось ли ему унизить Риттерсдорф?» Интуитивно она чувствовала, что план провалился, но задуманное звучало забавно, если бы в него не был впутан Габи.

Теперь, понятно, все кончено, потому что прилетел мистер Риттерсдорф.

— Как вас звали, когда вы был тут в первый раз? — прямо спросила Аннет.

Чак взглянул на нее:

— Вы думаете, я сменил свое…

— Вас звали иначе, — уверенно констатировала она.

Не будь это так, Аннет запомнила бы его и узнала.

— Скажем так, — нелюбезно ответствовал собеседник, — я был здесь однажды. Встретил вас, а после улетел обратно на Терру, а теперь

вернулся.

Он посмотрел на Аннет так, словно она была повинна в его бедах. Закопав последнюю сферу, он подобрал пустую коробку и лопатку и направился к кораблю.

— Нас теперь захватят слизевики? — поинтересовалась Аннет.

Ей пришло в голову, что, возможно, происходящее было частью плана терран по завоеванию Альфы. Но идея была абсурдной. Чак имел все признаки человека, работающего в одиночку. Он напоминал пара.

— Вы могли сделать гораздо хуже, — лаконично ответил Риттерсдорф, поднимаясь по трапу. Чуть поколебавшись, Аннет последовала за ним. Яркий свет резал ей глаза.

В кабине корабля остался лежать на полке ее пистолет. Она оставила его там, когда наполняла миску водой, и забыла об этом. Риттерсдорф взял его в руки и осмотрел, а затем повернулся к ней, едва сдерживая усмешку.

— Ваш? — спросил он.

— Да, — пристыженно ответила Аннет.

Она протянула руку, надеясь, что он отдаст ей оружие. Однако он этого не сделал.

— Пожалуйста, — сказала она. — Пистолет мой,

и я положила его, потому что спешила помочь.

Взгляд Риттерсдорфа остановился на девушке. С минуту оба молчали, затем он протянул ей оружие.

— Спасибо. — Аннет была искренне благодарна. — Я запомню ваш поступок.

— Этим вы собираетесь спасать Луну? — с улыбкой спросил Риттерсдорф.

«А он не так уж и плох собой, — решила Аннет, — если не считать беспокойного, измученного выражения лица и слишком большого количества морщин. Его глаза приятного, чистого, голубого цвета. Ему около тридцати пяти, не такой уж и старый, немного старше меня».

В его улыбке она видела боль, не то чтобы подлинную, скорее, противоестественную, словно ему трудно быть счастливым, пусть даже ненадолго. Возможно, как и Дино Уоттерс, мистер Риттерсдорф был склонен к унынию. Если Аннет права, то очень жаль. Депрессия — ужасная болезнь. Гораздо хуже, чем другие.

— Не думаю, что у нас получится спасти Альфу. Это, скорее, для моей собственной защиты. Вы ведь в курсе нашего положения, не так ли? Мы…

Вдруг в сознании Аннет возник голос. Слабо, но отчетливо он прохрипел:

«Риттерсдорф… — Скрипнув, голос затих, а затем вернулся, напоминая слабое шипение радиоприемника. — Это мудро. Я вижу, что Джоан… — Голос вновь смолк».

— Господи, что это было? — ужаснулась Аннет.

— Это слизевик. Один из них. Кто именно, я не знаю.

Чак, казалось, испытал облегчение и громко произнес:

— Все непрерывно!

Он прокричал так, словно Аннет находилась за добрую милю от него.

— Что скажете, мисс Голдинг? Скажите что-нибудь! — внезапно он схватил ее за руки и закружил в танце радостного детского праздника. — Скажите что-нибудь, мисс Голдинг!

— Я рада, — послушно отозвалась Аннет, — видеть вас таким счастливым. Вы должны улыбаться и радоваться как можно чаще. Конечно, я не знаю, что произошло. Во всяком случае… — Она высвободила пальцы. — Я знаю, что вы заслуживаете счастья, что бы это ни было.

Аннет почувствовала позади себя движение, оглянулась и увидела в дверях корабля желтую глыбу, которая перевалилась через порог и медленно, волнообразно продвигалась вперед. «Так

вот какие они, — поняла Аннет, — это заключительная стадия. Выглядит захватывающе!» Аннет отступила, но не в страхе, а в благоговейном трепете. То, как быстро появилась на свет новая особь, оказалось настоящим чудом. И теперь, насколько помнила Аннет, слизевик останется таким навсегда, пока не погибнет от холода, жары или от слишком сухой погоды. И в конце вновь появятся споры, и цикл повторится.

Когда слизевик вполз внутрь, за ним появился второй, а следом и третий.

— Ты Раннинг Клэм? — удивленно спросил Чак.

«Существует обычай, — зазвучал в голове Аннет голос, — что первенец перенимает идентичность родителя. Но на самом деле никакой разницы нет. В каком-то смысле все мы Раннинги Клэмы, копии друг друга. Я выбрал себе это имя, остальные придумают новые имена. У меня сложилось впечатление, что мы сможем тут жить, и жить хорошо. Атмосфера, влажность и гравитация кажутся вполне для нас подходящими. Ты помог нам расширить среду обитания, перенеся нас более чем… Сейчас подсчитаю… На три световых года от нашего первоисточника. Спасибо, — добавил он, или, точнее, они. — Боюсь, на вас скоро

нападут. Тебе лучше улететь как можно скорее. Вот почему мы пришли на ваш корабль — те из нас, кто успел созреть».

— Кто нападет? — спросил Риттерсдорф. Он нажал рычаг на панели управления, и люк корабля закрылся. Сев в кресло пилота, Чак приготовился к взлету.

«Мы это выясняем, — донеслись до Аннет мысли трех ганимедян. — Речь идет о представителях местного населения. Они называют себя манами. Видимо, им удалось взорвать какой-то другой корабль».

— Боже мой, — сквозь зубы простонал Чак, — должно быть, это корабль, на котором прилетела Мэри!

«Скорее всего, ты прав, — согласился слизевик. — Маны, что идут сюда, поздравляют друг друга с победой. Их борьба с миссис Риттерсдорф была успешной. Однако ей удалось спастись. Она была на первом корабле, на данный момент ее местоположение неизвестно. Маны охотятся за ней и ее командой».

— А как насчет ближайших военных кораблей терран? — уточнил Риттерсдорф.

«Военных кораблей? Маны воздвигли вокруг своего поселения что-то наподобие защитного

купола. Сейчас все они в безопасности, — слизевик задумался, — но ненадолго, и маны это знают. Их вылазки и контрнаступления носят временный характер. Но им все равно это в радость. Они по-настоящему счастливы, в то время как корабли терран без толку жужжат вокруг Да Винчи-Хайтс».

«Бедные маны, — подумала Аннет, — не в силах заглянуть в будущее, они сосредоточились на настоящем и ринулись в бой так, словно имели реальный шанс на победу». Но в правильном ли свете она видела происходящее? Служила ли улучшением ситуации ее готовность принять неудачу?

Неудивительно, что все кланы зависели от манов. Они были единственными, кто обладал мужеством. И жизненной силой, что шла от смелости.

Остальные, поняла Аннет, давно потеряны. Все произошло еще до того, как появилась эта терранка, Мэри Риттерсдорф.

* * *

Габриэль Бэйнс, ехавший со скоростью жалких семидесяти пяти миль в час к Гамлетсити, увидел, как юркий маленький кораблик взмыл

в ночное небо. «Я опоздал», — подумал Габриэль. Психическое чутье пара подсказывало ему, что живая или мертвая Аннет там, на борту. Так или иначе, но она улетела, и Габриэль, чувствуя, как на него накатывают отчаяние и горечь, снизил скорость.

Какой от его действий был толк? С тем же успехом он мог вернуться к своему клану в Адольфвилль, чтобы прожить с ними эти неизбежно последние дни.

Бэйнс начал разворачиваться, и вдруг рядом с ним что-то громыхнуло — нечто со скрипом и лязгом направлялось к Гамлетсити. Отлитое из первоклассного железа чудовище — ракетный танк, творение и гордость манов — ползло, освещая окрестности мощными прожекторами. На его спине развевался красно-черный флаг — боевой символ клана.

Габриэль, вероятно, стал свидетелем наземного контрнаступления. Но что происходило на самом деле? Перед ним было орудие манов, но оно направлялось точно не в Гамлетсити. Быть может, они пытались добраться до корабля прежде, чем он взлетит. Но для них, как и для него самого, было уже слишком поздно.

Габриэль нажал на клаксон. Танк развернулся,

люк башни открылся, из него высунулся незнакомый Бэйнсу человек и помахал рукой. Лицо мана пылало, было видно, что он наслаждался происходящим, тем, к чему так долго готовился. Он защищал Альфу III M2. То, что угнетало Бэйнса, оказывало противоположный эффект на манов. Для сидящего внутри машины мана конфликт с терранами стал возможностью показать свою воинственность и красивую позу. Габриэля это не удивило.

— Приветствую! — широко улыбаясь, крикнул танкист.

— Вы, как я вижу, упустили корабль, — как можно более язвительно отозвался Габриэль.

— Ему от нас не уйти! — без тени смущения ответил ман и, не теряя жизнерадостности, вскинул руку в небо. — Взгляни туда, приятель! Видишь ракеты?

Секундой позже над головой Бэйнса что-то сверкнуло, посыпались осколки, и Габриэль понял, что корабль терран подбит. Ман был прав. Бэйнс пришел в ужас. Интуиция подсказывала ему, что Аннет находилась на борту.

— Вы варвары! Чертовы маны! — закричал в бессилии Габриэль.

Справа от него падали обломки подстреленного

судна. Захлопнув дверцу машины, он завел мотор, съехал с дороги и двинулся в сторону. Танк манов поехал следом, разрывая ночь скрежетом и лязгом металла.

Бэйнс первым добрался до останков корабля. Огромный газовый шар вылетел из корпуса, мягко спустив подбитое судно на землю. Наполовину зарытый в почву корабль лежал носом вниз и дымился. Увиденное еще больше ужаснуло Бэйнса. Судно вот-вот взорвется! В любую минуту атомный стержень внутри двигателя достигнет своей критической массы, и все будет кончено.

Выскочив из машины, Габриэль бросился к люку. Подбежав, он увидел, как крышка откинулась и наружу, пошатываясь, выбрался терранин, за ним Аннет, а следом медленно выползла огромная желтая капля. Существо подтекло к краю люка и шлепком свалилось вниз.

— Послушай меня, — обратился к ману Бэйнс, — оставь этих людей в покое. Эта женщина из Гамлетсити. Она одна из нас.

— Одна из нас? — переспросил ман. — Если она из Гамлетсити, то она не одна из нас.

— Да ладно тебе, — попытался успокоить разбушевавшегося товарища Бэйнс. — Неужели вы, маны, так взвинчены, что не признаете и

не помните братства кланов во время кризиса? Опусти оружие!

Не сводя глаз с танкиста, Бэйнс медленно пошел к своей машине. Под сиденьем его автомобиля был спрятан пистолет. Если он успеет добраться до него, то у него появится шанс спасти жизнь Аннет.

— Я доложу о вас Говарду Строу, — сказал Бэйнс, открыл дверцу машины и на ощупь забрался внутрь. — Я его коллега, представитель клана паров. — Пальцы Габриэля сомкнулись на рукоятке пистолета, он поднял его и прицелился, одновременно сняв с предохранителя.

Сухой щелчок прозвучал отчетливо и громко в неподвижном ночном воздухе и заставил мана мгновенно отреагировать. Лазерный прицел теперь был направлен на Габриэля. Ни пар, ни ман ничего не сказали. Они смотрели друг на друга, не двигаясь и не стреляя. Света было недостаточно, ни один из них не мог полностью разглядеть другого.

— Аннет, мистер Риттерсдорф, ложитесь! — прокричал Габриэль. — Ваша жена где-то поблизости, я улавливаю активность ее головного мозга!

Бог весть откуда пришла ему в голову эта

мысль, некогда было выяснять, но в достоверности информации он не сомневался. К счастью, терранин не тратил времени на расспросы и подчинился приказу.

Ман вздрогнул, отвел пистолет от Бэйнса, вгляделся в ночь и выстрелил наугад.

Лазерный луч прошел над головой терранина и прожег дыру в корпусе разрушенного корабля. Пытаясь определить источник стрельбы, второй ман высунулся из танка. Он инстинктивно схватился за бластер, но не выстрелил. Он пытался сообразить, что происходит и кто, черт побери, стрелял!

— Аннет, быстро в машину! — крикнул Габриэль, придерживая дверцу.

Поли подняла голову, взглянула на Бэйнса, затем повернулась к лежавшему рядом терранину. Они коротко кивнули друг другу, вскочили и, спотыкаясь, бросились к машине.

Ман открыл огонь из люка, но не по беглецам. Он стрелял в темноту, туда, откуда прилетел лазерный луч. Не обнаружив цели, он прекратил бесполезную пальбу и нырнул обратно в люк. Башня захлопнулась, и машина, содрогнувшись, тронулась с места и поехала вперед. Из дула танка вылетел снаряд, прошел прямо, параллельно

земле и взорвался, оставив глубокую воронку. Габриэль попытался развернуть машину и затормозить. В момент взрыва, казалось, земля и небо поменялись местами, будто разверзлись недра и поглотили их. Бэйнс закрыл глаза, но то, что происходило, невозможно было забыть.

Терранин выругался. Аннет заскулила от страха.

— Маны, — стиснув зубы, прорычал Бэйнс, чувствуя, как ударная волна подбрасывает машину.

— Нельзя использовать такую ракету, — сквозь шум голос терранина был едва слышен, — на столь близком расстоянии.

Подхваченная взрывной волной машина поднялась и тяжело опустилась, накренившись и едва не упав на бок. Бэйнса швырнуло в сторону, но если защитная обивка крыши смягчила удар, то столкновение с приборной доской было куда более ощутимым. Устройств, какие установил предусмотрительный пар для защиты от нападения, оказалось явно недостаточно. Машину опять подбросило и крутануло. «Ненавижу манов! — говорил себе Габриэль. — И никогда в жизни не выступлю за совместное сотрудничество!»

С криком «Господи!» на него свалилась Аннет. Бэйнс придержал ее, инстинктивно закрываясь

от осколков посыпавшегося на него выбитого стекла. В нос ударил едкий запах чего-то горящего, возможно, его собственной одежды. Сработала противопожарная защита, и в машину хлынула антитермическая пена. Бэйнс оказался в сером море, ища, за что можно ухватиться, и снова потерял из виду Аннет.

«Проклятье какое-то! — подумал он. — Эти штуковины, стоившие мне столько времени и денег, в сто раз хуже чертового взрыва! Мораль-то в чем?» — спрашивал он себя, барахтаясь в липкой пене. Это напоминало намыливание для некой великой эпиляции. Бэйнс изо всех сил пытался высвободиться.

— Помогите! — прокричал он, хлебнул пены и закашлялся. Никто не отозвался.

«Я взорву к чертовой матери этот танк! — отплевываясь, мысленно восклицал Бэйнс. — Клянусь, я отомщу! Я всегда знал, что эти надменные маны против нас! Они поплатятся за это!»

«Вы ошибаетесь, мистер Бэйнс, — мелькнула в голове спокойная и здравая мысль. — Солдат, выпустивший ракету, не собирался причинять вам вреда. Прежде, чем выстрелить, он произвел тщательный расчет — по крайней мере, так ему показалось. Вам не стоит видеть злой умысел в

случайном ранении. Сейчас он пытается дотянуться до вас и вытащить из пылающей машины. И ваших спутников тоже».

«Если вы меня слышите, — мысленно взмолился Бэйнс, — помогите!»

«Я ничего не могу сделать, — донесся виноватый ответ, — я всего-навсего слизевик и ни при каких обстоятельствах не могу приблизиться к огню, будучи слишком чувствительным к теплу, как ясно показывают недавние события. Пытаясь помочь вам, двое моих собратьев погибли. И в данный момент я не готов снова размножаться. В любом случае, — вдруг добавил инопланетянин, — если бы я и попытался кого-то спасти, то это был бы Риттерсдорф».

Чья-то рука схватила Габриэля Бэйнса за шиворот, подняла, выволокла из машины и отшвырнула в сторону. Это был ман, представители их клана обладали недюжей физической силой. Затем он вытащил Аннет.

«Теперь Риттерсдорфа», — донеслись до лежащего на земле Бэйнса тревожные мысли слизевика.

И вновь с полным пренебрежением к собственной безопасности, что также характерно для гиперактивного темперамента манов, солдат

исчез в машине и вытащил терранина.

«Благодарю вас, — подумал с облегчением слизевик. — В обмен позвольте мне сообщить вам вот что: ваша ракета не достигла цели. Доктор Риттерсдорф и симулякр ЦРУ, мистер Мэйджбум, все еще где-то рядом. В темноте их не видно, но они вновь ищут возможность выстрелить в вас. Так что вам лучше вернуться в свой танк как можно скорее».

— С чего это я должен прятаться? — рассердился ман.

«Потому что ваш клан уничтожил их корабль, — ответил слизевик. — Развязана война. Скорее же!»

Ман бросился к своему танку.

Но он не успел. Пройдя две трети пути, он рухнул лицом вниз, когда из темноты появился лазерный луч, на мгновение коснулся его и погас.

«Ну что ж, теперь наша очередь, — с горечью подумал Габриэль Бэйнс, вытирая с себя пену. — Интересно, узнает ли она меня, вспомнит ли о нашей сегодняшней встрече… И если да, то захочет ли она пощадить меня или убить?»

Рядом с ним терранин, по некому странному совпадению тоже назвавшийся Риттерсдорфом, с

трудом сел и сказал:

— Ваш пистолет! Где он?

— Возможно, все еще в машине, — предположил Бэйнс.

— Зачем ей убивать нас? — воскликнула Аннет.

— Потому что она знает, зачем я прилетел сюда, — сказал Риттерсдорф. — Я убью ее.

Его голос прозвучал спокойно.

— К ночи один из нас будет мертв. Либо она, либо я. — Очевидно, он уже принял решение.

Над их головами раздался рев двигателя. Это был другой корабль. Огромный, понял Габриэль Бэйнс. У него появилась надежда: возможно, теперь есть шанс сбежать от Мэри Риттерсдорф, которая, по подозрениям Бэйнса, была натуральной психопаткой. Пусть даже это и корабль терран. Это их последняя надежда. Было ясно, что доктор Риттерсдорф действует вне рамок официальных приказов, ее ведет вперед собственное звериное возбуждение.

Небо озарила сигнальная ракета. Ночь стала белой: все вокруг, каждый предмет был виден с августовской ясностью. Разбитый корабль мистера Риттерсдорфа, брошенный танк манов, убитый солдат, выгоревшая дотла машина Бэйнса, а в

сотне ярдов от них — бурлящий котлован, что оставила после себя ракета. Далеко среди деревьев можно было разглядеть две человеческие фигуры. Мэри Риттерсдорф и кто-то еще, о ком говорил слизевик. Габриэль рассмотрел и ганимедянина, тот укрылся возле разбитого корабля. В свете сигнальной ракеты зрелище открывалось жуткое. Бэйнс подавил невольный вздох.

— Это военный корабль терран? — спросила Аннет.

— Нет, — ответил Риттерсдорф. — Видишь кролика на боку?

— Кролика? [11] — Зрачки ее глаз расширились. — Это раса разумных кроликов? Они существуют?

«Нет, — мысленно обратился к Габриэлю слизевик. — Это — Банни Хентман, — с видимым сожалением произнес инопланетянин, — он ищет тебя, Чак. Как ты с долей пессимизма предположил, с его стороны было легко догадаться, что ты прилетел сюда, на Альфу III M2. Хентман покинул Браге-Сити вскоре после того, как ты стартовал с Терры. Я только что прочел это в его мыслях. Конечно, будучи спорой, я не догадывал-

[11] Примечания: 11

В оригинале на боку корабля изображен кролик. По-английски слово звучит как bunny, что перекликается с именем Банни Хентмана.

ся о его действиях».

«Ничего не понимаю, — подумал Габриэль. — Кто такой этот Банни Хентман? Кроличий Бог? И зачем ему понадобился Риттерсдорф?» На самом деле, Бэйнс даже не был уверен, кто такой этот Риттерсдорф. Муж Мэри? Брат?

В голове у него образовалась каша. Все, чего он хотел, — это вернуться в Адольфвилль, туда, где его клан разработал надежную систему безопасности, как раз на такой отвратительный случай, как этот.

«Мы обречены, — решил Бэйнс, — все против нас! Маны, доктор Риттерсдорф, огромный корабль с тотемным кроликом на боку, готовые в любой момент напасть терране… Какие у нас шансы?» Внутри него росла и ширилась горечь поражения.

«Так тому и быть», — подумал он.

Он наклонился к Аннет, пытавшейся стряхнуть с рук антитермическую пену, и сказал:

— Прощай.

— Ты куда, Габи? — Она посмотрела на него большими темными глазами.

— Да какая теперь разница? — обреченно отозвался он.

В свете сигнальной ракеты все выглядело

именно так: они находились под прицелом этой психопатки Мэри Риттерсдорф. Она уже пристрелила мана, шансов выжить у них не было. Габи неуверенно поднялся на ноги, отряхиваясь, как мокрая собака.

— Я ухожу, — ответил он Аннет.

Щемящая грусть нахлынула на него. Но не от приближения собственной смерти, а от того, что может погибнуть она.

— Я бы хотел что-нибудь сделать. Но эта женщина безумна, и мне это известно, как никому.

— Ну… — протянула Аннет. — Значит, ничего хорошего не вышло. Твой план провалился.

Она украдкой взглянула на Риттерсдорфа.

— Ты сказала «ну?» — Габриэль рассмеялся. — Это было и впрямь удивительно. Постараюсь как-нибудь все тебе описать.

Он наклонился и поцеловал ее. Лицо Аннет, скользкое и влажное от пены, на мгновение прижалось к его лицу, а потом он выпрямился и пошел прочь. В свете догорающей сигнальной ракеты он видел все. Он ждал, что его коснется лазерный луч и наконец все закончится. Свет был так ярок, что пришлось зажмурить глаза. Щурясь, шаг за шагом он двигался вперед, не зная точного направления. Почему она не стреляет? Он знал,

что она придет, и хотел, чтобы все произошло как можно скорее. Смерть от руки этой женщины — хороший конец для пара, ироничный и заслуженный.

Кто-то преградил ему путь. Габриэль открыл глаза. Перед ним стояли три знакомые фигуры: Сара Апостолес, Омар Даймонд и Игнат Ледебур, три величайших провидца на Луне, или, иначе говоря, три величайших психа. Вот только их и не хватало! Левитировали они, или телепортировались, или что они там делают, в любом случае они попали сюда с помощью своей неомагии. Увидев их, Бэйнс почувствовал лишь раздражение. Ситуация и так была весьма непростой.

— Зло противостоит злу, — назидательно произнес Игнат Ледебур. — Но от этого зла наши друзья должны быть спасены. Верь в нас, Габриэль. Мы позаботимся о том, чтобы вас доставили в безопасное место. — Он протянул руку Бэйнсу и улыбнулся. Лицо геба в этот момент было необыкновенно одухотворенным.

— Мне помощь не нужна, — ответил Бэйнс. — Аннет. Помогите ей.

Ему показалось, что в этот миг он перестал быть паром. Тяжесть этой ноши исчезла. Он не хотел защищать себя от всякого зла. Впервые в

жизни он хотел защитить кого-то другого.

— Они и ее спасут, — заверила его Сара Апостолес.

Над их головами все еще ревели двигатели. Огромный корабль с надписью «Банни» на борту заходил на посадку.

12

— Вы слышали, что сказал слизевик? На корабле этот Банни Хентман, один из самых разыскиваемых преступников в списке ЦРУ, — обратился Мэйджбум к стоящей перед ним Мэри. Он потер горло, нервно откашлялся и включил передатчик. Необходимо было немедленно связаться с представителем ЦРУ, находящимся на ближайшем корабле.

— А еще слизевик заявил, — отозвалась Мэри, — что ты не человек, а симулякр.

— Человек, не человек, какая теперь разница? — отмахнулся Мэйджбум и переключился на другой разговор, не обращая больше на Мэри никакого внимания. Он докладывал своему начальству, что неподалеку наконец-то объявился Банни Хентман.

«Вся сводка, — подумала доктор Риттерсдорф, — основывается на словах ганимедского

слизевика».

Доверчивость ЦРУ в таких вопросах была за гранью понимания. Вне всякого сомнения, Хентман прилетел на корабле с изображенным на корпусе кроликом — небезызвестным символом одноименного шоу.

Мэри вспомнилась их первая встреча. Она обратилась в компанию Хентмана, надеясь получить для Чака работу сценариста. Банни ловко сделал ей встречное предложение, которого она никогда не забудет. «Побочная сделка» — так они эвфемистически выразились. «Похотливые скунсы», — подумала она, наблюдая, как корабль снижается, словно падает огромный перезрелый футбольный мяч.

— Мне отдали приказ, — вдруг обратился к ней Мэйджбум, — арестовать мистера Хентмана.

Изумленная Мэри молча наблюдала, как агент сорвался с места и короткими перебежками двинулся к только что севшему кораблю.

«Стоит ли его отпускать? — подумала Мэри. — Да пусть идет. Почему бы и нет?»

Она опустила бластер. Доктор не имела ничего против Мэйджбума, будь он человеком или всего лишь имитацией. Так или иначе, толку от него не было, как и от всех сотрудников ЦРУ, которых

она встречала за годы жизни с Чаком. Чак! Мэри тут же переключила свое внимание на бывшего мужа, жавшегося в эту минуту к Аннет Голдинг.

«Ты забрался так далеко, дорогой. И все ради того, чтобы поквитаться со мной. Стоила ли игра свеч? Хотя ты, я смотрю, нашел тут подружку. Интересно, понравится ли тебе полиморфная шизофреничка?»

Подняв бластер, она нажала на курок.

Резкий белый свет вдруг погас. Вновь воцарилась темнота. Несколько секунд Мэри не могла понять, что произошло, но потом осознала, что экипаж корабля сбил ракетницу. Совершив посадку, они более не нуждались в освещении и предпочитали темноту, словно боящееся света насекомое, что прячется за книжным шкафом.

Мэри не видела, задел ли ее выстрел Чака.

«Черт побери!» — подумала она. На нее накатил страх, ведь это она оказалась в опасности. Чак решил поиграть в убийцу, и Мэри прекрасно и здраво оценивала сей факт. Его присутствие здесь подтверждало ее профессиональную зоркость. Теперь она задумалась о том, что именно Чак мог быть оператором Мэйджбума во время их перелета с Терры на Альфу III M2. Да и в первые дни тоже. Почему тогда он не прикончил ее сразу,

зачем было ждать? Но сейчас-то все изменилось, поскольку симулякром управляют с Терры. Такова политика ЦРУ, Чак много раз рассказывал ей об этом.

«Нужно уносить ноги, — сказала себе Мэри, — пока он до меня не добрался. Но куда мне идти? Проход к нашим военным кораблям перекрыт, эти шизоиды на пару с маньяками понатыкали везде свои защитные экраны. Терране все еще пытаются найти лазейку, но, возможно, потому-то и прервалась связь с военными». Да и Мэйджбум исчез. Мэри больше не могла связаться с кораблями через него.

«Как я хочу домой, — вздохнула она. — Вся эта затея, весь проект оказались ужасными. Безумие какое-то! Мы с Чаком пытаемся прикончить друг друга. Откуда взялся этот сумасшедший порыв? Да мы оба рехнулись! Я думала, между нами все кончено. Разве развод все не решил? Мне нельзя было отправлять туда Альфсона. Он сделал те фото и… Вероятно, поэтому Чак решился на убийство».

Однако было уже слишком поздно: она не только получила фотографии, но и использовала их в суде. Они стали достоянием общественности. Любой, у кого было хоть немного болезненного

любопытства, мог поискать запись суда, оживить фотографии и насладиться захватывающим зрелищем, как Чак и Триест занимаются любовью. In hoc signo vinces [12], мой милый.

«Чак, — подумала она, — я бы хотела сдаться, выбраться отсюда если не ради тебя, то ради себя. Разве мы не можем остаться друзьями?»

Надежда была напрасной.

На горизонте появилось нечто странное, оно извивалось и меняло очертания. Мэри содрогнулась. Размер существа впечатлял. Оно было столь огромно, что не могло быть творением рук человеческих. Сюда пришло нечто фантастическое, но реальное и осязаемое. Звезды потускнели, а некоторые и вовсе погасли. Явившееся существо начало светиться.

Очертаниями оно напоминало огромную ящерицу. Мэри сразу поняла, что видит шизофреническую галлюциногенную проекцию — часть первичного мира, родившегося в сознании эмоционально-неустойчивого психопата. Очевидно, увиденное ею встречается тут, на Альфе III M2. Но почему его видит *она*?

Мог ли шизофреник или, возможно, несколько

---

[12] Примечания: 12
Под этим знаменем победишь (*лат.*).

из них, действующих согласованно, координировать свое психотическое восприятие с психоническим талантом?

«Странно», — нервно подумала Мэри, надеясь, что ее теория не оправдается. Ведь окажись это правдой, подобная комбинация стала бы для нее смертельной. Насколько далеко простерлись их душевные отклонения, пока они были предоставлены сами себе? Целую четверть века, опьяненные свободой, они жили в своем иллюзорном мире, без малейшего контроля и уж тем более без коррекции извне.

Мэри вспомнила гебефреника из Гандитауна, Игната Ледебура. Его, вероятно, справедливо называли святым. При встрече она, несмотря на грязь и нищету кругом, почувствовала в нем поток пугающих, хаотично мечущихся сверхъестественных способностей. Своим нетипичным безумием геб очаровал ее.

Между тем ящерица — на вид вполне реальная — потянулась, изогнула длинную шею и раскрыла пасть. Из нее вырвался огненный шар и осветил небо, подобно солнцу. Он поплыл вверх, подхваченный воздушным потоком, и Мэри выдохнула с облегчением. Шар удалялся, а не опускался. Увиденное, однако, заставило доктора

содрогнуться. Зрелище слишком уж напоминало ее собственные тайные сны. Ей снилось подобное, и она никогда не обдумывала эти сновидения, не изучала и уж точно ни с кем не обсуждала. Боже упаси ее от профессионального психиатра!

Огненный шар замер, дрогнул и начал распадаться на светящиеся полосы. Они поплыли вниз. Цепенея от увиденного, Мэри поняла, что полосы складываются в буквы, а затем в огромные слова. Кто-то составлял послание в небе, и оно было обращено к ней!

ДОКТОР РИТТЕРСДОРФ, ИЗБЕГАЙТЕ КРОВОПРОЛИТИЯ, И МЫ ДАДИМ ВАМ УЛЕТЕТЬ!

А чуть пониже, словно невидимый автор забыл дописать важную реплику, высветились буквы поменьше:

СВЯТОЙ ТРИУМВИРАТ.

«Они тут все окончательно чокнулись, — убедилась Мэри, чувствуя, как к горлу подступает истерический смех. — Это Чак хочет крови, а не я! Почему, господи боже, вы обратились ко мне? Если вы тут все такие святоши, то способны же

понять столь очевидные вещи!»

Но и она понимала, что, возможно, все не так очевидно. Это она стреляла в Чака, а перед этим убила бежавшего к своему танку солдата. Так что, говоря начистоту, ее совесть и намерения не так уж и чисты.

В небе высветились новые слова:

ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕТЬТЕ.

«Господи боже, да как я вам отвечу?» — запротестовала Мэри. Как у нее получится изобразить в небесах огненное письмо, она-то не вхожа в Триумвират гебефренических святых-психотиков.

«Это все невыносимо, — сказала она себе, — полный абсурд, но придется потерпеть. Если я должна слушать их, верить им, то, по их мнению, я виновата, каким-то образом ответственна за злобу, которая существует между мной и Чаком. Но это не так».

Вдруг рядом с кораблем Банни Хентмана вспыхнул красный лазерный луч. Дэниэл Мэйджбум, симулякр ЦРУ и по совместительству полевой агент, явно приступил к выполнению возложенной на него миссии. Интересно, какого успеха добился этот человек или, правильнее сказать, робот? Вероятно, зная ЦРУ, никакого. Несмотря

на это, Мэри пожелала ему удачи.

Интересно, есть ли у Святого Триумвирата сообщение и для него? Ему явно нужна помощь: оставшись один, Мэйджбум предпринял лобовую атаку на корабль Хентмана. И стрелял он теперь, как заметила Мэри, с нечеловеческой самоотдачей.

«Может, он и симулякр, — подумала она, — но не трус. А вот остальные — я, Чак с той девушкой, слизевик и даже убитый ман, что тщетно искал защиты внутри своего танка, — все мы теперь скованы страхом и движимы не чем иным, как животным инстинктом спасения собственных шкур. Из всех нас лишь Дэн Мэйджбум, симулякр, перешел в наступление».

Однако Мэри склонялась к тому, что вылазка Мэйджбума обречена на курьезный провал.

В небе вновь появились огромные светящиеся слова. В этот раз, слава богу, они не были адресованы Мэри. Она была избавлена от унижения быть особенной.

ПРЕКРАТИТЕ ВОЙНУ. ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА.

«Ладно, — согласилась с провидцами Мэри, — я буду любить своего бывшего мужа Чака, который

пришел сюда, чтобы убить меня. Как это для начала, а?»

Свечение лазерных лучей у корабля Хентмана усилилось. Симулякр не внял великим словам и продолжал свою бесполезную, но в высшей степени доблестную борьбу.

Впервые в жизни Мэри кем-то искренне восхищалась.

* * *

С того момента, как в небе появился корабль Хентмана, слизевик начал нервничать. Его мысли, транслирующиеся Чаку, были овеяны тревогой.

«Прямо сейчас я получаю ошеломляющую реакцию на недавние события, — обратился инопланетянин к Риттерсдорфу. — Хентман и его команда с парочкой альфанцев создали философию, что ставит тебя, Чак, в центр заговора против них». Слизевик помолчал и добавил: «Они отправили сюда шаттл».

— С какой целью? — спросил Чак, чувствуя, как учащается сердцебиение.

«Снимки, сделанные при свете ракетницы, указывают на твое присутствие здесь. Катер прилунится, и тебя схватят. Это неизбежно».

— Останься здесь, — поднимаясь, сказал Чак Аннет, — я постараюсь увести их.

Он бросился прочь, не выбирая направления, спотыкаясь на кочках и рытвинах. Тем временем совершил посадку корабль его бывшего босса. Уходя в сторону, Чак заметил нечто странное: рядом с судном тусклыми красноватыми полосами светились лазерные лучи. Кто-то в одиночку или с товарищами дал бой Хентману, как только тот открыл люк. Чак задумался, кто это мог быть. Точно не Мэри. Кто-то из кланов? Быть может, отряд манов? Но разве у них не было других забот? Они отбивались от терран, удерживая не самый надежный щит над Да Винчи-Хайтс. К тому же их оружие было другим. Старые лазерные бластеры больше смахивали на игрушки ЦРУ.

«Это Мэйджбум», — решил Чак. Симулякр получил команду вступить в бой с противником и, будучи машиной, выполнил приказ.

«Маны меряются силами с терранами, агент ЦРУ устроил перестрелку с Хентманом, а моя бывшая супруга сводит счеты со мной. Хентман мне тоже не друг. На первый взгляд получается весьма рациональное уравнение, которое при желании можно упростить. Если маны дают бой терранам, а Хентман воюет со своими же,

то маны и прилетевший на корабле с кроликом известный юморист на одной стороне. Хентман видит во мне врага в одной упряжке с терранами. Мэри ищет способ меня убить, так что она будет заодно с Хентманом, а значит, пойдет против Терры. Однако именно Мэри возглавляет группу высадившихся на Альфе психологов-волонтеров. Так что по логике вещей Мэри одновременно и враг, и союзник терран».

Уравнение все никак не решалось. Слишком много оказалось переменных, слишком много поступков, идущих вразрез с логикой, слишком много людей, действующих самостоятельно, — взять, к примеру, все ту уже Мэри.

Пока Чак проворно пробирался сквозь темноту, к нему пришло понимание собственной дилеммы. Его врагом был Хентман. Это означало, что согласно точной и неопровержимой логике Чак оказывался союзником терран, признавал он это или нет. На некоторое время забыв о Мэри, чьи действия однозначно не были санкционированы терранскими властями, Чак смог наконец оценить ситуацию. Его надежда заключалась в том, чтобы добраться до корабля терран и укрыться там. Только там он будет в безопасности.

Но Чак вынес за скобки воюющие с терранами

местные кланы. Что ж, уравнение не уменьшилось по сложности! Стань Риттерсдорф на сторону терран, он тут же окажется врагом Аннет, врагом каждого, кто живет здесь.

Чак увидел перед собой собственную тень. Из-за его спины появился свет. Кто-то запустил еще одну ракетницу? Чак обернулся и замер, пораженный.

В небе горели огромные огненные буквы — послание, адресованное его жене и всем терранам. «Доктор Риттерсдорф, избегайте кровопролития, — гласили парившие в воздухе строки, — и мы дадим вам улететь». Очевидно, это безумная и глупая тактика живущих здесь психопатов. Возможно, это дело рук почти потерявших человеческий облик жителей Гандитауна. Мэри, конечно, не обратила на это особого внимания. Однако светящийся над головой знак заставил Чака осознать еще кое-что: кланы видят в Мэри врага. Так же, как и он сам. Если следовать логике, сей факт переносил Чака по одну сторону баррикад вместе с манами и остальными кланами. Но его отношения с терранами не сближали его с местным населением. Заключение напрашивалось само собой. Чак был их союзником и противником одновременно.

Выхода он не видел. От логики никакого проку не было. Чак побежал дальше.

Старая добрая индийская половица, позаимствованная у одного из мудрейших царей, «Враг моего врага — мой друг» тут просто-напросто не работала.

Над головой Чака что-то прожужжало, и, словно из рупора, вдруг раздался приказ: «Риттерсдорф! Стой на месте или мы тебя уничтожим!» Голос прогремел в полную силу, эхом отражаясь от земли. Шаттл Хентмана висел прямо над Чаком. Они, как и предсказывал слизевик, нашли его.

Тяжело дыша, Чак остановился.

Шаттл завис в воздухе на высоте десяти футов.

Из корпуса показалась металлическая лестница и с шумом съехала вниз. Чак вновь услышал голос:

— Поднимайтесь наверх, Риттерсдорф. Безо всякой возни и проволочек!

Во мраке ночи, освещенная лишь буквами в небе, лестница дрожала, словно сотрясаемая невидимой рукой.

Ухватившись за нижнюю ступеньку, Чак начал подниматься. В сердце его накипала тяжелая, свинцовая безысходность. Меньше чем через минуту он оказался в кабине. Перед ним стояли

двое терран. Держа в руках лазеры, они смотрели прямо на него. «Наемники Банни», — догадался Чак. Одним из них был Джерри Филд.

Трап был поднят. Набрав максимальную скорость, шаттл летел к кораблю-носителю.

— Мы спасли тебе жизнь, — сказал Филд. — Эта дамочка, твоя бывшая, в клочья бы тебя порвала, останься ты там.

— Ну и что? — спросил Чак.

— Мы отвечаем добром на зло. Чего ты еще от нас хочешь? Банни не расстроился и не обиделся, вот увидишь. Он не тот человек, чтобы платить местью. В конце концов, как бы плохо ни шли дела, Банни всегда может перебраться в альфанскую империю. — Филд изобразил улыбку, словно находил эту мысль удачной. Сказанное означало, если выражаться языком Хентмана, что ситуация не являлась критической. Найти выход было можно.

Шаттл достиг корабля-носителя и скользнул в открытый шлюз. Оказавшись внутри взлетно-посадочного туннеля, они заглушили двигатели и опустились к причалу, вглубь огромного космического судна.

Когда люк шаттла открылся, Чак оказался лицом к лицу с Банни Хентманом.

— На нас напали. — Вид у комика был отнюдь не комическим.

Он вытер вспотевший лоб и продолжал:

— Один из местных психопатов, судя по тому, как он себя ведет.

Стены корабля задрожали.

— Слышишь? — со злостью в голосе спросил Хентман. — С одним бластером в руках на рожон лезет. Пойдем со мной, Риттерсдорф, мне надо с тобой поговорить. У нас произошло поистине идиотское недоразумение, но я думаю, что еще есть шанс со всем разобраться. Верно?

— Не у нас, а между тобой и мной, — на автомате поправил его Риттерсдорф.

Хентман повел его по узкому коридору. Чаку никто не угрожал, и никто не размахивал пистолетом, но он покорно подчинялся. Вероятно, он все еще чувствовал себя заложником.

Им встретилась девушка в шортах и топлесс, она курила и пребывала в задумчивости. Она мельком взглянула на них, отвернулась и исчезла за дверью. Чак узнал ее: Пэтти Уивер! Покидая Солнечную систему, Хентман предусмотрительно захватил с собой, по крайней мере, одну из своих любовниц.

— Проходи, — сказал Хентман, отпирая дверь.

Они оказались в маленькой пустой каюте, хозяин заперся изнутри и принялся беспокойно расхаживать по комнате. Какое-то время он молчал, погруженный в свои мысли. Время от времени в воздухе отчетливо ощущалась вибрация от выстрелов. Один раз даже померкло освещение, но вскоре напряжение стабилизировалось. Хентман сердито посмотрел на Чака и вновь принялся расхаживать по комнате.

— Риттерсдорф, — начал он наконец говорить, — у меня нет выбора, я должен идти.

В дверь постучали.

— Господи! — раздраженно воскликнул Хентман, пошел и открыл замок. — А, это ты!

Он вздохнул с еще большей досадой.

В коридоре стояла Пэтти в наспех надетой хлопчатобумажной рубашке с расстегнутыми пуговицами и торчащими в разные стороны фалдами.

— Я просто хотела извиниться перед мистером Риттерсдорфом за то, что… — начала она.

— Иди отсюда! — рявкнул на нее Хентман, закрыл дверь перед ее носом и повернулся к Чаку. — Мне пришлось лететь к альфанцам.

На лбу у него выступили крупные капли пота, похожие на тающий воск, но он не стал их

вытирать.

— Ты думаешь, это я во всем виноват? Эти цэрэушники, будь они прокляты, уничтожили мою карьеру! На Терре у меня ничего не осталось! Если я смогу…

— У нее отличная грудь, — перебил его Чак.

— У кого? — изумился переходу беседы Хентман. — У Пэтти? Что правда, то правда, — кивнул он согласно, — это результат операции, ее проводят в Голливуде, в Нью-Йорке. Это, на мой взгляд, повальное увлечение в наши дни, дань моде, а не реальное желание выглядеть привлекательнее. Пэтти отлично бы смотрелась на экране. Как и многие другие. Жаль, что ничего не вышло. Знаешь, Чак, меня чуть было не схватили в Браг-Сити. Они-то думали, что я попался, но меня, конечно, вовремя предупредили. Очень даже вовремя, — многозначительно добавил Хентман и взглянул на Чака.

В его глазах читалось обвинение.

— Если мне удастся передать Альфу III М2 в распоряжение альфанцам, тогда я в деле и смогу спокойно прожить остаток жизни. А вот если тут все будут контролировать терране, тогда я в пролете.

При этих словах бывший босс показался Чаку

уставшим и подавленным, он как будто весь съежился. Чак не решился сказать об этом. Это было бы слишком.

— Что скажете, Риттерсдорф? — спросил Хентман. — Мне погромче повторить?

— Хм. — Чак задумался.

— Это и есть ваш ответ? — рассердился Хентман.

— Если вы думаете, что я все еще имею некое влияние на свою бывшую жену и ее доклад ТЕРПЛАНу, — протянул Чак.

— Нет, я так не думаю, — живо отозвался Хентман, чуть кивнув в знак согласия. — Я знаю, что ты не можешь повлиять на ее решение относительно этой операции. Мы видели, как вы там стреляли друг в друга. Как дикари!

Глаза Хентмана блеснули. К нему, казалось, возвращались силы.

— Ты убил моего шурина, Шеригана! — напомнил он. — Ты готов и даже хочешь убить свою жену! Что ты, черт побери, творишь? Я никогда не видел ничего подобного! И вдобавок ко всему произошла утечка информации о моем местонахождении! Кто-то слил меня ЦРУ!

— Параклит оставил тебя, — предположил Чак.

— Паро… кто? — переспросил Хентман.

— Здесь идет война. Назовем это так. Может, это нам кое-что прояснит. Если нет…

Чак пожал плечами. Что он мог еще сказать?

— Та толстая леди, с которой ты был внизу, — спросил Хентман, — там, где твоя бывшая устроила стрельбу. Она местная сумасшедшая, я прав? Она из этих, как их… кланов.

Банни внимательно посмотрел на Чака.

— Можно и так сказать, — с неохотой согласился тот. Такая формулировка ему не особенно понравилась.

— Ты можешь выйти на их межпоселенческий Совет через нее? — прямо поинтересовался бывший босс.

— Думаю, что смогу, — поколебавшись, ответил Риттерсдорф.

— Это единственное верное решение, которое я вижу. С твоим этим чертовым паровозом, как там его или без него, пусть их Совет соберется и выслушает тебя и твои предложения.

Хентман выпрямился. Его голос вновь звучал уверенно.

— Скажи им, чтобы попросили помощи у альфанцев! — потребовал он. — Попросили защиты от терран. Скажи, что они должны попросить альфанцев прилететь и взять тут все в свои руки.

Согласно этим идиотским протоколам, Луна юридически станет территорией Альфы. Я в этом не разбираюсь, но терране и альфанцы разберутся. А взамен, — он не сводил глаз с Чака, смотрел в упор, не мигая, бросая вызов всем и вся, — альфанцы гарантируют кланам их гражданские свободы. Никакой госпитализации. Никакой терапии. С вами будут обращаться как с колонистами, владеющими землей и занимающимися промышленностью и торговлей и всем тем, чем вы тут будете заниматься.

— Не говори «с вами», — поправил его Чак. — Я не член клана.

— Ты думаешь, Риттерсдорф, они не пойдут на это?

— Я… Честно говоря, я не знаю.

— Все ты знаешь! Ты уже бывал тут, — напомнил Хентман, — управлял симулякром. Наш информатор ЦРУ все нам докладывал, мы знаем о каждом твоем шаге.

Чак оказался прав — в ЦРУ завелась крыса. Хотя это было вполне в порядке вещей.

— Не смотри на меня так, — запальчиво сказал Хентман. — Не забывай, что у них тут тоже кто-то есть. Порой я думаю, что это Филд. А может, Дарк. Как бы то ни было, именно через нашего

человека в ЦРУ мы узнали, что ты отстранен от работы, и, естественно, отпустили тебя. Какой от тебя прок, если ты не можешь связаться со своей женой на Альфе III М2? В общем, давай-ка будь благоразумным, вот что я хочу сказать.

— Через своего человека ЦРУ… — повторил Чак.

— ЦРУ уже знало, что я отменил все, бросил сценарий и тебя, — продолжал бывший босс. — Поэтому они отступили, думали, что хлопнули передо мной дверью… Так и в газетах написали. Я же через своего агента в ЦРУ знал, что надо мной уже занесен дамоклов меч, и вовремя сбежал. Их агент доложил своим, что я покинул Терру, только он не знал, куда именно я отправился. Этой информацией владели только Шериган и Филд, — философски отметил Хентман. — Может, я никогда и не узнаю, кто у меня под боком работает на ЦРУ. Сейчас это неважно. Я держал большую часть своих дел с альфанцами в строжайшем секрете даже от своих сотрудников. Я знал, что они внедрили сюда своего человека с самого начала. — Он покачал головой. — Везде бардак.

— Кто твой агент в ЦРУ? — спросил Чак.

— Джек Элвуд. — Хентман криво усмехнулся,

радуясь реакции собеседника. — Как ты думаешь, почему Элвуд согласился отдать тебе не самый-то дешевый корабль? Это я сказал ему, хотел, чтобы ты прилетел. Как ты думаешь, почему Элвуд изначально так настойчиво убеждал тебя принять управление Мэйджбумом?

Хентман наслаждался моментом.

— Такова была моя стратегия. С самого начала, — безжалостно добавил он. — А теперь я хочу тебя послушать. Что тебе известно об этих кланах и о том, в какую сторону они прыгнут?

Хентман приподнял бровь и изобразил вежливое внимание.

Неудивительно, что он со своей командой сумел состряпать так называемый сценарий и бросили Чаку, словно кость. Как Банни теперь признавал, через Элвуда они метили в яблочко.

Но это было не совсем так. Элвуд мог сообщить Хентману о существовании Мэйджбума, о том, кто им управляет и куда он летит. Остального Элвуд знать не мог.

— Скажу начистоту, я уже бывал тут, — признался Чак. — Провел некоторое время в поселении гебов, они не показатель здешнего общества. Гебы находятся в самом низу местной иерархии. Я ничего не знаю ни о парах, ни о манах, а именно

они заправляют здесь всем.

Чак вспомнил блестящий анализ Мэри, ее рассказ о сложной кастовой системе, действующей на Альфе III М2. Он оказался весьма точным.

— Лично я считаю, — сказал Хентман, пристально глядя на Чака, — что эта компания может выиграть. На их месте я бы согласился. У них одна альтернатива — вернуться к принудительной госпитализации, вот и все. Если они захотят, то пойдут на уступки, а нет так нет. Я скажу тебе, что ты за это получишь.

— Да-да, — ответил Чак, — излагай. Здесь можно и поподробнее остановиться.

— Если ты сделаешь как велено, мы попросим Элвуда вернуть тебя в ЦРУ.

Чак молчал.

— Да уж, — сердито фыркнул Хентман. — Ты даже не потрудился ответить! Пэтти тут с нами, на корабле. Мы попросим ее быть с тобой поласковее. Понимаешь, о чем я?

Он суетливо и многозначительно подмигнул.

— Нет, — решительно ответил Чак. Все складывалось просто отвратительно.

— Ладно, Риттерсдорф, — обессиленно вздохнул Хентман. — Мы и впрямь не остановимся. Если ты поможешь нам, мы в долгу не останемся, мы

готовы предложить тебе нечто стоящее.

Он сделал глубокий хриплый вдох.

— Мы гарантируем, что покончим с твоей женой. Как можно безболезненнее и быстрее. Быстро и безболезненно.

— Я не могу понять, почему вы думаете, что я желаю Мэри смерти, — спокойно сказал Чак после продолжительной паузы, показавшейся обоим вечностью. Он приложил немалые усилия, чтобы выдержать проницательный взгляд бывшего босса.

— Как я уже сказал, — повторил Хентман, — я видел: вы двое стреляли друг в друга, готовые сцепиться в схватке, как пара дикарей.

— Я защищался, — возразил Чак.

— Конечно, — кивнул Хентман, пародируя согласие.

— Вот что я скажу, — разозлился Риттерсдорф. — Ты не мог видеть тут ничего, что касалось бы меня и Мэри. Ты, должно быть, все знал заранее, до прилета на Альфу. И информацию ты получил не от Элвуда, потому что он тоже не мог знать, так что избавь себя от необходимости говорить, что Элвуд…

— Ладно-ладно, — резко прервал его Хентман. — Элвуд рассказал нам о симулякре, как это

попало в сценарий. Но я не скажу тебе, откуда узнал остальное. И так много наговорил, хватит.

— Я не пойду на Совет к кланам, — заявил Чак, — у меня тоже все.

— Будь по-твоему, — прищурился Хентман, — я лично ничего не узнавал, она сказала нам…

Он осекся и замолчал.

— Джоан Триест, — продолжил за него Чак. — Она работала с Раннингом Клэмом. Должно быть, так и есть.

Теперь все ясно. Однако в данный момент это вряд ли имело значение.

— Не будем отвлекаться. Ты хочешь покончить с женой или нет? Решайся! — Хентман начал терять терпение.

— Нет. — Чак покачал головой. У него не осталось никаких сомнений. Решение было на поверхности, но он отверг его. Отверг окончательно.

— Ты собираешься сделать это сам? — состроил презрительную гримасу Хентман.

— Нет, не собираюсь, — ответил Чак. — Выслушав твое предложение, я вспомнил Раннинга Клэма и то, как Шериган убивает его в коридоре конапта. Я представил себе, что это происходит снова, только не с Клэмом, а с Мэри.

Сказав это, он понял вдруг, что ошибался все это время, пребывал в иллюзиях. Ужасное событие, свидетелем которого он стал, заставило его прозреть, и теперь он не хотел быть снова ослепленным. Но чего же он хотел от Мэри? Он не знал. И, возможно, никогда не узнает.

Хентман наконец достал носовой платок, чтобы вытереть лоб.

— Какая неприятность: ты, Риттерсдорф, и твоя семейная жизнь! — откровенно признал он. — Это разрушает планы двух межсистемных империй, Терры и Альфы. Ты не задумывался об этом? Я сдаюсь! — Он выставил перед собой ладони и сделал жест, будто умывает руки. — Честно говоря, я рад, что ты отказался, но мы не смогли найти другого стимула, который могли бы тебе предложить.

— Я тоже так подумал, — снисходительно отозвался Чак.

«Должно быть, я все еще люблю ее, — понял он, — женщину, убившую солдата, когда тот бежал к своему танку. Но, по крайней мере, в ее собственных глазах она пыталась защищаться. Кто может винить ее за это?»

В дверь снова постучали.

— Мистер Хентман?

В каюту быстрым шагом вошел Джеральд Филд.

— Мистер Хентман, мы засекли телепатические излучения от жителя Ганимеда. Он где-то поблизости, недалеко от корабля и хочет, чтобы его впустили, чтобы… — Джеральд взглянул на Чака. — Чтобы он мог быть здесь, с Риттерсдорфом. Он говорит, что хочет разделить его судьбу. Очевидно, слизевик весьма беспокоится о нем.

Лицо Филда исказила гримаса отвращения.

— Впусти этого хренового телепата, — приказал Хентман.

Когда Филд вышел, он снова обратился к Чаку:

— Честно говоря, я не знаю, что с тобой будет, Риттерсдорф. Похоже, тебе удалось навести полный швах в собственной жизни. Твой брак, работа, столь утомительная поездка сюда — а после ты передумал! Какой козырь ты прячешь?

— Со мной Параклит, — смиренно сказал Чак.

Кто, как не Бог, мог вести его, если он в последний момент отказался от убийства Мэри?

— Что это за штука, о которой ты говоришь? — не понял Хентман.

— Святой Дух, — пояснил Чак. — Это заложено в каждом человеке. Но его бывает трудно отыскать.

— Почему бы тебе не заполнить пустоту внутри себя чем-то благородным? — искренне предложил бывший босс. — Спасти, к примеру, этих психов от принудительной госпитализации. По крайней мере, ты бы отомстил ЦРУ. На корабле присутствуют высокооплачиваемые альфанские военные, и в течение пары часов они могут привести сюда космофлот, чтобы официально завладеть Луной. Конечно, поблизости шныряют и терранские корабли, но это лишь показывает, сколь осторожными следует быть. Ты же бывший сотрудник ЦРУ, ты должен разбираться в подобном.

— Интересно, каково это, — вслух задумался Чак, — провести остаток жизни на Луне, населенной одними психами?

— А как, черт возьми, по-твоему, ты жил на Терре? — парировал Хентман. — Я бы назвал ваши отношения с женой психотическими. Ты справишься, Чак. Найдешь какую-нибудь красотку, с которой можно переспать, чтобы заменить Мэри. Запустив сигнальную ракету, мы сделали фото, на которых видно многое. Взять хоть девушку рядом с тобой. Она не так уж плоха, правда?

— Ее зовут Аннет Голдинг, — сказал Чак, — и у нее полиморфная шизофрения.

— Да, но даже если так, разве она не подойдет?

— Возможно, — помолчав, ответил Чак. Он не был психологом, но Аннет не показалась ему больной. На самом деле она выглядела гораздо здоровее, чем Мэри. Хотя, конечно, он лучше знал Мэри. Впрочем…

В дверь опять постучали, и на пороге снова возник Филд:

— Мистер Хентман, мы установили личность нападавшего на нас. Это симулякр ЦРУ, Дэниел Мэйджбум. Ганимедянин сообщил нам это в благодарность за то, что мы впустили его на корабль, и у меня возникла идея.

— Полагаю, наши мысли идентичны, — отозвался Хентман, — а если нет, то я не хочу ничего слышать.

Он повернулся к Чаку:

— Мы свяжемся с Джеком Элвудом в Сан-Франциско и попросим его отстранить действующего оператора симулякра, кто бы он ни был, пусть и Петри.

Очевидно, Хентман был отлично знаком с работой ЦРУ в Сан-Франциско.

— Затем ты, Риттерсдорф, примешь управление. Пока с симулякром есть радиосвязь. Нам, в сущности, нужна лишь пара-тройка реплик.

Запрограммируй его так, чтобы никто ничего не узнал. Сделаешь?

— А почему я должен это делать? — спросил Чак.

— П-потому что он собирается заполучить наш источник питания и взорвать корабль, вот почему! — Вымотанный разговором Хентман начал заикаться.

— В таком случае тебе тоже конец, — обратился Филд к Чаку. — Тебе и твоему ганимедскому другу.

— Если я предстану перед Верховным Советом, — сказал Чак Хентману, — и попрошу их искать защиты у альфанцев, что они и сделают, это может спровоцировать еще одну крупную войну между Альфой и Террой.

— Да нет же, черт возьми! — решительно возразил Хентман. — Луна Землю не слишком-то и заботит. Операция «Пятьдесят минут» — мелочь, второстепенная запоздалая мысль, ничего важного. Поверь, у меня масса связей, и мне многое известно. Если бы Терре нужна была Альфа III M2, то они заявились бы сюда много лет назад. Верно я говорю?

— Он говорит правду, — согласился с боссом Филд. — Наш человек в ТЕРПЛАНе не так давно

подтвердил эту информацию.

— По-моему, идея стоящая, — резюмировал Чак.

Хентман и Филд вздохнули с облегчением.

— Я отвезу симулякра в Адольфвилль, — решил Риттерсдорф, — и если смогу сделать так, чтобы кланы вновь созвали свой Верховный Совет, поговорю с ними. Но я намерен сделать это по-своему.

— Что ты имеешь в виду? — нервно спросил Хентман.

— Я не оратор и не политик, — напомнил Чак. — Моя работа — программировать речь симулякров. Если я смогу получить контроль над Мэйджбумом, я заставлю его говорить перед Советом. Я напишу ему лучшие реплики и аргументы, чем мог бы сказать лично.

«И еще, — подумал Чак, — здесь, на корабле, он будет в большей безопасности, чем в Адольфвилле, потому что терранские военные могут в любой момент сломать щит манов. И одним из первых их действий в таком случае будет собрать межклановый Совет. Вряд ли кто-то предложит им перейти на сторону альфанцев. Предложение, исходящее от терранина, будет расценено как акт измены.

То, что я делаю, — потрясенно понял Чак, — свяжет мою судьбу с судьбой Хентмана».

В его голове прозвучали мысли слизевика. Ганимедянин успокаивал его:

«Ты сделал мудрый выбор, Чак. Сначала твое решение оставить жену в живых, а теперь это. Если случится худшее, мы все станем подданными альфанцев. Но, я уверен, мы сможем выжить».

Хентман, тоже услышавший его мысли, усмехнулся.

— Скрепим нашу договоренность? — спросил он Чака, протягивая ладонь.

Они обменялись рукопожатиями. Сделка, влекущая за собой предательство, хорошо это или плохо, была заключена.

13

Неуклюжий танк, сверкая фарами, с грохотом и лязгом подкатил к Габриэлю и Аннет. Машина дернулась и замерла на месте. Открылся башенный люк, и из него высунулся ман.

Тьму, окружавшую альфанцев, не пронзил лазерный луч — атаки со стороны Мэри Риттерсдорф не последовало.

«Быть может, — с надеждой подумал Бэйнс, — миссис Риттерсдорф вняла просьбе Святого

Триумвирата, прочтя в небе огненные буквы?» В любом случае, как и обещал Игнат Ледебур, у них с Аннет появилась надежда на спасение.

Бэйнс резко поднялся, потянул за собой девушку, они вскарабкались на танк, ман помог им забраться внутрь и захлопнул люк. Тяжело дыша и обливаясь потом, все трое расположились в тесной кабине.

«Нам удалось уйти», — сказал себе Бэйнс. Но радости он не испытал. Теперь это не имело значения. Это был лишь маленький шаг в большой игре. Но все же они его сделали. Габриэль обнял Аннет.

— Мисс Голдинг и мистер Бэйнс, я правильно понимаю? — обратился к ним ман. — Вы члены Верховного Совета?

— Да, — ответила Аннет.

— Я вытащил вас по приказу Говарда Строу, — сказал ман. Он сел за руль и привел машину в движение. — Я должен доставить вас в Адольф-вилль. Там собирается заседание межкланового Совета. Мистер Строу настаивает на вашем присутствии.

«Что ж, — размышлял Бэйнс, — раз мы нужны Строу как члены Совета, то мы выживем. Мэри не удастся прикончить нас с первыми лучами

солнца».

Какая ирония! Но именно их текущее положение доказывало важность уз, связывающих кланы. Благодаря им Габриэль и Аннет все еще были живы. Узы обеспечивали жизнь всем кланам. Даже гебам.

Они добрались до Адольфвилля, и танкист высадил их у большого центрального здания. Габриэль и Аннет молча поднялись по знакомой лестнице. Уставшие и грязные после долгих часов, проведенных ночью под открытым небом, они были не в настроении обмениваться банальностями.

«Что нам нужно, — подумал Бэйнс, — так это часов шесть сна, а не заседание. Какова цель встречи? Разве в прошлый раз мы не выбрали курс действий, решив дать бой терранским захватчикам из всех имеющихся орудий? Что еще мы должны сделать?»

В вестибюле зала совета Бэйнс остановился.

— Стоит послать вперед симулякра, — обратился он к Аннет.

Вытащив специальный ключ, он отпер находящуюся неподалеку кладовку, где по законному праву хранил созданный манами симулякр. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди. Да и

было бы нелепо погибнуть после того как только что ушел из-под огня миссис Риттерсдорф.

— Вас, паров, не изменить, — с оттенком безнадежного веселья произнесла Аннет.

Бэйнс запустил механизм, и симулякр заскрипел, оживая.

— Добрый день, сэр! — поздоровался он. — Миссис Голдинг! Мне пора. — Вежливо поклонившись, он прошел мимо чуть дерганой походкой и направился в зал Совета.

— Неужели ты так ничему и не научился? — спросила Аннет, провожая симулякра взглядом.

— Чему, по-твоему, я должен был научиться? — поинтересовался Габриэль.

— Тому, что никакой защиты не существует. Ее нет. Быть живым — значит быть беззащитным. Такова жизнь в ее безрассудности. Основа всего.

— Так-то оно так, — проницательно заметил Бэйнс, — но можно постараться обезопасить себя, сделав для этого все возможное. Лишним не будет. И это тоже часть нашего существования, любое живое существо будет спасать себя.

Вернулся симулякр:

— Все в порядке, сэр. Ни отравляющего газа, ни электрошокеров, ни яда в кувшине для воды, ни смотровых щелей для лазерных винтовок, ни од-

ного следящего устройства. Полагаю, вы можете идти без опаски.

Выполнив поставленную задачу, он умолк. Но вдруг, к удивлению Бэйнса, заговорил снова:

— Я бы хотел обратить ваше внимание на необычный факт, — заявил он. — В зале Совета находится еще один симулякр. И мне это не нравится, совсем не нравится.

— Кто это? — изумленно спросил Бэйнс. Лишь он, пар, единственный представитель своего клана, был настолько озабочен самообороной, что пользовался таким недешевым устройством, как симулякр.

— Он хочет обратиться к консулам, — ответил симулякр. — Это то, ради чего собрались остальные. Они ждут, что он скажет.

Приоткрыв дверь, Бэйнс заглянул внутрь и увидел, что остальные делегаты уже в зале, а перед ними стоит спутник Мэри Риттерсдорф, агент ЦРУ Дэниел Мэйджбум. По словам слизевика, он был с ней во время нападения на ее мужа, танкиста манов, его самого и Аннет Голдинг.

Что он здесь делает? Вот тебе и доказательство, что симулякр Бэйнса не так уж и бесполезен.

Вопреки здравому смыслу, игнорируя все свои инстинкты, Габриэль Бэйнс медленно вошел в

зал Совета и занял свое место.

«Теперь черед миссис Риттерсдорф, — подумал он. — Сейчас она пальнет по нам всем из какого-нибудь укромного местечка».

— Позвольте мне объясниться, — тут же обратился ко всем Мэйджбум, как только Бэйнс и Аннет сели. — Я Чак Риттерсдорф, и в настоящее время я управляю этим симулякром с межсистемного корабля Банни Хентмана. У него на корпусе изображен кролик, думаю, вы заметили.

— Ваши слова подтверждают тот факт, — оживился Строу, — что ЦРУ более не управляет этим симулякром, верно?

— Верно, — ответил Мэйджбум. — Мы взяли управление на себя. Временно. Я здесь, чтобы сделать вам предложение, которое, по нашему мнению, является лучшим выходом из сложившейся ситуации как для Альфы III M2, так и для всех кланов. Но времени у меня не так много. Вы должны официально, как высший руководящий орган, немедленно попросить альфанцев прибыть сюда и аннексировать Луну. Они, в свою очередь, гарантируют, что будут обращаться с вами не как с больными, а как с законными жителями. В данный момент на нашем корабле находятся несколько высокопоставленных

альфанских чиновников. С помощью мистера Хентмана они могут осуществить задуманное и…

Вдруг симулякр дернулся и замолчал.

— Что-то не так, — поднимаясь со своего места, сказал Строу.

Внезапно Мэйджбум вновь заговорил.

— Врзззззззззз-мас. Кадракс ан вигдум нидддд. — Его руки бестолково захлопали, а голова болталась, как у сломанной куклы. — Иб срвн дгнмммм кунк!

Бледный и напряженный, словно натянутая тетива, Говард Строу уставился на него, а затем повернулся к Бэйнсу и сказал:

— ЦРУ перехватило управление.

Он хлопнул себя по бедру, нащупал пистолет, выхватил его из кобуры и, прикрыв один глаз, прицелился.

— Мои слова, — сказал Мэйджбум несколько изменившимся, более взволнованным и высоким голосом, — должны быть проигнорированы. Вас вводят в заблуждение. Это ловушка. Для Альфы III М2 стало бы самоубийством искать так называемой защиты у Альфанской империи. Одна из причин этого…

Одним метким выстрелом Говард Строу вы-

вел симулякра из строя. Пуля прошла навылет, пробив систему управления, расположенную внутри черепной коробки. Мэйджбум с грохотом рухнул на пол. Наступила тишина. Симулякр не шевелился.

Выждав некоторое время, Говард Строу убрал пистолет и неуверенно уселся на свое место.

— ЦРУ в Сан-Франциско удалось прервать эфир Риттерсдорфа, — прозвучавшие из его уст слова были очевидными, даже геб Джейкоб Симион неотрывно следил за происходящим. — Однако мы выслушали предложение Риттерсдорфа, и это самое главное. — Он оглядел присутствующих. — Нам стоит действовать быстро. Давайте проголосуем.

— Я за то, чтобы принять предложение Риттерсдорфа, — произнес Бэйнс, размышляя о том, что все они были на волосок от гибели. Не среагируй Строу — симулякр, управляемый ЦРУ, мог бы взорваться и отправить их всех на тот свет.

— Я тоже за, — напряженно согласилась с коллегой Аннет.

Когда итоги голосования были подведены, оказалось, что все, кроме депа Дино Уоттерса, высказались «за».

— Что с тобой? — с любопытством обратился

к нему Бэйнс.

Глухим и полным отчаяния голосом деп ответил:

— Военные корабли терран слишком близко. Щит манов долго не протянет. А что, если у нас не будет иной возможности связаться с кораблем этого Хентмана? Если что-то пойдет не так, терране нас уничтожат?

Немного помолчав, он добавил:

— Вдобавок с тех пор, как мы впервые собрались здесь, меня мучают боли в животе. Думаю, у меня рак.

Говард Строу нажал кнопку, и в зал вошел слуга с портативным радиопередатчиком.

— Я выйду на связь с кораблем Хентмана, — объявил во всеуслышание Строу и включил передатчик.

* * *

Связавшись со своими людьми, кто еще остался на Терре, Банни Хентман устало вглянул на Чака и сказал:

— Это ваш с Элвудом начальник, мистер Лондон, смекнул, что к чему, он следил за действиями симулякра и, должно быть, заподозрил что-то, как только я сбежал. Это несомненно.

Голос бывшего босса звучал совершенно измученно.

— Элвуд мертв? — спросил Чак.

— Нет, он укрылся в Пресидио [13]. Операцией руководит Петри. — Хентман встал и выключил радиопередатчик. — Однако им не удалось перехватить управление в нужным момент.

— Ты не теряешь оптимизма, Банни, — заметил Чак.

— Послушай, Чак, — решительно заявил Хентман, — эти ребята в Адольфвилле, может, документально и ненормальные, но они не глупы, особенно в вопросах, касающихся их безопасности. Они услышали мое предложение и, держу пари, прямо сейчас голосуют за него. Они могут выйти на связь в любой момент.

Хентман взглянул на часы и повернулся к Филду:

— Думаю, минут через пятнадцать так и будет. Приведите сюда тех двоих альфанских военных, чтобы они могли немедленно отдать команду своим кораблям.

Филд спешно вышел из комнаты.

Помолчав, Хентман вздохнул и снова сел в

---

[13] Примечания: 13

Пресидио — военная база в Сан-Франциско, штат Калифорния, США.

кресло. Закурив привезенную с Терры зеленую сигару, он заложил руки за голову, потянулся и молча посмотрел на Чака.

— Альфанцы тоже увлекаются всякими телешоу? — поинтересовался Чак.

Хентман усмехнулся:

— У них это вызывает такой же интерес, как и симулякры.

Минут через десять кланы вышли на связь из Адольфвилля.

— Хорошо, — сказал Хентман, слушая Говарда Строу и одновременно обращаясь к Чаку. — Куда запропастились эти альфанцы? Самое время нам начинать. Сейчас или никогда.

— Я представитель альфанцев, — в комнату вместе с Филдом вошел ЭрБиЭкс 303. — Прошу вас еще раз заверить кланы в том, что с ними будут обращаться не как с больными, а как с поселенцами. Для нас этот момент очень важен. Альфанская политика всегда была весьма…

— Не время для долгих речей, — резко перебил его Хентман. — Вызывайте свои корабли, пусть заходят на посадку.

Он передал микрофон альфанцу и подошел к Чаку.

— Господи, в такой момент хочется всю жизнь

переосмыслить, все, что сделал за шестьдесят лет. — Он покачал головой. Его сигара потухла, и он вновь зажег ее. — Что ж, полагаю, теперь мы узнаем ответы на наши главные вопросы.

— Какие вопросы? — уточнил Чак.

— Нужны ли альфанцам телешоу и симулякры. — Он отошел, слушая, как ЭрБиЭкс 303 с помощью корабельного передатчика пытается связаться с альфанским флотом. Хентман попыхивал сигарой и молча ждал, засунув руки в карманы.

«Глядя на него, и не скажешь, — думал Чак, — что от этого канала связи зависят жизни всех нас».

Нервно вздрагивая, Джеральд Филд подошел к Чаку и спросил:

— Где ваша фрау… миссис Риттерсдорф?

— Наверное, бродит где-то поблизости, — предположил Чак.

Корабль Хентмана, находившийся теперь на орбите, в трехстах милях над поверхностью, мог поддерживать радиосвязь. Иных способов помочь кланам у него не было.

— Она не сможет помешать нам, правда ведь? — спросил Филд. — Способна ли она попытаться разузнать положение наших дел? Думаю, ей бы

этого хотелось.

— Моя жена, вернее сказать, бывшая жена, — ответил Чак, — очень напугана. Она одна, на чужой и враждебной территории. Она ждет подмоги от своих, от терран, которые, вероятно, уже и не явятся. Хотя, она, конечно, этого не знает. — От былой ненависти Чака к Мэри не осталось и следа. Как и многое другое, это чувство ушло.

— Вам жалко ее? — спросил Филд.

— Я… просто хотел бы, что подобное больше не повторилось, — уклончиво отозвался Чак, — я имею в виду перестрелку внизу и отношение Мэри ко мне. Думаю, что мы с Мэри все же могли бы быть вместе. Не сейчас, но, может, через пару лет…

— Корабли, — просиял Хентман, — сюда летят альфанские корабли! Теперь называйте это как хотите, но мы надежно укрыты. На борту найдется, чем отметить. Мы свое дело сделали! Теперь мы граждане Альфанской империи. Очень скоро вместо имен у всех нас будут номерные знаки, но меня это вполне устраивает.

— Быть может, — в завершение своих слов вновь обратился к Филду Чак, — когда пыль уляжется, я оглянусь назад и пойму, что мог поступить иначе.

«Мог избежать всего этого, лежа в грязной траве, когда мы с Мэри там внизу наставляли бластеры друг на друга. Сквозь ночную мглу чужого нам мира, — размышлял он, — где никто из нас не чувствует себя как дома. И все же полагаю, мне придется прожить здесь остаток жизни. А может, и Мэри».

— Поздравляю, — обратился он к Хентману.

— Благодарю, — ответил Банни.

— Поздравляю, Джерри, — сказал он Филду.

— Спасибо, — кивнул тот. — Поздравляю и желаю долгих лет жизни, — сказал он Чаку, — собрат альфанец.

— Я хочу попросить об услуге, — обратился Чак к Хентману.

— О какой услуге? Для тебя что угодно, Риттерсдорф.

— Одолжи мне шаттл, — попросил Чак. — Я хочу спуститься на поверхность.

— Зачем? Остаться здесь уж точно безопаснее.

— Я хочу найти жену, — пояснил Чак.

Вскинув бровь, Хентман переспросил:

— И всего-то? Я понял, вижу по твоему лицу. Бедняга ты, Чак. Ну, может, тебе и удастся уговорить ее остаться тут, на Альфе, если кланы не будут против. И если альфанцы…

— Дайте ему шаттл, — перебил Хентмана Филд. — Чак выглядит ужасно несчастным, у него нет времени выслушивать то, что вы хотите сказать.

— Ладно, будь по-вашему, — согласился Хентман. — Бери шаттл, спускайся и делай все глупости, что тебе заблагорассудится. Я умываю руки. Конечно, я буду надеяться на твое возвращение, но если нет, — он пожал плечами, — то так тому и быть.

— И захвати своего слизевика, — сказал Филд Чаку.

Полчаса спустя Чак прилунил шаттл в реденьком лесу, деревья в котором напоминали тополя. Он стоял, вдыхая прохладный воздух и прислушиваясь. Этот мир был невелик, и ничего особенного в нем не происходило: члены Совета высказали свое мнение, кланы поддержали идею с защитным экраном, пара-тройка человек пережили страх и трепет от всего случившегося. Но большинство жителей, таких как гебы, вероятно, ни на миг не отвлеклись от своих каждодневных психотических деяний.

— Я сошел с ума? — спросил он Раннинга Клэма, отползшего в поисках пропитанной дождем почвы. Ганимедяне, являясь акватропами, пред-

почитали влажную среду обитания. — Неужели это самое худшее из всего, что я могу сделать?

«Сумашедший — это, строго говоря, термин юридический, — ответил Раннинг Клэм. — Думаю, увидев тебя, Мэри не скроет своей враждебности и свирепости. Но, может, тебе нужно именно это. Ты устал, Чак. Тебе пришлось здорово побороться. Те стимуляторы, которые я давал тебе, не помогли. По-моему, они только усугубили твое отчаяние и усталость. Может, тебе стоит поехать в Коттон-Мазер-Эстейтс?»

— Это что еще такое? — Столь необычное название не вызвало у Чака никаких ассоциаций.

«Там живут депы. Ты можешь жить с ними, в этом их бесконечном мраке отчаяния», — с ноткой упрека уточнил слизевик.

— Спасибо, — иронично отозвался Чак.

«Твоей жены тут нет. Я не улавливаю ее мыслей, — сказал Раннинг Клэм. — Нам стоит пойти дальше».

— Как скажешь. — Чак побрел обратно к шаттлу.

«Ты не можешь отбросить и тот вариант, что Мэри мертва», — подумал слизевик, переползая вслед за Чаком в кабину шаттла.

— Мертва? — Замерев, Риттерсдорф уставился

на собеседника. — Что ты имеешь в виду?

«Как ты сам сказал мистеру Хентману, тут идет война, — напомнил Клэм. — Пусть это были и единичные случаи, но погибли люди. И продолжение может стать очень и очень кровавым. В последний раз, когда мы видели Мэри, мы стали свидетелями психотических небесных проекций, вызванных так называемым Святым Триумвиратом. Предлагаю лететь в Гандитаун, там живет духовный лидер Триумвирата Игнат Ледебур. Если его существование бок о бок с кошками, женами, детьми и нескончаемой грязью вокруг можно назвать жизнью».

— Но Ледебур никогда бы…

«Психоз есть психоз, — отметил слизевик. — Фанатикам никогда нельзя доверять».

— Верно, — согласился Чак.

Вскоре они были на пути к Гандитауну.

«Мне и впрямь интересно, — размышлял слизевик, — на что ты надеешься. В какой-то степени для тебя лучше, если бы Мэри…»

— Не лезь не в свое дело, — прервал Чак телепатическое рассуждение ганимедянина.

«Извини», — сокрушенно подумал Раннинг Клэм. Ему никак не удавалось выкинуть из собственного сознания столь мрачные мысли.

Шаттл летел все дальше. Оба его пассажира больше не проронили ни слова.

* * *

Игнат Ледебур раскладывал кучу вареных просроченных спагетти перед черными мордами своих любимых овечек. Он поднял глаза и увидел, как на дорожке, проложенной у его хижины, садится шаттл. Геб закончил кормить овец и с кастрюлей в руках, не спеша вернулся в свою лачугу. Не теряя надежды, кошки всех пород и мастей последовали за ним.

Войдя в дом, он увенчал кастрюлей гору грязной посуды в раковине, на мгновение остановился и взглянул на женщину, спящую на деревянных досках, что служили им обеденным столом. Потом он поднял с пола кота и вышел вместе с ним на улицу. Прилетевший шаттл не стал для него неожиданностью, Игнат уже созерцал его в последнем снизошедшем видении. Событие это не встревожило геба, но и радости не принесло.

Из шаттла показались два пассажира. Один — человек, второй — бесформенная желтая масса. Путники с трудом пробирались через свалку к дому Ледебура.

— Вы будете рады услышать, — вместо при-

ветствия обратился к ним Ледебур, — что в этот самый момент альфанские корабли готовятся к посадке.

Геб улыбнулся, но человек, стоящий напротив, улыбкой на эту новость не ответил. А желтой кляксе улыбаться было попросту нечем.

— Итак, — с ноткой волнения в голосе продолжил Ледебур, — ваша миссия была успешной.

Святому гебу не нравилась исходившая от терранина враждебность. Полумистическое прозрение психоника рисовало гнев мужчины красным зловещим нимбом, пылающим у него над головой.

— Где Мэри Риттерсдорф? — спросил Чак. — Моя жена. Тебе ведь это известно?

Он повернулся к ганимедянину:

— Он знает?

«Да, знает», — мысленно ответил Раннинг Клэм.

— Ваша жена, — начал Ледебур, — она делала ужасные вещи. Она убила мана и была…

— Если ты не скажешь мне, где она, я тебя на куски изрублю, — пригрозил Чак, делая шаг навстречу гебу.

Гладя кота, которого он все еще держал на руках, Ледебур сказал:

— Проходите в дом, выпьем чаю.

В следующее мгновение он понял, что лежит на земле. В ушах у него звенело, голова налилась свинцовой тяжестью. Он с трудом сел, недоумевая, что произошло.

«Мистер Риттерсдорф ударил вас, — объяснил слизевик, — скользящий удар пришелся чуть выше скулы».

— Прекратите, — прохрипел Ледебур.

Он почувствовал вкус крови, сплюнул и начал тереть виски. Об этом видений у него, к сожалению, не было.

— Она в доме, — проговорил он наконец.

Чак прошел мимо него к двери, распахнул ее и исчез в хижине. Ледебуру наконец удалось подняться. Шатаясь и подволакивая ноги, он последовал за Риттерсдорфом.

В прихожей Чак остановился. Повсюду бегали кошки, вольные приходить и уходить, когда им вздумается, они играли и устраивали склоки.

Чак склонился над спящей женщиной.

— Мэри, проснись. — Он взял ее за безвольно свисающую во сне руку и слегка тряхнул. — Бери одежду и убирайся отсюда. Давай же!

Спящая в «постели» Игната женщина, не так давно заменившая Элси, медленно открыла глаза,

посмотрела на Чака, затем моргнула и окончательно проснулась.

Рефлекторно сев, она подхватила ворох одеял и завернулась в них, прикрывая маленькие высокие груди.

— Чак, — тихо сказала Мэри, — я пришла сюда добровольно. Я…

Чак схватил ее за запястье и выдернул из кровати. Одеяла соскользнули вниз, кофейная кружка подпрыгнула и покатилась по полу, расплескивая остывшее содержимое. Две забившиеся было под кровать кошки в испуге выскочили из дома и бросились прочь.

Стройная, обнаженная Мэри стояла перед мужем.

— Ты ничего не хочешь сказать о том, что я здесь делаю? — спросила она.

Потянувшись к куче одежды, она взяла блузку. Копаясь в своих вещах, Мэри старалась сохранять самообладание, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. Она методично начала одеваться. Судя по выражению ее лица, ей было все равно, смотрят на нее или нет.

— В данный момент этот район под контролем альфанских кораблей. Маны также готовы убрать щиты, чтобы впустить их. Вот и все новости, пока

ты спала тут в… — Чак кивнул в сторону вошедшего Ледебура, — в кровати этого типа.

— И ты с ними заодно? — холодно спросила Мэри. — Конечно, же я права. Альфанцы захватили Луну, и ты готов жить под их гегемонией.

Мэри закончила одеваться и принялась причесываться.

— Если ты останешься здесь, — начал Чак, — на Альфе III М2…

— Я останусь, — перебила его Мэри. — Я уже все просчитала.

Она кивнула в сторону Игната Ледебура:

— Только не с ним. Я тут ненадолго, и он это знает. Я бы не стала жить в Гандитауне — это место не для меня.

— А где тогда твое место? — спросил Чак.

— Думаю, это Да Винчи-Хайтс.

— Да Винчи-Хайтс? — Чак с недоверием уставился на супругу.

— Я точно не знаю, я там даже не была. Но я восхищаюсь манами. Даже тем танкистом, которого застрелила. У него не было ни капли страха, даже когда он бежал к своему танку, зная, что не успеет. Никогда в жизни я не видела ничего подобного.

— Маны ни за что не пустят тебя к себе, — воз-

разил Чак.

— Пустят, — спокойно и уверенно сказала Мэри. — Конечно, пустят.

Чак повернулся к Ледебуру.

— Пустят, — согласился геб. — Ваша жена права. Мы оба потеряли ее. Никто не может долго владеть этой женщиной. Это просто-напросто не в ее природе.

Ледебур, вздохнув, покинул комнату. Выйдя наружу, он направился к тому месту, где остался слизевик.

«Думаю, мистер Ледебур, благодаря вам Чак теперь осознает невозможность того, чего он хочет».

— Думаю, вы правы, — без малейшей радости ответил геб.

Мрачный и бледный Чак прошел мимо них к шаттлу.

— Полетели, — грубо бросил он Клэму через плечо.

Со всей возможной поспешностью ганимедянин последовал за ним. Они поднялись на борт и задраили люк. Шаттл взмыл в утреннее небо.

Некоторое время Игнат смотрел им вслед, а затем вернулся в хижину. Мэри крутилась около холодильника в поисках еды.

Вместе они приготовили завтрак.

— Маны порой бывают очень жестокими, — заметил Ледебур.

— И что с того? — рассмеялась Мэри.

Геб промолчал. Ни его святость, ни его видения не дали ответа на этот вопрос.

* * *

— На этом шаттле получится добраться до Солнечной системы? — спросил Чак.

«Очень в этом сомневаюсь», — ответил Раннинг Клэм.

— Ладно, — решил Чак. — В этом районе должен быть нормальный корабль. Я найду его и вернусь на Терру, несмотря ни на какие судебные процессы и гонения, коих стоит ждать от властей. А затем договорюсь о дальнейшем с Джоан Триест.

«Учитывая тот факт, что суд затребует смертную казнь, любая договоренность маловероятна».

— А что ты предлагаешь мне сделать? — рассердился Чак.

«Кое-что такое, от чего ты не сможешь отказаться».

— Так поделись, — попросил друга Чак, понимая, что в его положении не существует идеи, от которой он мог бы отказаться.

«Тебе… как бы это сказать… Дай подумать, как лучше сказать… Тебе нужно уговорить свою жену провести ряд психологических тестов».

— Чтобы узнать, частью какого клана я мог бы стать?

«Да, — с неохотой согласился слизевик. — Это я и хотел предложить. Я не говорю, что ты психопат какой, я просто хотел бы обрисовать твой психологический портрет. В самых общих чертах, конечно…»

— Хорошо, но предположим, что тесты не выявят во мне никаких погрешностей: ни склонности к неврозу, ни скрытых приступов психоза, ни деформации личности, ни психопатических наклонностей — иными словами, ничего. Что мне тогда прикажешь делать?

Чак себе не льстил, говоря это, он был уже за пределами сказанного, ведь полагал, что до такого дойдет. Он не принадлежал ни к одному из кланов. Здесь, на Альфе, он был одиночкой, изгоем, и рядом не было никого, хоть самую малость близкого ему по духу.

«Твое недавнее стремление убить жену, — подсказал Раннинг Клэм, — вполне может статься симптомом скрытого эмоционального расстройства». Он пытался думать так, чтобы в его мыслях

звучала надежда, но все попытки были тщетны. «Я все же считаю, что стоит попробовать».

— Предположим, я смогу основать здесь еще один клан, — рассуждал Чак. — Я, по-твоему, стану его единственным представителем?

«Должно быть, тут время от времени появляются нормальные люди. Нормы. Те, что выкарабкиваются из своих недугов. Возможно, дети, которые никогда не взрослеют. Если это так, то их классифицируют как полиморфных шизофреников, пока не доказано обратное. Но это неправильно».

Чак размышлял над этим с тех самых пор, как появилась возможность остаться на Альфе. «Со временем они будут появляться. Со временем».

«Пряничный домик в лесу, — задумчиво произнес слизевик, — и наш Чак тут как тут. Подкрадывается, чтобы поймать любого, кто пройдет мимо. Особенно малышей. — Раннинг Клэм захихикал. — Извини. Мне не стоит относиться к этому столь легкомысленно. Прошу прощения».

Чак промолчал, направляя корабль все дальше от поверхности.

«Так что думаешь насчет тестов, — уточнил ганимедянин, — прежде чем основывать тут собственное поселение?»

— Ладно, сделаем, — ответил Чак. Вопрос казался логичным.

«Если учитывать вашу взаимную неприязнь, твоя жена сможет должным образом провести тесты?» — уточнил Раннинг Клэм.

— Думаю, что да. Подсчет результатов был делом рутинным.

«Я буду посредником между тобой и Мэри, — решил слизевик. — Вы не будете контактировать, пока мы не получим результаты».

— Спасибо. — В голосе Чака прозвучала искренняя благодарность.

«Есть еще один момент. Он, правда, хоть и притянут за уши, но может и выстрелить. И принести свои плоды. Для этого, конечно, понадобится запастись терпением. — Слизевик задумался, формируя свою телепатическую мысль. — Может, и Мэри стоит пройти тест?»

Эта мысль оказалась для Чака неожиданной. Его мозг, анализируя и интерпретируя услышанное, не мог выделить ни одного преимущества возникшей идеи. Жители Альфы не вернутся в лечебницу. Чак сам сообщил им об этом. Если Мэри обнаружит, а это вполне возможно, что она больна, то она останется такой навсегда. Ни один психиатр больше не появится на Альфе и

не начнет возиться с ней. Тогда о каких «плодах» думает Клэм?

Слизевик, уловив роящиеся в голове Чака мысли, пояснил:

«Предположим, ваша жена и впрямь обнаружит у себя ярко выраженные маниакальные наклонности. Это стало бы профессиональным медицинским заключением и подтвердило бы мои догадки. Для Мэри признать, что она подобна Говарду Строу или тем рьяным танкистам из числа манов, значило бы принять тот факт, что…»

— Ты всерьез думаешь, что это сделает ее более сдержанной? Скромной? Менее уверенной в себе? — уточнил Чак.

Раннинг Клэм явно не был сведущ в вопросах человеческой природы, особенно в природе Мэри Риттерсдорф. Не говоря уже о том, что для мана, как и для пара, неуверенность в себе была за гранью понимания. Весь их эмоциональный жизненный уклад основывался на чувстве уверенности.

Как бы то ни было, в одном пункте наивный житель Ганимеда был прав… Если человеку с серьезными расстройствами психики было бы достаточно увидеть результаты тестов, чтобы понять и принять свою психическую деформацию…

«Господи боже, — с грустью подумал Чак, — это все, на что способна современная психиатрия. Но одно знание того, что вы больны, не сделает вас здоровыми, будь то дефект сердца или разума.

Скорее всего, будет наоборот. Мэри, окутанная общением с людьми, похожими на нее, навсегда останется собой: ее маниакальная склонность получит социальную поддержку. Вероятно, она станет любовницей Строу, возможно, даже заменит его в Верховном Совете. Живя в Да Винчи-Хайтс и ломая хребты каждому, стоящему у нее на пути, она быстро поднимется к власти».

«Однако, — настаивал Раннинг Клэм, — я попрошу ее пройти необходимые тесты. Я все еще верю, что из этого может выйти нечто хорошее. Познай самого себя — так в древности говорили на Терре, я прав? Начиная с вашей хваленой греческой древности. Я не могу отделаться от мысли, что познать себя — значит снабдить себя оружием, с которым вы, существа, не склонные к телепатии, сможете изменять свою психику до тех пор, пока…»

— До каких же пор?

Слизевик молчал, вероятно, дойдя до этого момента в своих рассуждениях, ответа он не нашел.

— Пусть она сдаст тесты, — решил Чак. — А там посмотрим.

«Посмотрим», — подумал он с надеждой, что его друг окажется прав.

* * *

Ночью в Да Винчи-Хайтс Раннинг Клэм после долгих и мягких уговоров сумел убедить доктора Мэри Риттерсдорф пройти полный спектр психологических тестов, а затем уже в качестве психолога провести ту же группу тестов для ее мужа.

В затейливо убранном и весьма необычном доме Говарда Строу, делегата манов, Чак, Мэри и Раннинг Клэм стояли друг против друга. Хозяин же, по собственному внутреннему уставу будучи извечно презрительным, отчужденно притаился сзади, забавляясь происходящим. Он ловко набрасывал пастельными мелками серию портретов Мэри. Рисование служило лишь одним из его многочисленных творческих занятий. Даже сейчас, когда на Луну один за другим приземлялись альфанские корабли, Строу не оставлял любимого дела. Как и все маны, он был человеком разносторонним.

Перед Мэри стояла еще одна работа Говарда

— вырезанный из дерева и украшенный чугунными вставками стол. На нем Мэри разложила результаты исследования и сказала:

— Мы оба прошли стандартные процедуры тестирования, и, честно говоря, результаты меня удивили. Мне ясно, что с учетом результатов я должна была проходить подобные тесты на регулярной основе.

Одетая в белый свитер с высоким воротом и серые брюки свободного кроя, она села, дрожащими пальцами вытащила сигарету и закурила. А затем обратилась к сидевшему напротив Чаку.

— У тебя нет никаких признаков психического расстройства, дорогой. Поздравляю, — сказала Мэри, сдержанно и холодно улыбнувшись.

— А что насчет тебя? — спросил Чак, чувствуя, как его сердце и горло сжимаются от напряжения.

— Я совсем не ман. Тесты показали обратное — ажитированную депрессию. — Мэри все еще улыбалась.

«Это достойный, мужественный жест», — отметил про себя Чак.

— Мое постоянное давление на тебя по поводу работы, несомненно, было вызвано моим состоянием, моим бредовым чувством, что все идет не

так, что надо что-то сделать, или мы обречены. — Затушив сигарету, она тут же взяла еще одну и обратилась к Строу: — Что вы скажете?

— Жестоко, — как и прежде, без сочувствия, ответил Строу. — Рано или поздно вы, миссис Ритерсдорф, окажетесь в Коттон-Мазер-Эстейтс. Бок о бок с весельчаком Уоттерсом и ему подобными. Есть там ребята и похуже. Впрочем, вы скоро сами все узнаете. Вы можете остаться здесь на несколько дней, но потом обязательно должны уехать. Вы не одна из нас.

Он добавил чуть спокойнее:

— Узнай вы о своем диагнозе раньше, до решения лететь сюда ради этих ваших «Пятидесяти минут», я уверен, дважды бы подумали. Я прав?

Он пристально посмотрел на Мэри. Она пожала плечами. И вдруг, ко всеобщему удивлению, заплакала.

— Господи, не хочу я жить с этими чертовыми депами, — прошептала она. — Я вернусь на Терру. Я могу вернуться, Чак, а ты — нет. Мне не нужно оставаться здесь и искать свое место в этом мире. Я не хочу того, что хочешь ты.

«Что ты теперь намерен делать, Чак?» — вмешался Раннинг Клэм.

— Я построю свое поселение, — ответил Чак. —

И назову его Томас Джефферсонберг. Мазер пребывал в вечной депрессии, Да Винчи страдал маниакальным синдромом, Адольф Гитлер был параноиком, Махатма Ганди жил как гебефреник, а Джефферсон… Джефферсон был нормальным. Это место будет домом для нормальных людей. Пока что я буду жить там один, а дальше как пойдет.

«Да и с выбором делегата проблем не будет», — добавил про себя Чак.

— Дурак и есть дурак, — пренебрежительно добавил Строу. — Никто там вовек не появится. Вы проведете остаток своей жизни в изоляции. Через шесть недель сойдете с ума и вскоре будете готовы жить у паров, гебов, у кого угодно, лишь бы компания была. Без всякого сомнения, клан манов вне этого списка.

— Может, вы и правы, — согласился Чак.

Но ему не хватало уверенности Строу. Он снова думал об Аннет. Ей не многим пришлось бы пожертвовать. Она рациональна в своих суждениях, ее мировоззрение можно назвать правильным. Чак и Аннет весьма близки в этой жизни. Если есть она, то есть и другие. Чак ловил себя на мысли, что он не будет единственным обитателем Джефферсонберга. Но даже если и так…

Он будет ждать, сколько бы времени ни заняло ожидание. Ему помогут, он уже установил крепкие рабочие отношения с Габриэлем Бэйнсом. И они не пропадут зря. Если получилось с Бэйнсом, то, вероятно, получится и с остальными. За исключением подобных Строу манов и, конечно, гебов, чью нормальную жизнь уже не вернуть. У таких, как Игнат Ледебур, нет никакой личной ответственности.

— Мне нехорошо, — сказала Мэри, ее губы дрожали. — Ты приедешь ко мне в Коттон-Мазер-Эстейтс, Чак, навестишь меня? Я же не буду всю оставшуюся жизнь торчать среди депов, правда?

— Ты сказала…

— Я не могу вернуться на Терру. Я больна, тесты не врут. В нормальном обществе мне нет места.

— Конечно, я приеду, — ответил Чак. На самом деле он и сам рассчитывал провести большую часть жизни в других поселениях. Так что пророчеству Строу не суждено будет сбыться. Этому и многим другим.

«Когда я в следующий раз размножусь, — пообещал Раннинг Клэм, — нас станет много, и некоторые будут рады поселиться в Джефферсонберге. На этот раз мы будем держаться подальше от горящих автомобилей».

— Спасибо, — поблагодарил ганимедянина Чак. — Я буду тебе весьма признателен. Всем твоим «я».

Сидящий позади них Строу издевательски засмеялся. Казалось, высказанная слизевиком мысль пробудила в мане циничную радость. Остальные никак не среагировали, и Строу, пожав плечами, вернулся к своим наброскам.

Снаружи взревели двигательные установки. Корабль альфанцев ловко заходил на посадку. Долго откладывавшаяся оккупация Да Винчи-Хайтс вот-вот должна была начаться.

* * *

Чак открыл дверь и вышел на улицу. Кругом царила альфанская ночь. Он стоял и смотрел. Закурив сигарету, он прислушивался к нарастающим у земли звукам. Они звучали все ближе, и вдруг наступила казавшаяся извечной тишина. «Пройдет много времени, прежде чем они улетят. Возможно, меня уже не будет». — Стоя в темноте у дома Строу, Чак вновь ощутил, насколько реальна пришедшая ему в голову мысль.

Позади него открылась дверь. Его жена, или, точнее, бывшая жена, вышла и молча встала рядом. Они слушали грохот спускающихся кораб-

лей и любовались огненными следами в небе. Каждый думал о своем.

— Чак, — резко начала Мэри, — мы должны сделать одну очень важную вещь… ты, наверное, не думал об этом, но, если мы собираемся обосноваться здесь, нам нужно найти какой-то способ привезти сюда наших детей.

— Ты права. — На самом деле Чак уже думал об этом. — Но стоит ли?

«Особенно Дебби, — подумал он. — Она слишком чувствительный ребенок. И если она будет здесь, то рискует перенять ненормальный поведенческий и религиозный жизненный уклад. Это будет непросто».

— Если я больна… — Мэри не договорила.

Слова были излишни, ведь, будь больна Дебби, ее психика уже была бы окутана тонкой паутиной психического расстройства, поймавшего в кокон недуга их жизни. Вред, если он и был нанесен ее сознанию и подсознанию, уже дал бы о себе знать.

Бросив сигаретный бычок в темноту, Чак обнял жену за талию и притянул к себе. Вдыхая теплый, сладкий запах ее волос, он поцеловал ее в макушку.

— Нам стоит рискнуть. Мы привезем детей.

Быть может, они покажут местным ребятам другую жизнь. Они могут ходить в школу тут, на Альфе. Я готов рискнуть. Что скажешь?

— Ладно, — отстраненно согласилась Мэри. — Чак, ты действительно думаешь, что у нас с тобой есть шанс? Выработать новую основу жизни… благодаря которой мы сможем находиться рядом друг с другом достаточно долго? Или же мы просто… — она махнула рукой, — вернемся к тому, что было? К ненависти, подозрительности и прочим привычкам?

— Не знаю, — ответил он, и это было правдой.

— Солги мне, — взмолилась она, — скажи, что у нас получится.

— У нас все получится, — повторил за ней Чак.

— Ты действительно так думаешь? Или ты врешь мне?

— Я…

— Скажи, что ты не врешь, — настойчиво потребовала она.

— Я не вру, — серьезно ответил Чак. — Я знаю, что мы справимся. Мы оба молоды, активны и не так твердолобы, как пары и маны. Я прав?

— Прав. Но скажи мне, Чак, ты и впрямь любишь меня, а не эту поли? — беспомощно спросила Мэри. — Скажи честно.

— Я люблю тебя. — Чак вновь ответил честно.

— А как насчет той девушки, которую Альфсон сфотографировал? Ты и эта Джоан, как-ее-там… Я имею в виду, у тебя ведь с ней что-то было.

— Я все равно выберу тебя, — убежденно сказал Чак.

— Почему меня?

— Ты так же больна и озлоблена на эту жизнь, как и я.

На самом деле Чак не мог этого объяснить. Это напоминало некую загадку, что таилась в нем.

— Удачи тебе на новом месте, — сказала Мэри. — Терранин и дюжина слизевиков, — она рассмеялась, — безумная компашка. Да, нам стоит привезти сюда детей. Раньше я думала, что я… Ну, ты понимаешь. Непохожа на своих пациентов. Они больны, а я нет. Теперь же…

Она замолчала.

— Разница не так уж и велика, — договорил за нее Чак.

— Ты ведь не чувствуешь этого, правда? Что ты не такой, как я? Что мы разные? У тебя все хорошо, а у меня не очень.

— Все эти различия лишь у нас в головах, — искренне сказал Чак.

Он не раз задумывался о самоубийстве, а позже

думал убить свою жену, однако тесты ничего не показали. Мэри не хотела прыгать из окна или лишать его жизни, но результаты тестов оказались иными. Какая ничтожная разница! Все они, включая даже Говарда Строу, боролись за равновесие и понимание. Это было естественным стремлением всех живых существ. Надежда всегда оставалась надеждой. Даже для жителей Гандитауна. Пусть и очень слабой.

«Как и для нас, терран, лишь недавно прилетевших на Альфу, — подумал Чак, — надежда эта призрачна».

— Я все поняла, — хрипло сказала Мэри. — Я люблю тебя.

— Как скажешь, — согласился Чак.

Вдруг над ними раздались прерывистые мысли ганимедянина:

«Раз уж настало время признаний, предлагаю вашей жене разложить на столе полный отчет о ее романе с Банни Хентманом. Мне не стоило говорить “разложить на столе”, эти слова могут прозвучать двусмысленно. Однако моя точка зрения остается неизменной: Мэри была весьма озабочена тем, чтобы ты получил хорошую должность…»

— Дай я скажу, — перебила его Мэри.

«Пожалуйста, — согласился слизевик. — Я заговорю только в том случае, если вы будете небрежны в отношении полноты отчета».

— У меня была интрижка с Хентманом, Чак, — не стала отрицать Мэри, — перед тем, как мне надо было улетать. Это было один раз.

«Это не все», — возразил Раннинг Клэм.

— Мне в подробностях рассказать? — огрызнулась Мэри. — Мне доложить, когда и где мы…

«Речь не об этом. Я говорю о другой стороне ваших отношений с этим человеком, миссис Риттерсдорф».

— Я поняла. — Мэри покорно кивнула. — Все эти четыре дня, — продолжала она, обращаясь к Чаку, — я говорила Банни, что, опираясь на свой опыт, я предвидела твое стремление убить меня. Если бы не удалась твоя попытка самоубийства…

Мэри замолчала, а потом продолжила:

— Не знаю, зачем я ему это говорила. Может, мне было страшно. Мне нужно было поделиться с кем-то, а я провела с ним довольно много времени.

Значит, это была не Джоан. Узнав правду, Чак почувствовал, как на душе у него стало легче. Вряд ли он мог винить Мэри за то, что она сделала. Удивительно, что она не обратилась в полицию.

Она не врала, сказав, что любит его. Чак увидел все в новом свете: тогда на опушке леса она могла выстрелить, но не стала.

— Может, мы родим еще детей, пока будем жить здесь, — сказала Мэри. — Как слизевики… мы прилетели, нас станет все больше и больше, пока мы не станем легионом. Большинством.

Она рассмеялась позабытым мягким смехом и расслабилась в объятиях мужа, чего не делала уже целую вечность.

В небе продолжали появляться альфанские корабли. Мэри и Чак молчали, думая о том, как забрать к себе детей. «Это будет непросто, — трезво осознавал ситуацию Чак, — возможно, даже сложнее, чем все, что мы делали до сих пор. Но, скорее всего, оставшиеся на Терре люди Хентмана смогут нам помочь. Или кто-нибудь из бесчисленных знакомых Раннинга Клэма. Шанс был и там и там. А еще агент Хентмана в ЦРУ, Джек Элвуд… Но теперь он за решеткой. Как бы то ни было, если, к несчастью, наши усилия не увенчаются успехом, как сказала Мэри, у нас будут еще дети. Это не уменьшит горечи нашей потери, но это будет хорошим знаком для всех».

— Ты любишь меня? — опять спросила Мэри, почти касаясь губами его уха.

— Да, — честно ответил Чак и вдруг воскликнул: — Ай!

Мэри укусила его, едва не оторвав мочку.

«Это тоже знак, — подумал Чак. — Дурной знак».

Но что он собой явит, новый житель Альфы знать не мог.